

Д. В. Шилин

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Минск
РИВШ
2014

УДК 343:008(476)
ББК 67.408:71(4Бел)
Ш58

Рекомендовано
ученым советом Научно-практического центра
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
(протокол № 4 от 22 ноября 2012 г.)

Рецензенты:
доктор юридических наук, доцент, лауреат премии
имени А.Ф. Кони *Л. Р. Клебанов*;
профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь *Э. А. Саркисова*

Шилин, Д. В.
Ш58 Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Респуб-
лике Беларусь / Д. В. Шилин. – Минск : РИВШ, 2014. – 136 с.
ISBN 978-985-500-712-9.

В издании впервые комплексно исследуются теоретические и научно-прикладные вопросы охраны культурных ценностей нормами уголовного законодательства Республики Беларусь. Обосновывается необходимость выделения в правовой доктрине и уголовном законе культурного достояния в качестве самостоятельного родового и непосредственного объекта преступления. Предлагается подход к пониманию культурной ценности как разновидности имущества с особыми культурологическими и нравственными свойствами, что предопределяет особый характер вреда (ущерба) при посягательствах на культурные ценности, который причиняется прежде всего общественным отношениям в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния и контролируемого обладания им независимо от стоимости предмета преступления.

Адресуется ученым, преподавателям, практическим работникам, аспирантам и студентам юридических факультетов.

ISBN 978-985-500-712-9

© Шилин Д. В., 2014
© ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2014

Введение

Проблема уголовно-правовой охраны культурных ценностей в последнее время приобретает особую актуальность. Негативными тенденциями становятся увеличение масштабов нелегального рынка культурных ценностей и вовлечение недвижимых объектов в экономическую деятельность. Как правило, культурные ценности попадают в нелегальный оборот посредством хищений из музеев и церквей, контрабанды, незаконных археологических раскопок. Угрозу для культурных ценностей представляют также неадекватная реконструкция недвижимых объектов и снос по соображениям экономической нецелесообразности их сохранения в искомом месте и состоянии, осуществляемый ввиду их невысокой имущественной (балансовой) стоимости без серьезных уголовно-правовых последствий.

Между тем, общественная опасность такого рода деяний состоит в том, что культурные ценности являются уникальными предметами культурологического, а не имущественного характера и посягательства на них могут повлечь их безвозвратную потерю. На обеспечение наибольшей степени защиты культурных ценностей направлен закрепленный в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) запрет на совершение в отношении них преступлений, что обусловлено особой важностью объекта посягательства, которым является культурное достояние. В то же время высокий превентивный потенциал норм УК пока не реализуется в полной мере из-за несовершенства критериев оценки степени опасности деяний, создающих угрозу утраты культурных ценностей.

В целях противодействия этим негативным явлениям в УК в 1999 г. были включены новые составы преступлений, обеспечивающие защиту культурных ценностей (уничтожение или похищение культурных ценностей во время вооруженного конфликта, невозвращение историко-культурных ценностей на территорию Республики Беларусь, неосторожное уничтожение или повреждение таких объектов, а также надругательство над ними).

Вместе с тем, ряд проблем уголовно-правовой охраны таких предметов остался неразрешенным.

В первую очередь следует отметить правовой пробел в защите культурных ценностей в аспекте незаконного проведения археологических раскопок. УК не предусматривает ответственности за совершение таких действий, несмотря на то, что нелегальные раскопки распространены практически во всех регионах Беларуси.

Кроме того, можно констатировать создание международной сети незаконной добычи и реализации предметов археологического наследия. В этой связи отсутствие действенных уголовно-правовых мер, противодействующих такой деятельности, следует признать пробелом в законодательстве.

Вызывает также сомнение обоснованность сугубо прагматической позиции законодателя к определению объекта преступлений, посягающих на культурные ценности, основанной на приоритете имущественного аспекта. С этим подходом связано то, что закрепленные в уголовном законе составы преступлений, посягающие на культурные ценности, расположены в различных главах УК. Однако очевидно, что такие деяния причиняют вред, прежде всего, общественным отношениям в сфере сохранения культурного достояния.

Стоит обратить внимание на особенности конструкции ст. 228 УК, которая ограничивает возможность применения уголовно-правовых средств воздействия в целях противодействия контрабанде культурных ценностей. Анализ практики применения указанной нормы свидетельствует о крайне редких случаях возбуждения дел по фактам контрабанды таких предметов, несмотря на то, что ежегодно выявляются десятки случаев их контрабандного перемещения.

Вместе с тем, государство ограничивается лишь мерами взысканий, предусмотренных Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), поскольку закрепленный размер стоимости незаконно перемещаемого имущества превышающий в 2000 раз базовую величину существенно завышен для целей уголовного противодействия контрабанде культурных ценностей.

До сих пор законодателем не рассмотрен вопрос о выделении хищения культурных ценностей в отдельный состав преступления. Игнорирование особенностей объекта посягательств на культурные ценности, позволяющих наделять их отдельным механизмом уголовно-правовой охраны (по аналогии с хищением оружия или наркотических средств), на практике затрудняет квалификацию ряда деяний (например, незаконного изъятия конструктивных элементов культурных ценностей, находящихся на балансе у юридических лиц).

Большинство исследователей рассматривают культурные ценности как имущество, зачастую с высокой рыночной стоимостью, а объект посягательств связывают с отношениями собственности.

Изложенное подтверждает актуальность темы исследования, доказывает научную и практическую значимость его проведения, свидетельствует о необходимости комплексного изучения проблем уголовно-правовой регламентации ответственности за посягательства на культурные ценности. В настоящем издании впервые в Республике Беларусь предпринята попытка комплексного исследования указанных вопросов с учетом достижений науки уголовного права и потребностей правоприменительной практики.

ГЛАВА 1

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

1.1. Понятие и классификация культурных ценностей как предмета уголовно-правовой охраны

До принятия Закона Республики Беларусь от 09.01.2006 г. № 98-З «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» (далее – Закон «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны») охраняемые УК объекты культурного достояния именовались по-разному: «историко-культурные ценности», «памятники истории и культуры», «особо ценные памятники истории и культуры». Действующий УК таких различий не содержит.

Следует отметить, что российский законодатель до сих пор не разрешил данную проблему: в нормативных актах одновременно упоминаются термины «культурное достояние», «культурные ценности», «культурные блага», «культурное наследие», «достижения культуры» и др. В научной среде данный подход активно подвергается критике¹.

Не отличается единством понятийного аппарата и международное право². Используемые категории (культурные ценности, культурное достояние, наследие) недостаточно разграничиваются между собой, что создает некоторые проблемы в квалификации посягательств на культур-

¹ См.: Афонин, И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ин-т междунар. права и экономики. М., 2005. С. 4; Данилов, В.А. Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность // Право и государство: теория и практика. 2007. № 9. С. 134–135.

² См.: Молчанов, С.Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве // Моск. журн. междунар. права. 2000. № 2. С. 20–27; Рындин, С.С. К вопросу о понятии «культурная ценность» как объекте международно-правовой охраны // Актуал. проблемы рос. права. 2009. № 2. С. 360.

ные ценности в зарубежной практике. В связи с этим в уголовно-правовой доктрине предложено использовать два самостоятельных понятия: «культурные ценности», т.е. движимое имущество, и «объекты культурного наследия», т.е. недвижимость¹.

Как отмечает А.И. Лукашов, отсутствие единства терминологии искажает границы объекта уголовно-правовой охраны и приводит к неверной квалификации. Избежать таких последствий можно посредством систематического толкования норм УК, требующего от правоприменителя глубокого знания права².

В настоящем издании используется научная категория «культурное достояние» как совокупность всех видов культурных ценностей и термин «культурное наследие», включающий в себя историко-культурные ценности.

Поскольку изучение вопросов уголовно-правовой охраны культурных ценностей непосредственно связано с самой категорией «культурные ценности», необходимо определить понятие и виды таких объектов.

Культурные ценности – это созданные (преобразованные) человеком либо тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления творчества человека, которые имеют художественное, историческое, научное либо другое значение³.

Очевидно, что данное понятие максимально обобщено. При этом какие-либо признаки, конкретизирующие его, в законодательстве не упоминаются.

Из понятия культурной ценности однозначно следует, что соответствующие предметы имеют непосредственное отношение к деятельности человека. Как правило, это предметы живописи, скульптуры, архитектуры, являющиеся результатом творчества человека, причинение вреда которым наносит ущерб общественной нравственности.

Однако достаточно ли таких неконкретизированных характеристик предмета для установления уголовно-правового запрета за посягательство на него?

¹ Диканов, К.А. Борьба с преступными посягательствами на культурные ценности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008. С. 13.

² Лукашов, А.И. К вопросу о понятии «уголовного закона» в правилах формулирования уголовно-правового запрета // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. Конгрессе уголов. права, Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г. / редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М., 2007. С. 240.

³ См.: Аб культуры у Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 4 чэрв. 1991 г., № 832-ХІІ [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

Принципиальным моментом для уяснения содержания анализируемого понятия является признак «объекты, имеющие художественное, историческое, научное либо другое значение». На практике подобные характеристики устанавливаются экспертами, заключение которых в отношении одного и того же предмета зачастую может различаться.

В зависимости от правовой регламентации режима охраны культурные ценности подразделяются на следующие группы:

- ✓ историко-культурные ценности;
- ✓ культурные ценности, представленные в установленном порядке для присвоения им статуса историко-культурных ценностей;
- ✓ культурные ценности, составляющие Музейный и Библиотечный фонды Республики Беларусь;
- ✓ иные культурные ценности (которые не являются историко-культурными ценностями, но обладают отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами).

Историко-культурные ценности – это материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человечества (нематериальные историко-культурные ценности), которые обладают отличительными духовными, художественными или документальными качествами и которым присвоен статус историко-культурной ценности. Их совокупность образует понятие «культурное наследие».

Уникальность таких предметов обусловила выделение законодателем наиболее опасных деяний в отдельные составы преступлений (невозвращение историко-культурных ценностей, их уничтожение, повреждение, а также надругательство). В этой связи следует рассмотреть основные виды и признаки историко-культурных ценностей с точки зрения уголовно-правовой квалификации.

Историко-культурные ценности подразделяются на материальные и нематериальные.

Материальные историко-культурные ценности – это объекты, материальное воплощение которых составляет их содержание. Материальные историко-культурные ценности подразделяются на:

- 1) недвижимые – их перемещение в пространстве требует осуществления инженерных мероприятий и ведет к полной (частичной) утрате их отличительных духовных, художественных или документальных свойств;
- 2) движимые – их перемещение в пространстве не связано с изменением указанных отличительных свойств.

Согласно ст. 16 Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», материальные историко-культурные ценности в зависимости от своей значимости подразделяются на четыре категории:

✓ «0» – ценности, которые включены или предложены для включения в установленном порядке в Список мирового культурного и природного наследия или в Международный список мирового наследия, которое находится под угрозой (например, Борисоглебская (Коложская) церковь, г. Гродно);

✓ «1» – ценности, отличительные духовные, художественные и (или) документальные свойства (далее – свойства) которых имеют международное значение (например, Мемориальный комплекс «Хатынь»);

✓ «2» – ценности, свойства которых имеют национальное значение (например, Софийский собор, г. Полоцк);

✓ «3» – ценности, свойства которых имеют значение для отдельных регионов Республики Беларусь (например, здание Национального драматического театра им. М. Горького, г. Минск).

Нематериальные историко-культурные ценности – это объекты, материальное воплощение которых не оказывает существенного влияния на их содержание. К таким ценностям относятся обычаи, традиции, обряды, фольклор (устное народное творчество), язык, его диалекты, содержание геральдических, топонимических объектов и произведений народного искусства.

Нематериальные историко-культурные ценности подразделяются на следующие категории:

1) категория «А» – историко-культурные ценности, полная аутентичность и точность которых безусловна и неизменна;

2) категория «Б» – историко-культурные ценности, которые полностью либо частично восстановлены (зафиксированы) на вторичном материале или отличительные духовные, художественные и (либо) документальные достоинства которых объективно со временем могут изменяться.

В законодательстве создана правовая основа защиты данных объектов посредством присоединения к Конвенции об охране нематериального культурного наследия. Вместе с тем, обращает на себя внимание сложность формулировок видов нематериальных ценностей. Как отмечает Л.М. Нестерчук, данная категория раскрыта в законодательстве «вельмі невыразна і забытана». В целом он считает, что обеспечение охраны духовного наследия проблематично, поскольку не разработаны принципы и подход к такой охране¹.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.05.2007 г. № 578 «Аб статусе гісторыка-культурных каштоўнасцей» к нематериальным ценностям отнесены 48 гербов городов Беларуси, герб «Погоня», обряд

¹ Нестерчук, Л.М. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: асн. этапы фарміравання, сучас. стан і перспектывы. Мінск, 2003. С. 106, 158.

Юрья, Свято-Воскресенский храм имени 50-летия Великой Победы с воротами-колокольней¹. Однако закономерно возникает вопрос об обоснованности нахождения в данном списке упомянутого храма.

Зарубежный законодатель также относит материальные объекты к нематериальным ценностям. Так, согласно ст. 1 Закона Азербайджанской Республики от 07.12.2004 г. № 799 ПГ «О сохранении и развитии азербайджанского коврового искусства», азербайджанский ковер является материальным и духовным богатством азербайджанского народа, результатом интеллектуальной деятельности, отражает эстетическое мировоззрение, самобытность и культурную идентичность народа².

Тем не менее, практика признания материальных предметов частью нематериального культурного наследия может существенно повлиять на их защиту уголовным законом. Учитывая, что нематериальные ценности имеют свою категориальную принадлежность (категории «А» и «Б»), то закономерно возникает вопрос: подлежат ли они защите, например, от уничтожения либо повреждения по ст. 344 УК, диспозиция которой охраняет объекты, исходя из категорий материальных ценностей («0», «1», «2» и «3»).

Очевидно, что каждая культурная ценность обладает духовной составляющей и ассоциируется с определенными событиями, личностями и т.д. Однако определяющая роль должна принадлежать ее внешней форме. В этой связи полагаем, что подобные коллизии следует устранить путем нормативного закрепления положения о том, что материальные объекты (здания, сооружения) не могут составлять нематериальное культурное наследие.

Вопрос об уголовно-правовой охране нематериального наследия является дискуссионным. Например, М.М. Богуславский отмечает, что в праве культурными ценностями признаются лишь материальные предметы. Нематериальные ценности охраняются правом в иных юридических формах (авторское, патентное право)³. Аналогичного мнения придерживаются Р.Б. Булатов и Е.В. Герасимова⁴. Иную позицию занимает

¹ Аб статусе гісторыка-культурных каштоўнасцей: пастанова Савета Міністраў Рэсп. Беларусь, 14 мая 2007 г., № 578 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

² О сохранении и развитии азербайджанского коврового искусства: Закон Азерб. Респ., 7 дек. 2004 г., № 799-ПГ [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=11597. Дата доступа: 10.10.2012.

³ Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юрист, 2005. С. 30.

⁴ См.: Булатов, Р.Б. Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / СПб., 1995. С. 59; Герасимова, Е.В. Предмет хищения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 20.

Е.В. Медведев, который отмечает неправомерность закрепления определения культурных ценностей лишь для части предметов, поскольку теряется смысл самого понятия¹.

В отечественной науке также нет единого мнения по данному вопросу. Ряд исследователей указывают, что нематериальные ценности подлежат уголовно-правовой охране по ст. 346 УК². И.Э. Мартыненко, разделяя данную позицию, констатирует проблематичность ее реализации³. М.Н. Сатолина, развивая мысль М.М. Богуславского, предлагает выработать самостоятельную сферу законодательства по примеру топологии интегральной микросхемы⁴.

Идея о правовой защите нематериальных ценностей заслуживает внимания и уже реализована зарубежным законодателем. Например, Законом Азербайджанской Республики от 16.05.2003 г. № 460-ПГ «О правовой охране выражений азербайджанского фольклора» гарантируется защита прав интеллектуальной собственности на фольклорные выражения путем выплаты назначенной судом компенсации в сумме от 100 до 50 000 условных финансовых единиц⁵.

Однако реализация данных положений в отечественном законодательстве проблематична, поскольку произведения народного творчества, авторы которых неизвестны, не являются объектами авторского права⁶.

На наш взгляд, нематериальные историко-культурные ценности могут защищаться УК (например, от надругательства (ст. 346 УК), о чем пойдет речь в гл. 2 настоящего издания).

Объекты приобретают статус историко-культурной ценности после решения Правительства и внесения в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Для присвоения указан-

¹ Медведев, Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2003. С. 47.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. Минск: Тесей, 2003. С. 926.

³ Мартыненко, И.Э. Уголовно-правовая охрана военно-исторического наследия Беларуси: проблемы совершенствования законодательства // Юстыцыя Беларусі. 2007. № 2. С. 40.

⁴ Сатолина, М.Н. Некоторые проблемы комплексной правовой охраны нематериального историко-культурного наследия и имплементация положений Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия // Право.by. 2008. № 1. С. 211.

⁵ О правовой охране выражений азербайджанского фольклора: Закон Азерб. Респ., 16 мая 2003 г., № 460-ПГ [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=22712. Дата доступа: 20.11.2011.

⁶ Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 60. 2/1813.

ного статуса объект должен соответствовать одному из критериев, указанных в ст. 20 Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», а именно:

- 1) являться:
  - ✓ одним из факторов формирования национального менталитета;
  - ✓ ценным свидетельством существования исчезнувшей цивилизации;
  - ✓ эпичным произведением, созданным или существенно переосмысленным и видоизмененным народом Беларуси;
  - ✓ авторским произведением искусства, созданным на территории Беларуси или под влиянием белорусской истории, менталитета или других факторов;
  - ✓ выдающимся художественным произведением, созданным вне Беларуси;
  - ✓ материальным объектом, нематериальным проявлением творчества человека, особенностью образа жизни народа Беларуси;
  - ✓ отличительным или оригинальным результатом творческого или научно-технического эксперимента;
  - ✓ захоронением знаменитого человека, братской могилой воинов, жертв военных событий, вооруженных конфликтов, массовых репрессий;
  - ✓ традиционным топонимичным названием;
- 2) являться редким или выдающимся образцом:
  - ✓ созданной человеком окружающей среды;
  - ✓ использования в деятельности человека природных факторов;
  - ✓ сооружения или иного произведения, имеющего типичные свойства, характерные только для культуры народа Беларуси;
  - ✓ произведения народного искусства определенного исторического периода, региона или этнической группы;
  - ✓ решения хозяйственных, фортификационных и иных вопросов;
- 3) быть непосредственно связанным с:
  - ✓ событиями, идеями, убеждениями, оказавшими значительное влияние на ход исторического или духовного развития человечества и народа Беларуси;
  - ✓ жизнью и деятельностью выдающихся личностей мира и Беларуси;
- 4) считаться:
  - ✓ связанным с народными преданиями, легендами, народными обрядами;
  - ✓ материальными объектами, которые имеют отличные свойства;
- 5) оказывать значительное влияние на развитие искусства, мировоззрение людей на территории отдельного региона или этнической группы;
- 6) содержать в себе неисследованный культурный слой.

Как правило, статус историко-культурной ценности присваивается материальным недвижимым объектам (историческим зданиям, памятникам,

мемориальным комплексам и др.). На принадлежность объекта к культурному наследию указывает соответствующий информационный знак.

Обращает внимание оценочность критериев присвоения объекту статуса историко-культурной ценности, предопределяющая субъективизм при рассмотрении вопроса об отнесении предмета к культурному наследию. Вопрос о критериях соответствия объекта статусу культурной ценности в юридической науке является дискуссионным. Например, М.М. Богуславский отмечает, что культурные ценности являются результатом творческой деятельности человека; имеют определенное историческое, художественное или научное значение; должны быть созданы более чем 50 (100) лет назад (временной критерий); должен иметь стоимость, определение которой достаточно условно¹.

Развивая данную мысль, Г.А. Русанов предложил основные и дополнительные критерии. Основными следует считать историческое, художественное или научное значение предмета в мировом либо региональном масштабе. Дополнительными критериями являются результаты творческой деятельности человека и временной критерий².

В российской науке высказывается и иное мнение о ключевых признаках культурных ценностей. Ряд авторов предлагают законодательно закрепить, что культурные ценности – это в том числе предметы, имеющие высокую рыночную стоимость³. Отсутствие такого признака (например, применительно к контрабанде) приводит к борьбе не с организованной преступностью, а с частными лицами, вывозящими личные вещи, не имеющие никакой рыночной стоимости. С другой стороны, совершенно очевидно, что ориентирование исключительно на рыночную стоимость объекта недопустимо также и по причине колебания цен на достояния культуры в связи с перенасыщенностью рынка⁴.

На наш взгляд, основным критерием отнесения предмета к историко-культурной ценности (равно как и признание культурной ценностью в целом) являются его особые художественные свойства, значимость для общественной нравственности. При этом ни о какой высокой стоимости

¹ Богуславский, М.М. Судьба культурных ценностей. М.: Юрист, 2006. С. 42.

² Русанов, Г.А. Понятие «культурных ценностей» и критерии отнесения предмета к культурным ценностям в науке уголовного права // Рос. юстиция. 2008. № 4. С. 32–33.

³ См.: Алехин, Д.В. Расследование хищений научных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.09. М., 2008. С. 14; Афонин, И.Б. Указ. соч. С. 13; Богданчиков, С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности; под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 97.

⁴ Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с посягательствами на культурные ценности / Т.А. Диканова [и др.]. М.: НИИ Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2010. С. 41, 61.

предмета как основополагающего критерия признания его культурной либо историко-культурной ценностью не может быть и речи. Стоимость надлежит рассматривать как производную (следствие) культурологической значимости предмета, а не наоборот.

Следует отметить, что российский законодатель попытался определить понятие «культурной ценности» через описание конкретных предметов. Однако данная попытка не нашла поддержки в науке, поскольку очевидна чрезмерная детализация предмета правового регулирования¹.

Правовой охране также подлежат культурные ценности, представленные в установленном порядке для присвоения им статуса историко-культурных ценностей. Речь идет о предметах, которые объективно соответствуют упомянутым выше критериям, однако решение в отношении которых еще не принято компетентным органом.

Вместе с тем, при квалификации посягательств на данные предметы могут возникнуть некоторые затруднения. О том, что в отношении определенного объекта решается вопрос о присвоении ему статуса историко-культурной ценности, как правило, осведомлен незначительный круг лиц (работники Министерства культуры и починенных органов). Иные лица объективно не могут сознавать, что причиняют вред предметам, подлежащим особой охране.

В этой связи применение ст.ст. 344 и 345 УК об умышленном либо неосторожном причинении вреда материальным предметам, которые могут быть признаны историко-культурными ценностями, требует особого установления субъективной стороны состава преступления, а именно: осознания лицом того, что на момент совершения деяния эти предметы рассматривались компетентными органами как обладающие признаками историко-культурной ценности. С другой стороны, причинение вреда таким предметам не исключает ответственности должностного лица в случае установления факта преднамеренного затягивания рассмотрения вопроса о включении объекта в список культурного наследия, повлекшего причинение существенного вреда государственным или общественным интересам в виде его разрушения или утраты исторической ценности.

Статус историко-культурной ценности может быть присвоен аутентичному или отреставрированному материальному объекту в соответствии с научно-проектной документацией. Со времени первоначального создания недвижимого объекта должно пройти не менее 40 лет, и он должен быть не менее чем на 90% восстановлен на прежнем месте, согласно историческим данным².

¹ Щенникова, Л.В. Правовая охрана культурных ценностей России // Государство и право. 1994. № 3. С. 9–15.

² См.: Арт. 20 Закона Рэсп. Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны».

Таким образом, статус историко-культурной ценности означает, что объект обладает выдающимися характеристиками нематериального (духовного) свойства, которые и предопределяют его особый режим правовой охраны *независимо от стоимости такого объекта*. В целом отсутствие стоимостного критерия при рассмотрении вопроса об отнесении объекта к культурному наследию характерно для всех видов культурных ценностей, что, на наш взгляд, является верной позицией законодателя. Полагаем, что аналогичный подход должен применяться также при законодательной регламентации и квалификации преступных посягательств на культурные ценности (например, по вопросу о целесообразности установления минимального размера стоимости похищаемого имущества, являющегося культурной ценностью).

Категорию «культурные ценности» образуют также объекты Музейного и Библиотечного фондов Республики Беларусь.

Музейный фонд Республики Беларусь представляет собой совокупность музейных предметов, постоянно находящихся в государственных или частных музеях и включенных в Музейный фонд на основе письменных заявлений либо согласия их собственников¹.

Библиотечный фонд Республики Беларусь образуют фонды библиотек различных форм собственности, взаимосвязанных системой депозитарного хранения и перераспределения документов, единым справочно-библиографичным аппаратом. Библиотечным фондам, содержащим редкие документы, может быть присвоен статус историко-культурной ценности².

Если в отношении обоснованности включения Музейного фонда в культурное достояние Республики Беларусь все более-менее ясно (его составляют предметы, олицетворяющие исторические события, уклад общественных отношений определенного периода, жизнь политических деятелей и пр.), то Библиотечный фонд может быть представлен экземплярами, не имеющими никакого отношения к истории и культуре в целом (например, современные произведения, изданные многочисленным тиражом). В этой связи возникает вопрос о том, насколько может осознавать лицо, которое не возвратило книгу в библиотеку, ее принадлежность к культурному достоянию, поскольку такое невозвращение может рассматриваться как хищение культурной ценности (в силу анализируемых установлений законодательства). При этом сложно предположить содержание экспертного заключения по данному вопросу, поскольку

¹ См.: Аб музеях і Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 12 снеж. 2005 г., № 70-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

² См.: Аб бібліятэчнай справе ў Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 22 сак. 1995 г., № 3680-XII [Электронный ресурс] // Там же.

неясны критерии, по которым может быть сделан вывод о том, что невозвращенное издание относится к культурным ценностям.

Еще большее затруднение у правоприменителя может вызвать установление признаков культурной ценности четвертой группы: иные культурные ценности (те, которые не являются историко-культурными ценностями, но обладают отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами). Законодательно такие признаки не определены. Не уточняются также и критерии отнесения предметов к культурным ценностям указанной группы. Подобные оценочные категории условно допустимы, например, при инвентаризации (описи) культурного наследия, в случае выявления предмета, объективно обладающего историко-культурными свойствами, однако когда невозможно его однозначно соотнести с каким-либо режимом правовой охраны.

Вместе с тем, для целей установления и реализации ответственности необходим дуализм условий: 1) закрепленные в законодательстве критерии для присвоения объекту статуса культурной ценности, которыми руководствуется эксперт; 2) осознание лицом, посягающим на него, его особого правового статуса, обусловленного именно историко-культурными свойствами. Нарушение данного баланса приведет либо к объективному вменению (привлечению к ответственности лиц, которые не подозревали, что посягают на культурное достояние), либо к отказу в возбуждении уголовных дел ввиду отсутствия состава преступления (в свою очередь, это приведет к росту посягательств ввиду безнаказанности за содеянное). Кроме того, особые культурологические свойства предмета должен осознавать и его собственник, чтобы обеспечить надлежащую сохранность культурной ценности.

Следует отметить, что ситуация с определением признаков культурных ценностей, защищаемых уголовным законом, может приобрести еще большую актуальность при реализации нормы Модельного УК СНГ об ответственности за хищение культурных ценностей. В государствах Таможенного союза (России и Казахстане) такая норма предусмотрена. Однако при ее реализации возникают некоторые вопросы процессуального характера. Например, поступает запрос о выдаче лица, обвиняемого в хищении предметов, относящихся, согласно законодательству третьего государства, к культурным ценностям.

Можно ли отказать в запросе, когда по критериям, применяемым в Республике Беларусь, такие предметы не обладают культурной значимостью?

По сути, в такой ситуации будет отсутствовать предмет преступления, а следовательно, и состав преступного деяния. При этом эксперт может указать на то, что предметы, в посягательстве на которые обвиняется лицо, подлежащее выдаче, не имеют культурной ценности, а их стои-

мость незначительна. Тем самым, деликт в отношении таких предметов следует разрешать в рамках иного процесса (гражданско-правового, административного), но не уголовного либо, учитывая незначительную стоимость предмета, дело о его похищении может быть возбуждено только в порядке частного обвинения.

На этом основании, а также исходя из норм международных договоров о правовой помощи, действующих в рамках СНГ, Республика Беларусь вправе отказать в выдаче запрашиваемого лица, ссылаясь на то, что преступление в соответствии с законодательством запрашиваемой стороны преследуется по заявлению потерпевшего¹.

В выдаче может быть отказано и на основании императивных предписаний ст. 484 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. В этой норме указано, что просьба органа иностранного государства, содержащая положение о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования или отбывания наказания, не исполняется, если лицо, в отношении которого поступила такая просьба, не подлежит привлечению к уголовной ответственности в соответствии с УК.

Проблемы аналогичного порядка до сих пор не решены и в сфере определения стоимости культурной ценности, контрабандно перемещаемой через таможенную границу Республики Беларусь. Действующий уголовный закон предусматривает явно завышенный размер стоимости культурной ценности для целей возбуждения уголовного преследования (свыше 2000 базовых величин). Как результат, за последнее десятилетие уголовные дела по факту контрабанды культурных ценностей не возбуждались.

Отсутствие четких критериев для признания объекта культурной ценностью непосредственно связано с вопросом о методике оценки вреда (ущерба), причиненного преступлением. Например, как отмечается в юридической литературе, если посягательство совершено в отношении археологических ценностей, то оценить причиненный вред сложно ввиду отсутствия методики его оценки в денежном выражении².

Таким образом, культурными ценностями являются объекты, имеющие художественное, историческое, научное либо иное значение и представляющие собой свидетельства развития культуры белорусского и иных народов (в том числе неповторимые). Именно особая нравственная значимость таких предметов предопределяет их специальный статус и уголовно-правовую охрану.

¹ См.: Ст. 89 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 7 окт. 2002 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

² Шостак, Г. Охрана историко-культурного наследия: итоги прокурорской проверки неутешительны // Законность и правопорядок. 2012. № 1. С. 15.

Объекты признаются культурной ценностью независимо от их стоимости. Аналогичный подход следует распространить и на сферу уголовно-правовой квалификации (например, при хищении). Кроме того, законодательно необходимо исключить возможность присвоения материальному объекту статуса нематериального наследия, поскольку в правоприменительной практике могут возникнуть трудности в квалификации его уничтожения либо повреждения.

Вместе с тем, анализ законодательства не позволяет определить четкие признаки культурной ценности как предмета гражданского оборота. Очевидно, что основанием отнесения объекта к культурному достоянию является не его стоимость, а особое художественное, историческое, научное либо иное значение. Такой подход вполне приемлем для «инвентаризации» культурного достояния (т.е. распространения режима правовой охраны на выявляемые объекты) и контролируемого обладания им.

Однако для целей уголовной ответственности необходимо четкое представление о предмете посягательства, его особых свойствах и объективной возможности являться частью культурного наследия. Данные признаки должны осознаваться не только экспертом при определении особой ценности объекта для культуры, но и лицом, которое приобретает право на такое имущество (в том числе противоправным способом) либо совершает в отношении него какие-либо действия, влекущие юридические последствия.

1.2. Сущность и виды посягательств на культурные ценности

В действующем УК значительно увеличилось число составов преступлений, защищающих культурные ценности (по сравнению с Уголовным кодексом Белорусской ССР 1960 г. (далее – УК 1960 г.). Несмотря на общность предмета посягательства, эти преступления располагаются в различных главах УК, а следовательно, посягают на различные родовые объекты:

а) законы и обычаи ведения войны (превращение в объект нападения, уничтожение либо хищение культурных ценностей, находящихся под защитой во время вооруженного конфликта, – пп. 8 и 8¹ ст. 136);

б) общественный порядок и общественную нравственность (уничтожение, повреждение и надругательство над историко-культурными ценностями – ст.ст. 344–346);

в) порядок осуществления экономической деятельности (контрабанда культурных ценностей и невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей – ст.ст. 228 и 230);

г) отношения собственности (формы хищения – гл. 24).

Такой подход неоднократно подвергался критике. Например, Ю. Маркин полагает, что объектом любого преступления, посягающего на культурные ценности, выступают общественные отношения в части соблюдения и обеспечения сохранности именно исторического и культурного достояния как такового, а не конкретно какой-либо формы собственности¹.

Схожего мнения придерживается ряд российских ученых².

Применительно к действующему УК следует отметить позицию А.И. Лукашова о правильности нахождения ст. 230 УК о невозвращении на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей в гл. 25 (преступления против порядка осуществления экономической деятельности). По его мнению, непосредственным объектом деяния является порядок оборота культурных ценностей, а родовым объектом – культурное наследие³. Аналогичное мнение высказывают также иные представители правовой доктрины⁴.

И.Э. Мартыненко отмечает у некоторых составов преступлений очевидность «родства» объекта – общественных отношений в сфере охраны и использования историко-культурного наследия⁵.

¹ Маркин, Ю. Защитит ли уголовный закон наши исторические и культурные ценности? // Сов. юстиция. 1989. № 20. С. 6.

² См.: Вершков, В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005. С. 7–8; Клебанов, Л.Р. О родовом объекте преступлений, посягающих на культурные ценности // «Черные дыры» в Рос. законодательстве. 2009. № 2. С. 89.

³ Лукашов, А.И. Классификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 1999 г. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. Минск, 1999. С. 164.

⁴ См.: Грозин, В.Ю. Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. С. 15–16; Кочубей, М.А. Основания уголовной ответственности за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ) // «Черные дыры» в Рос. законодательстве. 2005. № 2. С. 379.

⁵ Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия: учеб. пособие. Минск: ЕГУ, 2003. С. 164.

Проанализируем, насколько существующий подход согласуется с научной концепцией построения Особенной части УК.

Основу построения главы Особенной части УК составляет родовый объект посягательства. Существенное влияние на место расположения нормы в Уголовном кодексе оказывает непосредственный объект преступления. И. Слуцкий и Н.И. Загородников полагали, что объединение уголовных норм должно исходить из непосредственного объекта¹. По мнению В.Н. Винокурова, в зависимости от того, какое благо, по разумению законодателя, в большей мере нуждается в уголовно-правовой охране, оно признается основным непосредственным объектом². При этом последний определяет границы общественных отношений в целях уголовно-правовой охраны³.

В.Я. Таций, обосновывая необходимость выделения главы «преступления против природы», указывал на первоочередность определения их непосредственного объекта⁴. По мнению Н.И. Коржанского, непосредственный объект деяний в рамках определенной главы, должен лежать в плоскости своего родового объекта⁵. Тем самым, построение главы Особенной части УК осуществляется на основе родового и непосредственно-го объектов.

Исходя из сказанного нормы, защищающие культурные ценности, следует располагать в УК с учетом признаков непосредственного объекта.

В отечественной науке уголовного права уже рассматривался схожий подход к объединению некоторых составов преступлений. Например, Н.Ф. Ахраменка предложил проводить систематизацию преступлений, совершаемых с использованием информационно-вычислительных систем, по непосредственному объекту⁶. По мнению В.И. Пенкрата, схожим образом целесообразно объединять уголовно-правовые

¹ См.: Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1961. С. 11; Слуцкий, И. Преступления против личности в проекте УК СССР // Социал. законность. 1947. № 4. С. 10.

² Винокуров, В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 81–82.

³ Винокуров, В.Н. Понимание объекта преступления как общественных отношений и применение уголовного закона // Уголов. право. 2011. № 1. С. 20.

⁴ Таций, В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Выща шк., 1988. С. 86.

⁵ Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: Акад. МВД СССР, 1980. С. 79.

⁶ Ахраменка, Н.Ф. Проблемы криминализации общественно-опасного поведения с использованием информационно-вычислительных систем: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Минск, 1996. С. 61.

нормы, защищающие уклад семейных отношений и интересы несовершеннолетних¹.

Н.А. Бабий среди преступлений против общественного порядка и общественной нравственности отдельно выделяет преступления против культурного достояния. Основанием такой классификации выступают признаки непосредственного объекта, к которым относятся общественные отношения по поводу культурных ценностей².

В юридической литературе различают следующие разновидности непосредственных объектов: основной, дополнительный и факультативный.

Под *основным непосредственным объектом* понимается социально значимое общественное отношение или интерес, которые законодатель стремится поставить под охрану и которые терпят урон всякий раз при совершении преступления определенного вида³. Необходимость такой классификации возникает, когда одно и то же преступление одновременно причиняет вред нескольким разновидностям общественных отношений⁴. При этом именно основной объект является основой идентификации соответствующего деяния в качестве преступного и выбора места уголовно-правовой нормы в уголовном законе⁵.

Дополнительным объектом считаются общественные отношения, которые, «заслуживая самостоятельной уголовно-правовой охраны, применительно к целям и задачам издания нормы защищаются уголовным законом лишь попутно, поскольку эти отношения неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной непосредственный объект»⁶.

Факультативный объект – это конкретное общественное отношение, которому причиняется вред в результате совершения преступления.

На наш взгляд, *основным родовым и непосредственным объектом преступных посягательств на культурные ценности являются общес-*

¹ Пенкрат, В.И. Уголовно-правовая защита семьи в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Минск, 2003. С. 11.

² Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие для специальностей «Правоведение» и «Экон. право» вузов / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. Минск: Новое знание, 2002. С. 620, 640.

³ См.: Мальцев, В. Понятие непосредственного индивидуального объекта преступления // Уголов. право. 2011. № 5. С. 19; Фролов, Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Учён. тр. Свердл. юрид. ин-та. Свердловск, 1969. Вып. 10 / редкол.: Р.М. Галиакбаров [и др.]. С. 213–216.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ю.В. Грачева [и др.]; под ред.: Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Инфра-М : Контракт, 2010. VI, С. 443.

⁵ Коржанский, Н.И. Указ. соч. С. 81.

⁶ Фролов, Е.А. Указ. соч. С. 214–215.

твенные отношения в сфере сохранения культурного достояния государства, а дополнительным непосредственным объектом – иные общественные отношения (в том числе отношения собственности).

Данный вывод имеет практическое значение для систематизации норм УК, поскольку посягательства на культурные ценности многообъектны (одновременно причиняют вред нескольким видам общественных отношений). Например, хищение культурных ценностей посягает не только на отношения собственности, но и на комплекс общественных отношений, затрагивающих материальную и духовную культуру общества¹.

Иными словами, нормы, защищающие культурные ценности, относятся к нескольким родовым объектам: отношения собственности, нравственности, общественного порядка, культурного достояния. Поэтому при их анализе и систематизации следует руководствоваться преобладающей направленностью того или иного преступного деяния².

Стоит отметить, что в российской науке уголовного права уже высказывалось предложение о выделении в качестве самостоятельных родового и непосредственного объектов преступлений против культурных ценностей³. В частности, по мнению Л.Р. Клебанова, родовым объектом таких посягательств являются общественные отношения, возникающие по поводу создания, воссоздания, использования, владения, распоряжения, сохранения, популяризации и пропаганды культурных ценностей, а непосредственным – отношения собственности, складывающиеся по поводу культурных ценностей⁴. Такой подход является прогрессивным, однако обращает на себя внимание определение родового и непосредственного объектов посягательств на культурные ценности преимущес-

¹ См.: Гайдашов, А.В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1997. С. 20; Сабитов, Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. Омск, 2002. С. 82; Севрюков, А.П. Хищение имущества: криминал. и уголов.-правовые аспекты. М.: Экзамен, 2004. С. 168.

² См.: Векленко, В.В. Объект в структуре состава преступления // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения: материалы науч.-практ. конф. Омск, 21 февр. 2006 г. / редкол.: П.Н. Путилов (отв. ред.) [и др.]. Омск, 2006. С. 5; Ляпунов, Ю.И., Мшвениерадзе, П.Я. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права // Изв. вузов. Правоведение. 1985. № 3. С. 30; Тишкевич, С.И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификация преступлений. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1992. С. 90.

³ Вершков, В.В. Указ. соч. С. 7; Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова. М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 167, 172.

⁴ Там же. С. 167, 172.

твенно через отношения собственности, а не через уникальные свойства таких предметов, предопределяющие особый режим правовой охраны.

В.В. Вершков формулирует родовой объект преступлений против культурных ценностей как интерес (благо), характеризующийся состоянием защищенности культурных ценностей от посягательств, которые причиняют или могут причинить им вред¹. Разделяя позицию российского ученого, отмечаем излишнюю оценочность и неопределенность таких признаков, как «интерес (благо)» и «состояние защищенности», не позволяющие в полной мере отразить сущность родового объекта данного вида посягательств.

Принимая во внимание характер посягательств и особенности их *объектной направленности*, уголовно-правовая регламентация ответственности за преступления, посягающие на культурные ценности, должна быть направлена на выявление и изменение отношения человека к объекту не как к имущественной ценности, а как к ценности духовно-культурной, нравственной. Без этого профилактическая функция уголовно-правовых норм сведется к сугубо карательной функции и утратит свое главное качество применительно к сущности объекта посягательства и необходимости его охраны². Охранительная функция норм уголовного закона, которая реализуется посредством введения запретов на совершение деяний, исходит и должна исходить из уникальности культурного достояния и необходимости его сохранения как такового.

С учетом изложенного все преступления, посягающие на сегменты, обеспечивающие сохранность культурных ценностей, целесообразно рассматривать в единстве, объединив их в следующие группы: 1) преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов; 2) преступления, связанные с незаконным оборотом и завладением культурными ценностями; 3) преступления, нарушающие физическую целостность объекта культурного наследия; 4) надругательство над историко-культурными ценностями.

С объективной стороны указанные преступления могут выражаться как в активных, традиционных для других объектов посягательства действиях (контрабанда и хищение культурных ценностей, уничтожение и повреждение историко-культурных ценностей), так и в бездействии (невозвращение историко-культурных ценностей, умышленное непринятие мер по их защите).

¹ Вершков, В.В. Указ. соч. С. 7.

² Дулов, А.В. Профилактическая функция правовой системы борьбы с преступностью // Правовые средства противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2010. С. 207–208.

Деяния, посягающие на культурные ценности, в основном имеют материальный состав, что предполагает наступление неблагоприятных последствий: умышленное или неосторожное их уничтожение либо повреждение, хищение (за исключением разбоя и вымогательства). Законодатель предусмотрел возможность уголовного преследования и при отсутствии таких последствий – формальный состав имеют надругательство, контрабанда, разбой и вымогательство культурных ценностей, невозвращение историко-культурных ценностей.

Для ряда преступлений обязательным признаком объективной стороны является наличие ущерба (хищение, уничтожение либо повреждение по неосторожности) либо определенного размера стоимости культурной ценности (присвоение клада, контрабанда). Однако данный подход законодателя недостаточно обоснован, поскольку основной критерией оценки таких предметов и характера причиняемого им вреда не имущественный, а культурологический (учитывающий, прежде всего, значимость предмета посягательства для культуры и истории государства).

Установление характера преступного вреда позволяет определить сферу отношений и уяснить место нормы в системе уголовного закона. Например, на протяжении длительного времени считалось, что экологические преступления посягают на порядок рационального использования природных ресурсов. Однако со второй половины XX в. получила распространение позиция о том, что вред в этом случае причиняется не экономическим отношениям, а праву граждан на благополучную окружающую среду¹. В этой связи в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации) нормы об ответственности за посягательства на объекты экологии расположены в самостоятельной главе.

В целом обоснована позиция В.Н. Винокурова о том, что характер вредных последствий как элемента объективной стороны преступлений против общественной нравственности отличается созданием угрозы причинения фактического вреда значительному количеству людей, который проявляется через существенный промежуток времени². Полагаем, что именно в этом и состоит основной (нравственный) ущерб посягательств на культурные ценности, не поддающийся преимущественно стоимостной оценке.

Субъект рассматриваемой категории преступлений может быть как общим (физическое лицо, достигшее 16 лет на момент совершения преступления, а при краже, разбое, грабеже, вымогательстве – 14 лет), так

¹ См.: Бушуева, Т.А., Дагель, П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Совет. государство и право. 1977. № 8. С. 80–81; Плешаков, А.М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями. М.: Высш. шк. милиции, 1993. С. 10–11.

² Винокуров, В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика. С. 95.

и специальным (например, лицо, отдавшее приказ на уничтожение либо хищение культурных ценностей в случае вооруженного конфликта).

Преступления против культурных ценностей могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности. Для квалификации содеянного по специальным нормам УК, защищающим культурное достояние, необходимо осознание лицом того, что оно посягает на культурные ценности как особый предмет уголовно-правовой охраны. В ином случае ответственность наступает по нормам уголовного закона, защищающим обычное имущество.

Конструкция объективных и субъективных признаков преступлений, посягающих на сохранность культурных ценностей, должна быть направлена на определение опасности соответствующих деяний с учетом оценки культурной значимости соответствующего объекта (предмета, вещи т.п.) и уровня осознания виновным этого обстоятельства. Сугубо имущественную стоимость объекта следует учитывать как дополнительный признак квалифицирующего характера с учетом способа преступного посягательства. В этой связи в случае закрепления в УК, например, ответственности за хищение культурных ценностей субъектом такого преступления должно являться лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста на момент его совершения. Достижение такого возраста соответствует уровню развития человека, при котором он способен в полной мере осознавать характер и особое значение указанных предметов.

Таким образом, преступления против культурных ценностей – это деяния (действия, бездействие), совершенные виновно (умышленно либо по неосторожности) в отношении предметов, имеющих художественное, историческое, научное и иное значение, утрата которых причиняет невосполнимый либо трудно восполнимый вред культурному достоянию. Кроме того, очевидна общность родового и непосредственного объектов посягательств на культурные ценности, обусловленная особенностями предмета преступления, его значимостью и особым характером вреда, причиняемого преступлением, который состоит не только в материальном уроне, но и в ущербе культурному достоянию в целом. Это должно учитываться законодателем при совершенствовании УК, дополнении уголовного закона новыми нормами и их систематизации.

1.3. Социально-правовые факторы преступлений, посягающих на культурные ценности

В последнее время наблюдается рост установленных правоохранительными органами эпизодов противоправной деятельности в отношении

культурных ценностей. Вопросы соблюдения законодательства о сохранении культурного достояния стали предметом совместного постановления Генеральной прокуратуры и Министерства культуры от 22.07.2011 г. № 31/33п «О взаимодействии органов прокуратуры Республики Беларусь и органов системы Министерства культуры Республики Беларусь по вопросам охраны историко-культурного наследия».

Вместе с тем, несмотря на выявляемые эпизоды халатности либо повреждения культурных ценностей, уголовные дела по таким фактам по-прежнему немногочисленны.

Отсутствие правоприменительной практики по преступлениям, посягающим на культурные ценности, обусловлено рядом факторов. Их можно разделить на несколько групп: 1) социальные; 2) экономические; 3) юридические.

1. Социальные факторы – это, прежде всего, отношение общества к культурному достоянию. Социальные факторы следует рассматривать как основополагающие. Они непосредственно формируют экономические ценности общества и предопределяют направления развития законодательства, охраняющего общественные отношения от преступных посягательств. Несмотря на то, что в современном социуме сохранение культурных ценностей приобретает все большую актуальность, значительная часть общества все еще отождествляет их с обычным имуществом.

Такое отношение формировалось на протяжении прошлого столетия, когда культурные ценности уничтожались по мотивам религиозной нетерпимости либо реализовывались за границу для борьбы с голодом, либо списывались под снос для строительства новых зданий. Все это не влекло за собой серьезных уголовно-правовых последствий. Аутентичность объекта как основная характеристика и ценность культурного достояния толковалась как признак старого, выбывшего из обращения имущества, не имеющего четкого стоимостного эквивалента. В результате общество утрачивало возможность контролируемого обладания культурными ценностями, а уголовный закон бездействовал¹.

Аналогичная ситуация наблюдается и в настоящее время. Зачастую культурные ценности рассматриваются как разновидность обычного имущества, что предопределяет способ распоряжения ими. Из-за незначительной стоимости уничтожение объекта позволяет легко избежать дополнительных затрат на его содержание. При высокой стоимости культурной ценности лицо имеет возможность реализовать ее как ликвидный товар.

Однако нельзя не отметить изменение тенденции в оценке обществом культурных ценностей. Все чаще такие объекты воспринимаются как часть культурного достояния, особые свойства которого состоят в

¹ Горелик, И.И., Тишкевич, И.С. Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР. Минск: Высш. шк., 1976. С. 30–31.

удовлетворении духовных потребностей общества. Например, результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов свидетельствуют о том, что большинство респондентов считает целесообразным оценку характера вреда, причиняемого культурным ценностям, исходя из художественной значимости повреждаемого (похищаемого) объекта и степени ущерба культурному достоянию. Стоимость ценности, по их мнению, должна учитываться дополнительно.

Вместе с тем, по-прежнему приходится констатировать, что, несмотря на тенденции в изменении общественного мнения, законодатель и правоприменитель еще не восприняли такую позицию в полной мере.

2. В условиях глобализации и усложнения экономических отношений культурные ценности все более активно вовлекаются в хозяйственный оборот. Поскольку памятники архитектуры, как правило, располагаются в исторической части населенного пункта (т.е. на земле с наиболее высокой кадастровой стоимостью), то такие объекты подвергаются неадекватной реконструкции либо сносу по соображениям экономической нецелесообразности (невысокой балансовой стоимости), либо вовсе переносятся за пределы населенного пункта.

Распространены случаи отвода (отчуждения) части территории, прилегающей к памятнику архитектуры, для градостроительных (хозяйственных нужд). По своей сути такая практика противоправна, несмотря на то, что должностные лица, принимающие соответствующие решения, ссылаются на нормы законодательных актов. В частности, согласно Закону «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», для обеспечения сохранности недвижимых материальных историко-культурных ценностей (т.е. наиболее выдающихся предметов культурного достояния) и их окружающей среды предусмотрены следующие зоны охраны таких объектов: 1) охраняемая зона; 2) зона регулируемой застройки; 3) зона охраны ландшафта; 4) зона охраны культурного пласта.

Данным Законом предусмотрен запрет на разработку градостроительной, землеустроительной и иной проектной документации (реализация которой может оказать воздействие на объекты культурного наследия) без нанесения установленных зон охраны недвижимых историко-культурных ценностей. При этом в нем особо подчеркивается, что все виды работ в зонах охраны историко-культурных ценностей выполняются в соответствии с требованиями соответствующего режима охраны.

Вместе с тем, на практике режим охраняемой зоны историко-культурной ценности может быть изменен на режим регулируемой застройки. Действительно, законодательно это не запрещено. Однако, исходя из содержания Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», перевод объекта в режим регулируемой застройки предполагает возможность строительства сооружений в целях сохранения и обслуживания самой

ценности. Это не означает изменение ее статуса. Тем более, данная мера не может истолковываться как разрешение на строительство в охраняемой зоне объектов, не связанных с сохранением культурной ценности (жилого фонда, промышленного, коммунального назначения).

Кроме того, изъятие части территории, прилегающей к культурной ценности, для нужд, не связанных с ее сохранением, влечет повреждение такого объекта, поскольку окружающий ландшафт имеет важное значение для восприятия историко-культурного наследия.

Другой составляющей группы экономических факторов, создающих условия для совершения преступлений в отношении культурных ценностей, является отсутствие единой стоимости культурного объекта, адекватной его нравственным и художественным характеристикам. Недвижимая историко-культурная ценность оценивается по незначительной балансовой стоимости. Соответственно затраты на содержаниекратно превышают ее имущественную оценку, что позволяет посредством экономических механизмов обосновать любые административно-хозяйственные решения (по перепланировке, реконструкции, сносу и т.д.). С позиции применения уголовной ответственности это означает невозможность возбуждения уголовного преследования. В данном случае ущерб, причиненный указанными действиями, не достигает размера, необходимого для квалификации содеянного по статьям УК о неосторожном повреждении или уничтожении историко-культурной ценности (ст. 345 УК) либо об ответственности должностного лица за преступную халатность (ст. 428 УК). Указанные статьи уголовного закона ставят перспективы возбуждения дела в зависимость от наличия крупного или особо крупного размера ущерба.

Так, в 2011 г. органами внутренних дел было отказано в возбуждении уголовного дела по факту повреждения Свято-Крестовоздвиженской церкви 1838 г. в ходе проведения ремонтно-реставрационных работ. Основанием для отказа явилось отсутствие установленного размера ущерба, причиненного культурной ценности. При этом в самом постановлении об отказе в возбуждении дела отмечено, что в результате естественного старения церковь фактически утратила те качества объекта, которые позволяют отнести его к культурному достоянию: она имела невзрачный вид и представляла собой аварийно-опасное культовое здание¹.

На наш взгляд, в этом и заключается проблема оценки степени утраты культурным достоянием своей аутентичности. На протяжении длительного времени в отношении ценности не осуществляется надлежащее обращение, в результате чего она находится в критическом состоянии и

¹ См.: постановление Ивацевичского РОВД об отказе в возбуждении уголовного дела от 28.04.2011.

уже не воспринимается обществом как составная часть наследия. Обветшавшие несущие конструкции объекта обладают ничтожной стоимостью, даже несмотря на то, что на них могут быть нанесены уникальные произведения живописи. Мировая же практика сохранения памятников архитектуры исходит из того, что реконструкция культурной ценности не может изменять ее восприятие. Это правило не подразумевает каких-либо исключений.

Таким образом, преимущественно стоимостный подход к оценке ущерба, причиненного культурным ценностям, неэффективен и не является сдерживающим фактором для вовлечения ценностей в нелегальный оборот.

3. Отсутствие правоприменительной практики о посягательствах на культурные ценности обусловлено также объектно-предметными особенностями и недостатками норм действующего УК. При формулировании уголовно-правового запрета законодатель воспринял подход, согласно которому основу квалификации посягательства составляет размер причиненного вреда (ущерба). Установление такого ущерба обязательно при принятии решения о возбуждении уголовного дела в случае: 1) хищения культурных ценностей *в крупных масштабах* во время вооруженного конфликта (п. 8 ст. 136 УК); 2) хищения культурных ценностей, согласно гл. 24 УК (установлена *минимальная стоимость предмета хищения*, недостижение которой влечет административную ответственность); 3) присвоения клада *в особо крупном размере* (ст. 215 УК); 4) контрабанды культурных ценностей *в крупном размере* (ст. 228 УК); 5) уничтожения, повреждения либо утраты историко-культурных ценностей по неосторожности *в крупном и особо крупном размерах* (ст. 345 УК).

Ориентация исключительно на имущественный (стоимостной) характер оценки вреда, причиненного культурным ценностям, еще больше ограничит правоприменительную практику и возможность реализации функций уголовного закона. Исходя из того, что постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 1785 кратно увеличен размер базовой величины, сумма ущерба для возбуждения уголовного дела еще более возрастет. При этом стоимость ценностей, которая зачастую и так невелика, останется неизменной.

Заметим, что данный подход законодателя несостоятелен и с доктринальной позиции. Речь идет об особенностях определения характера неблагоприятных последствий, наступающих в результате посягательств на культурное достояние. Как объект уголовно-правовой охраны общественные отношения, обеспечивающие сохранность культурных ценностей и режим контролируемого обладания ими, по своей сути нематериальны.

Нельзя не отметить, что на уровне законодательного акта уже заложены предпосылки для учета не только стоимости, но и культурологической

значимости предмета посягательства. В частности, согласно положениям Указа Президента Республики Беларусь от 19.04.2007 г. № 190 «О порядке оценки стоимости культурных ценностей», к критериям оценки стоимости культурной ценности (в том числе при определении размера вреда при ее утрате, хищении, уничтожении, повреждении) относятся: ее авторство, содержание, научно-историческая и художественная ценность, время возникновения, внешние художественные и физические особенности, физическое состояние культурной ценности, подлинность, редкость. Однако такой подход до сих пор не реализован в УК.

Невозможность применения уголовно-правовых мер за посягательства на культурные ценности обусловлена отсутствием ответственности за наиболее распространенные и опасные деяния (незаконные археологические раскопки, невозвращение в Беларусь культурных ценностей; хищение культурных ценностей не выделено в отдельный состав преступления). Это не позволяет обобщить данные о реальном количестве посягательств и лицах, их совершающих; причинах и условиях, сопутствующих хищению ценностей. Такие недостатки УК рассматриваются как фактор, способствующий латентности преступлений.

Таким образом, отсутствие правоприменительной практики по преступным посягательствам на культурные ценности обусловлено социальными, экономическими и юридическими факторами. Они взаимосвязаны, но определяющими являются социальные. Отношение общества к культурным ценностям как обычному имуществу ускоряет процесс их вовлечения в хозяйственную деятельность, порождая конфликт интересов сохранения аутентичности объекта и экономической целесообразности его использования. Поскольку для квалификации посягательств на культурные ценности УК использует стоимостный критерий, конфликт интересов разрешается не в пользу культурного достояния.

1.4. Развитие законодательства в области уголовно-правовой охраны культурных ценностей

На каждом из этапов становления белорусской государственности характер и степень уголовно-правовой охраны культурных ценностей были различны, что обусловлено «особенностями эволюции представления о самих этих предметах и их роли в жизни общества»¹.

Анализ научной литературы показывает отсутствие комплексных исследований вопросов развития уголовного законодательства в сфере охраны культурных ценностей на территории Беларуси. Лишь И.Э. Мар-

¹ Медведев, Е.В. Указ. соч. С. 63.

тыненко предлагает периодизацию правовой охраны культурного достояния с 1917 г.¹, а уголовно-правовой охраны – с 1961 г. По его мнению, такая периодизация включает в себя три этапа: 1) *с 1961 по 1994 г.* – действие единственной специальной нормы уголовного закона об умышленном уничтожении памятников культуры; 2) *с 1994 по 1996 г.* – УК 1960 г. дополнен ответственностью за невозвращение вывезенных историко-культурных ценностей; 3) *с 1997 г. по настоящее время* – принятие Модельного Уголовного кодекса СНГ, а также УК².

При выделении таких периодов белорусский исследователь, очевидно, исходил из количественного критерия, т.е. числа специальных норм УК, охраняющих культурные ценности. Вместе с тем, дополнение УК новой статьей либо изменение действующей нормы еще не означает начало нового периода уголовно-правовой политики в области охраны культурных ценностей.

Российские ученые выделяют три периода развития уголовного законодательства в рассматриваемой сфере: 1) досоветский (до 1917 г.); 2) советский (с 1917 по 1991 г.); 3) постсоветский (с 1991 г. по настоящее время)³.

На наш взгляд, данная периодизация не позволяет выявить особенности уголовно-правовой охраны культурных ценностей каждого периода, поскольку, например, в советское время степень охраны таких предметов была различной.

Изучив соответствующий нормативный материал, мы полагаем, что культурные ценности охранялись уголовным правом в Беларуси задолго до установления советской власти. В этой связи предлагаем следующие периоды в их охране: 1) с XV в. до 1917 г.; 2) с 1917 по 1921 г.; 3) с 1922 по 1960 г.; 4) с 1960 по 2001 г.; 5) с 2001 г. по настоящее время.

Критериями для данной периодизации являются: 1) государственно-политический критерий (изменение политической ориентации государств на социально-культурный аспект формирования государственности); 2) юридический критерий – уровень правовой регламентации охраны культурных ценностей на основе систематизации норм уголовного закона.

На каждом из выделенных этапов в уголовном законе постепенно происходили изменения в оценке культурных ценностей и выделение из обычного имущества в связи с их особыми нравственно-художественными свойствами.

¹ Мартыненка, І.Э. Перыядызацыя і перспектывы развіцця ў Рэспубліцы Беларусь заканадаўства аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны (1917–2009 гг.) // Весті Нац. акад. навук. Сер. гуманітар. навук. 2010. № 2. С. 26–31.

² Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия. С. 166.

³ См.: Вершков, В.В. Указ. соч. С. 13–14; Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. С. 85–109.

Первый этап периодизации (с XV в. до 1917 г.) является условным, так как дореволюционный законодатель не выделял культурные ценности как предмет преступления. Уголовный закон охранял предметы религиозного культа, которые действующим законодательством могут быть отнесены к культурным ценностям.

В общеземском привилее Казимира 1457 г. провозглашались неприкосновенность церковного имущества и меры ответственности за ее нарушение: «вся даровання, привилеи, твердості церквей ... хочем без порушення и без обид заховати, боронити и щитити, подлуг всеє наше моци»¹. Судебник Казимира 1468 г. допускал возможность ответственности за присвоение клада: «А коли бы кто речи изнайде, ... а пак ли который што утаить, а всхоцет себе покорыстовать, а будеть на то довод: тот такий злодей, как который» (ст. 23)².

Позже эта норма была развита в указах Петра I, в одном из которых провозглашалось, что «... ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи, а именно каменья необыкновенные, кости человеческие, ... старые надписи на каменьях, железе или меди, или какое старье, необыкновенное ружье, посуду и прочее, все, что зело старо и необыкновенно, – такожь бы приносили, за то будет довольная дача, смотря по вещи, нонять, не выдав, положить нельзя цену». При этом особо подчеркивалась неотвратимость наказания за совершение подобных действий: «гробокопателей, что сыскивают золотые стремени и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут»³.

Согласно Судебнику 1497 г. (своду законов Русского государства), Судебнику 1550 г. (Ивана IV Грозного) и Соборному уложению 1649 г., лицо, совершившее церковную татьбу, приговаривалось к смертной казни (равно как и «государский убойца»).

Статуты ВКЛ не выделяли предметы религиозного культа в качестве самостоятельного предмета преступления, упоминая только место преступления: например, «гвалт костелов божьих» в Статуте 1566 г. (разд. XI, арт. 3) и грабеж в церкви в Статуте 1588 г. (разд. XIII, арт. 4). Статуты классифицировали криминальные деяния по объекту преступного посягательства: указанные преступления причиняли вред, прежде всего, религии и церкви⁴.

¹ Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. У 4 т. / редкал.: В.К. Шчарбакоў [і інш.]. Менск: Выд-ва АН БССР, 1936–1954. Т. 1: IX–XVIII ст. / склад.: В.К. Шчарбакоў, К.І. Кернажыцкі, Д.І. Даўгяля. 1936. XVI, С. 218.

² Судебник Казимира 1468 г. / отв. ред. А. Тила. Вильнюс: Минтис, 1967. С. 31.

³ Чубур, А.А. Проблема незаконных раскопок и подпольной торговли древностями и возможные пути ее решения [Электронный ресурс] // Museum. Режим доступ: http://www.formuseum.info/2008/02/15/chubur_aa_problema_nezakonnnykh_raskopok.htm. Дата доступа: 14.12.2010.

⁴ Довнар, Т.И., Шелкопляс, В.А. Уголовное право феодальной Беларуси (XV–XVI вв.): учеб. пособие. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1995. С. 24.

Однако нельзя утверждать, что охрана культурных ценностей (в том числе нормами уголовного закона) была неотъемлемой частью государственной политики, поскольку уровень уголовно-правовой охраны нередко носил избирательный характер. Например, по приказу Короля Жигимонта III в 1610 г. уничтожались книги, напечатанные в виленских типографиях, в которых якобы содержались «пасквілі» на духовную и общественную власть¹.

После вхождения белорусских земель в состав Российской Империи на их территорию распространило свое действие Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В нем отдельно выделялись посягательства на церковное имущество и вводился самостоятельный состав преступления – святотатство, т.е. хищение церковных вещей и денег из церквей, часовен, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ².

Предметом святотатства являлось церковное имущество, а объектом – религиозные отношения. По признаку значимости для священно-религиозного культа выделялись три группы предметов, охраняемых уголовным законом: 1) священные вещи, имеющие важнейшее значение при проведении службы (дискосы, дарохранительницы, Евангелие, образы, мощи); 2) менее священные вещи (купели, кропила, кадила, богослужебные книги); 3) несвященные предметы (свечи, предметы церковной утвари). При этом духовное начальство христианских вероисповеданий определяло, «какие из предметов, принадлежащих церквам их исповедания, должны быть признаваемы священными, или же токмо освященными через употребление при богослужении»³. Совершение преступления служителем культа, которому поручено хранение священных предметов, отягчало ответственность⁴. Субъективную сторону образовывал умысел на похищение и осознание принадлежности завладеваемых предметов.

Уголовное уложение 1903 г. упразднило святотатство, но признало наказуемыми поругание действием или поношение святых таинств, святого креста, святых мощей, святых икон или других предметов, почитаемых православной или иной христианской церковью священными⁵. Стоит отметить, что по действующему УК подобные действия также могут рассматриваться как надругательство над историко-культурными ценностями.

¹ Несцярчук, Л.М. Указ. соч. С. 202.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / редкол.: О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.]. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 226.

³ Башкатов, Л.Д. Этап государственно-церковного монизма в истории уголовно-правовой борьбы с религиозной преступностью в России от Петра I до Уголовного уложения 1903 г. // История государства и права. 2001. № 2. С. 9.

⁴ Богданчиков, С.В. Указ. соч. С. 24–25.

⁵ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / редкол.: О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.]. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. С. 294.

В 1857 г. был принят Строительный устав, который запрещал снос и перестройку зданий и сооружений, возведенных до XVIII в. (остатки древних замков, крепостей, памятников, других зданий древности)¹.

В Уголовном уложении 1903 г. содержалась глава о нарушениях против веры: поругание действием или поношение святых мощей, икон или других предметов, почитаемых православной или иной христианской церковью священными (дискосы, евангелия, оклады и украшения на иконах и др.). Действующее законодательство позволяет квалифицировать такие действия как повреждение историко-культурных ценностей либо надругательство над ними.

Таким образом, культурные ценности, имевшие отношение к религиозному культу, начали защищаться уголовным законом задолго до 1917 г. Вместе с тем, отсутствовала государственная политика по защите культурных ценностей, а соответствующие нормы имели казуальный (частный) характер. В то же время нельзя не отметить, что уже в этот период четко определились попытки адекватного определения культурного достояния как особой государственно-культурной ценности и необходимости ее уголовно-правовой защиты на основе формирования специальных норм-запретов.

В период с 1917 по 1921 г. на территории Беларуси действовали декреты советской власти. В сфере уголовной защиты культурных ценностей действовал Декрет СНК от 19.09.1918 г. «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». Он устанавливал ответственность за незаконный вывоз из республики и продажу за границу предметов искусства и старины без специальных разрешений (вплоть до конфискации всего имущества и тюремного заключения). Последние выдавались Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве².

Декрет СНК от 30.01.1919 г. «Об учете, сборе и передаче в ведение Наркомата просвещения БССР культурных ценностей» предписывал Комиссариату внутренних дел издавать постановления о принятии милицией мер по наблюдению за сохранностью исторических и художественных памятников. Чрезвычайные комиссии должны были принимать неотложные меры против виновных в расхищении и небрежном обращении с народным культурным достоянием и привлекать их к ответственности³.

¹ Борисевич, Ф.В. Развитие советского законодательства об охране памятников истории и культуры. Минск: Полымя, 1976. С. 3.

² См.: О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения: Декрет Совета Нар. Комиссаров, 19 сент. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительств. 1918. № 69. Ст. 751.

³ Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918–1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. / Т. 1: Февраль 1918 г.–февраль 1919 г. Минск: Беларусь, 1968. С. 487–488.

Для данного периода характерны следующие особенности: 1) отсутствие в первых советских декретах санкций за объявленные ими деяния¹; 2) большое количество некодифицированных нормативных актов, содержащих уголовную ответственность; 3) указание в нормативных актах преступлений без описания признаков (их установление отдавалось на усмотрение суда)²; 4) революционное правосознание как один из источников уголовного права (до принятия кодифицированного уголовного закона).

В этот период уголовно-правовая охрана культурных ценностей была впервые провозглашена составной частью политики государства. Только за 1918 г. было издано 20 декретов и распоряжений Совнаркома, направленных на сохранение культурных и исторических ценностей³.

Однако, по мнению некоторых ученых, количество не всегда означало качество правовой охраны ценностей. Среди принятых декретов было мало актов общего характера, регулирующих порядок вывоза и ввоза культурных ценностей. Зачастую правовой акт распространялся на конкретный случай (например, вывоз картины Боттичелли) и не обладал нормативным содержанием⁴.

Следующий период начинается с принятием *Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.* (далее – УК РСФСР 1922 г.), ряд положений которого были восприняты Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1926 года и Уголовным кодексом БССР 1928 г. (далее – УК БССР 1928 г.). В УК РСФСР 1922 г. была предусмотрена ответственность за нарушение законов и обязательных постановлений о вывозе за границу и ввозе из-за границы товаров (в УК БССР 1928 г. она трансформировалась в квалифицированную контрабанду) и за сокрытие коллекций, памятников старины и искусства, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища (аналогичная ответственность была установлена ст. 130 УК БССР 1928 г.)⁵. Объектом указанных преступлений являлся порядок государственного управления.

Уголовная ответственность за контрабанду культурных ценностей основывалась на запрете, который содержался в Декрете СНК РСФСР от 08.03.1923 г. «Об учете и регистрации предметов искусства и старины».

¹ Сенюта, Л.Я. Источники уголовного права БССР до кодификации // Развитие уголовного права Белорусской ССР: сб. науч. ст. / под ред. И.И. Горелика, И.С. Тишкевича. Минск, 1973. С. 7.

² Уголовное право БССР: учеб. для юрид. фак. вузов. В 2 т. / под общ. ред. И.И. Горелика. Минск: Вышэйш. шк., 1978. Т. 1: Часть общая / под ред. И.И. Горелика. С. 294.

³ Стешенко, Л.А. Правовые вопросы охраны и использования памятников истории и культуры // Совет. государство и право. 1977. № 6. С. 31.

⁴ Щенникова, Л.В. Указ. соч. С. 9.

⁵ См.: Уголовный кодекс: научно-популярный практический комментарий / под ред. М.Н. Гернега, А.Н. Трайнина. М.: Право и жизнь, 1925. С. 138, 142; Крымінальны кодэкс БССР: [зацв. 23 верасня 1928 г.]. Мінск: Дзяржаўнае Выдавецтва пры СНК БССР, 1940. С. 25, 35.

Согласно п. 4 Декрета, собрания и отдельные памятники искусства, старины и народного быта, имеющие музейное значение, находились под контролем государства и не могли быть вывезены или проданы за границу¹.

По общему правилу незаконно перемещаемые через границу предметы подлежали конфискации с последующей продажей с торгов. Однако, согласно постановлению СНК СССР от 22.09.1925 г. «О порядке использования конфискуемых имуществ», памятники старины и произведения искусства, подлежащие специальному учету, не подлежали реализации, а передавались в ведение союзной республики, на территории которой были конфискованы².

В рассматриваемый период незаконно перемещаемые через таможенную границу иконы (даже датируемые XVII–XVIII вв.) изымались как предметы культа и уничтожались, поскольку не представляли художественной и исторической ценности³. Данная ситуация изменилась только в послевоенные годы.

Норма об ответственности за сокрытие коллекций, памятников старины и искусства, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища носила больше профилактическое значение. Даже в некоторых комментариях к уголовному закону не проводился анализ этой статьи, поскольку деяние считалось малоценным и не обладало общественной опасностью⁴. В месте с тем, ряд исследований представлял интерес для науки и правоприменительной практики. Например, с позиции А.А. Ганина, сокрытие коллекций, памятников старины и искусства на первый взгляд непосредственно не нарушало «ничьих интересов» и не влекло вредных последствий, однако по своей сущности «заключало в себе угрозу интересам, защищаемым правопорядком»⁵. М.Н. Гернет и А.Н. Трайнин отводили особое значение субъективной стороне данного деяния, а именно осознанию лицом особых свойств и

¹ Об учете и регистрации предметов искусства и старины: Декрет Совета Народ. Комиссаров РСФСР, 8 марта 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. Правительства. 1923. № 20. Ст. 245.

² О порядке использования конфискуемых имуществ: постановление СНК СССР, 22 сент. 1925 г. // Собр. Законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства РСФСР. 1925. № 71. Ст. 526.

³ На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей / В.П. Шостак [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Шпилевского. Минск: Белтаможсервис, 2007. С. 20.

⁴ Карницкий, Д.А. Уголовный кодекс РСФСР: постатейный комментарий / Д.А. Карницкий, Г.К. Рогинский, М.С. Строгович; под ред. Д.А. Карницкого. М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1928. С. 293.

⁵ См.: Ганин, А.А. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года в вопросах и ответах: практический комментарий на основе судебной практики Верховного РСФСР и Циркуляров НКЮ до 1 июля 1927 года. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С. 208.

качеств предметов, подлежащих государственной регистрации. По их мнению, государство не может требовать от гражданина знать «коллекционерские и другие тонкости предмета, различать копии от подлинников, знать толк в старинных вещах»¹. Некоторые авторы отмечали, что как сокрытие от регистрации надлежит рассматривать случаи реставрации, переделки, слома и использования памятников зодчества, гражданских и крепостных сооружений, а равно сооружений религиозного культа без соответствующего разрешения². В случае причинения вреда культурным ценностям в результате иных деяний ответственность наступала по статьям о посягательствах на обычное имущество: утаивание найденного имущества; умышленное истребление или повреждение чужого имущества; умышленное истребление или повреждение имущества путем поджога, затопления или иным общеопасным способом.

Уголовный закон распространялся на случаи причинения вреда предметам, указанным в распоряжении Наркамсветы, Наркамзема и Наркомата ўнутранных спраў БССР от 31.08.1929. В соответствии с ним древние курганы, развалины замков, церквей объявлялись государственным «набыткам», который запрещалось раскапывать и разбивать³.

Одновременно с закреплением противоправности посягательств на культурные ценности такие деяния получили широкое распространение со стороны государства. Несмотря на запрет вывоза без необходимых разрешений ценностей, последние представляли собой важный источник поступления валюты в страну, чем государство активно пользовалось.

Конец 20-х гг. — это время антирелигиозной борьбы, которая сопровождалась ликвидацией культовых зданий⁴. Например, в 1932 г. в г. Витебске были взорваны костел Святого Антония XVIII в., Рынковская Воскресенская церковь XVIII в., церковь Святого Антония XIV в. В Декрете ВЦИК от 23.02.1922 г. предписывалось отбирать церковные ценности для борьбы с голодом⁵. Все это позволяет говорить о целенап-

¹ См.: Уголовный кодекс: научно-популярный практический комментарий. С. 143.

² См.: Уголовный кодекс Советских республик: текст и практический комментарий / под ред. С. Канарского. Харьков: Государственное изд-во Украины, 1928. С. 465.

³ Несцярчук, Л.М. Указ. соч. С. 137.

⁴ Козлов, А.А. Фактический отказ от политики охраны памятников истории и культуры в конце 20-х годов // Совет. государство и право. 1989. № 12. С. 119–120.

⁵ Несцярчук, Л.М. Указ. соч. С. 206.

равленной государственной политике, направленной на вывоз и уничтожение культурных ценностей в 20–50-е гг.¹

Особенностью третьего этапа является попытка закрепления культурных ценностей в качестве предмета преступления непосредственно в кодифицированном акте. Правда, правовая охрана этих объектов была обусловлена отношением к ним законодателя как к материальным объектам, имеющим высокую стоимость, а не как к предметам культурного достояния. Именно осознание высокой стоимости культурных ценностей (а не их особых художественных свойств) наряду с отрицанием ценности предметов религиозного культа является отличительной чертой политики белорусского государства в рассматриваемый период. Если на предыдущем этапе развития уголовного законодательства принимаемые нормативные акты были направлены на инвентаризацию и охрану культурного достояния как такового, то в данный период эта охрана была обусловлена стремлением государства обеспечить контролируемое обладание культурными ценностями как ликвидным товаром.

Четвертый этап связан с принятием УК 1960 г. Изначально этот акт содержал одну норму, в которой упоминались объекты культурного достояния (ст. 225). В ней уголовно наказуемым признавалось уничтожение или повреждение историко-культурных ценностей. Особенностью этой нормы являлось одновременное наличие в ней двух форм вины (умышленной и неосторожной). В первоначальной редакции Кодекса ответственность наступала только за умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры². Объектом преступления выступали отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка, а его предметом – историко-культурные ценности и взятые под охрану природные объекты.

Будучи специальной нормой, ст. 225 предусматривала лишение свободы до двух лет, однако уничтожение или повреждение обычного имущества (ст. 96) влекло лишение свободы до 12 лет с конфискацией имущества. Как отмечал Ю. Маркин, причиной такого различия в наказуемости был подход советского законодателя к преступлению, причиняющему вред культурным ценностям, исключительно как к имущественному деликту. В основу квалификации были положены форма

¹ См.: Говорова, И.В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 09.00.13 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 2006. С. 20; Пронина, Е.Н. Правовая деятельность российского государства в сфере сохранения охраны культурного достояния в XIX–XX веках: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. правовая акад. Тамбов, 2009. С. 7.

² Уголовный кодекс Белорусской ССР: офиц. текст с изм. на 1 окт. 1965 г. с прил. постатейно систематизир. материалов. Минск: Беларусь, 1965. С. 93.

собственности, способ преступного деяния, размер похищенного, а не истинный характер причиненного вреда¹. В силу обозначенных причин ст. 225 практически не применялась².

Следует также отметить ст. 95 УК 1960 г., которая устанавливала ответственность за присвоение найденного государственного или общественного имущества. В науке уголовного права отмечалось, что одной из разновидностей присвоенного имущества мог быть клад³.

После окончания Второй мировой войны сложилась сеть групп, специализирующихся на краже и контрабанде ценностей⁴. Поэтому советский законодатель в ст. 102 Таможенного кодекса СССР 1964 г. указал, что незаконное перемещение ценностей через границу с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманым использованием таможенных и иных документов, либо в крупных размерах наказывается в уголовном порядке⁵.

Принятие в 1977 г. Конституции СССР, закрепившей обязанность граждан заботиться о культурных ценностях, не привело к изменениям в уголовном законе. Отмечаемый И.И. Гореликом «дух социалистического гуманизма Основного закона» и ожидаемое приведение Уголовного кодекса в соответствие с Конституцией остались нереализованными⁶.

В июле 1991 г. был принят Закон СССР «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры». Несмотря на то, что непосредственной целью его принятия являлось сохранение в неприкосновенности «идеологизированных памятников социализма», этот Закон позволил еще раз осознать важность сохранения культурных ценностей в формировании и обосновании государственно-политических устоев политической системы.

Данный Закон был более прогрессивен по сравнению с ранее действовавшими нормами. В нем предусматривалась уголовная ответственность за: 1) умышленное уничтожение или порчу памятника истории и культуры; 2) неосторожное его разрушение, повлекшее тяжкие последствия;

¹ Маркин, Ю. Указ. соч. С. 5.

² См.: Горелик, И.И., Тишкевич, И.С. Указ. соч. С. 30-31; Несцярчук, Л.М. Указ. соч. С. 98.

³ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / А.В. Барков [и др.]; под общ. ред. А.А. Здановича. Минск: Беларусь, 1989. С. 187.

⁴ На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей / В.П. Шостак [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Шпилевского. С. 18.

⁵ Об утверждении Таможенного кодекса Союза ССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР, 5 мая 1964 г. // Свод законов СССР. В 10 т. М., 1982. Т. 9. С. 140-158.

⁶ Горелик, И.И. Конституция БССР и совершенствование уголовного законодательства // Изв. вузов. Правоведение. 1979. № 1. С. 42-46.

3) надругательство над памятником истории и культуры с исключительным цинизмом. В Законе был определен предмет преступления: материальные объекты, включенные в список памятников истории и культуры, а равно вновь выявляемые объекты, не состоящие на государственном учете¹.

В 1999 г. УК 1960 г. был дополнен ст. 75-2 «невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей». Указанное деяние было отнесено к государственным преступлениям и предусматривало лишение свободы до семи лет с конфискацией имущества или без таковой.

Таким образом, особенностью четвертого периода является рассмотрение культурных ценностей как части культурного достояния, что обусловило закрепление уголовной ответственности за преступления, ранее не рассматриваемые как самостоятельные (например, за уничтожение или повреждение историко-культурных ценностей). Однако меры уголовной ответственности за причинение вреда этим предметам по-прежнему оставались менее суровыми, чем за причинение ущерба иным материальным объектам.

Последний из выделенных этап развития уголовного законодательства связан со вступлением в силу УК 1999 г. Впервые в качестве объекта повреждения культурных ценностей и надругательства над ними была указана общественная нравственность. Согласно УК, культурные ценности защищаются от: 1) контрабанды (ст. 228); 2) невозвращения на территорию Беларуси (ст. 230); 3) умышленного либо неосторожного уничтожения или повреждения (ст.ст. 344 и 345); 4) надругательства (ст. 346). Уголовно наказуемым деянием признается нарушение норм международного гуманитарного права, охраняющих культурные ценности в случаях вооруженных конфликтов (пп. 8, 8¹ ст. 136).

Количество специальных норм в УК, защищающих культурные ценности, указывает на их социальную значимость и нравственно-духовную функцию. Особые свойства таких объектов учитываются и при оценке размера и характера вреда, причиненного преступлением. Согласно положениям Указа Президента Республики Беларусь от 19.04.2007 г. № 190 «О порядке оценки стоимости культурных ценностей», к критериям оценки стоимости культурной ценности относятся: ее авторство, содержание, научно-историческая и художественная ценность, время возникновения, внешние художественные и физические особенности, физическое состояние культурной ценности, подлинность, редкость².

¹ См.: Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР, 2 июля 1991 г., № 2284-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов Верхов. Совета СССР. 1991. № 29. Ст. 837.

² См.: О порядке оценки стоимости культурных ценностей: Указ Президента Респ. Беларусь, 19 апр. 2007 г., № 190 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 97. 1/8528.

Следует отметить, что предписания данного Указа до сих пор не реализованы в действующем УК, а нормы последнего не учитывают нравственно-духовную значимость культурных ценностей для целей возбуждения уголовного дела. Сохранение стоимостного критерия при описании объективной стороны контрабанды и хищения культурных ценностей делает невозможным применение эффективных средств уголовно-правового воздействия в случаях, когда незаконно вывозится либо похищается значимая для культуры ценность, не обладающая достаточной для уголовного преследования стоимостью.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что уголовно-правовая охрана культурных ценностей осуществлялась задолго до установления советской власти в Беларуси и была связана преимущественно с защитой предметов религиозного культа. В течение длительного времени посягательства на культурные ценности не образовывали самостоятельного состава преступления, а рассматривались как деяния против обычного имущества. Предложенная периодизация развития законодательства об уголовно-правовой охране культурных ценностей отражает постепенный переход государства и общества в оценке культурных ценностей от обычного имущества к осознанию их значимости, обусловленной их особыми социально-нравственными свойствами.

За последнее десятилетие произошли существенные законодательные изменения в сфере охраны культурных ценностей. Дополнение УК нормами о посягательствах на историко-культурные ценности является прогрессивной мерой, однако по-прежнему санкции за такие преступления остаются менее суровыми, чем за посягательства на иное имущество, а уголовный закон применяется в зависимости от стоимости, а не социальной значимости объекта. Полагаем, что доктринальное исследование вопросов, предопределяющих специфику уголовно-правовой охраны культурных ценностей, позволит создать научную основу дальнейшего реформирования отечественного законодательства.

1.5. Развитие научных взглядов на уголовно-правовую охрану культурных ценностей

Культурные ценности начали охраняться уголовным законом фактически одновременно с созданием советского государства (в качестве предметов религиозного культа – задолго до 1917 г.).

Вместе с тем, доктринальное исследование данных вопросов начало проводиться только со второй половины XX в. Причем, как показывает анализ трудов советских ученых, уголовно-правовая охрана таких объектов исследовалась в это время недостаточно глубоко, а преступления про-

тив культурного достояния однозначно отождествлялись с посягательствами на другие объекты социалистической собственности.

Первые работы по правовой охране культурных ценностей появились в 1970-е гг. Это были труды Л.А. Стещенко и В.Д. Тепферова, которые рассматривали вопросы гражданско-правового статуса культурных ценностей (понятие и виды, государственный учет, порядок и условия использования)¹. В 1980-е гг. исследование данного вопроса получило развитие в работах А.П. Сергеева².

Интерес именно к гражданскому аспекту правоотношений, предметом которых являлись культурные ценности, связан с активным их вовлечением в гражданский оборот как имущественных объектов.

В уголовном аспекте указанные исследования представляли определенную ценность для уголовно-правовой характеристики состава разрушения памятников истории и культуры (например, при анализе соотношения категорий «памятники истории и культуры» и «культурные ценности»). Так, А.П. Сергеев отмечал отсутствие терминологического единообразия в отношении культурных ценностей, что затрудняло оперирование этим понятием. На практике трудности вызывало использование в советском законодательстве и международных соглашениях различных терминов для обозначения предметов культурного достояния³. В современной белорусской доктрине вопрос несогласованности терминологии в целом не затрагивается. Считается, что категория «культурные ценности» является наиболее общей и включает в себя все предметы культурного достояния, а для обозначения наиболее важных объектов в УК используется термин «историко-культурные ценности».

А.П. Сергеев рассматривал бесхозяйственное содержание культурных ценностей как особый вид гражданского правонарушения. При этом он подчеркивал необязательность установления вины владельца ценности – организации для привлечения ее к ответственности за причинение ущерба, поскольку это обусловлено важностью охраняемого объекта (культурное достояние)⁴. Тем самым, исследователь стремился ориентировать правоприменителя на отношение к культурным ценностям не как к

¹ См.: Стещенко, Л.А. Указ. соч. С. 31–39; Стещенко, Л.А., Тепферов, В.Д. О памятниках истории и культуры. М.: Юрид. лит., 1977. 80 с.

² См.: Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей // Изв. вузов. Правоведение. 1983. № 4. С. 37–46; Сергеев А.П. Гражданско-правовые меры борьбы с безхозяйственным содержанием культурных ценностей // Совет. государство и право. 1984. № 8. С. 131–135; Сергеев, А.П. Культурные ценности как правовая категория // Изв. вузов. Правоведение. 1990. № 4. С. 42–52.

³ Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей. С. 42–43.

⁴ См.: Сергеев А.П. Гражданско-правовые меры борьбы с безхозяйственным содержанием культурных ценностей. С. 131–135; Сергеев, А.П. Культурные ценности как правовая категория. С. 42–52.

обычному имуществу, а как к предметам с особыми нравственными свойствами.

Ряд вопросов, затронутых советскими учеными, продолжают исследоваться и в современной юридической науке России¹.

В 1980-е гг. возникает необходимость имплементации в советское законодательство международных актов в сфере защиты культурных ценностей (в частности, Конвенции 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» и Конвенции 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия»). Все это потребовало доктринального анализа данных международных правовых актов.

Ведущим исследователем вопросов международно-правовой охраны культурных ценностей стал М.М. Богуславский. Он подробно рассматривал вопросы защиты ценностей от уничтожения, хищения во время вооруженных конфликтов, а также проблемы регламентации археологических раскопок².

Непосредственно вопросы уголовно-правовой охраны культурных ценностей изучались в работах А. Бородака, В. Горбачева, А.А. Козлова, Ю. Маркина, Н.А. Рябовой, В.М. Сырых, С.А. Яни³. Интерес к данным аспектам связан как с законодательными изменениями, так и с международно-политической тенденцией, направленной на придание культурному достоянию особого правового статуса. Так, в ст. 68 Конституции СССР 1977 г. впервые была закреплена самостоятельная обязанность граждан заботиться и сохранять культурные ценности (наряду с обязанностью сохранять и преумножать социалистическую собственность)⁴. Поскольку почти каждая советская конституция (в том числе БССР) сопровождалась принятием нового уголовного кодекса, в научной среде ожидалось соответствующие изменения в уголовном законе.

¹ См.: Данилов, В.А. Указ. соч. С. 134–135; Лачина, Е.А. Проблемы уголовно-правовой охраны памятников природы, истории и культуры в России // Закон и право. 2006. № 10. С. 73; Молчанов, С.Н. Указ. соч. С. 20–27.

² Богуславский, М.М. Международная охрана культурных ценностей. М.: Междунар. отношения, 1979. 192 с.

³ См.: Бородак, А. Ответственность за умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры // Социалист. законность. 1979. № 10. С. 31–32; Горбачев, В. Похищение сокровищ // Совет. юстиция. 1986. № 11. С. 29–30; Козлов, А.А. Указ. соч. С. 116–121; Маркин, Ю. Указ. соч. С. 5–6; Рябова, Н.А. Ситуационный анализ применения законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры // Совет. государство и право. 1986. № 11. С. 140–143; Сырых, В.М. Яни, С.А. Эффективность уголовного законодательства об охране памятников // Совет. государство и право. 1990. № 3. С. 74–78.

⁴ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочеред. седьмой сес. Верхов. Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г. М.: Юрид. лит., 1985. 48 с.

В 1988 г. СССР ратифицировал Конвенцию 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности», что послужило импульсом к исследованию уголовно-правового аспекта охраны культурных ценностей. Принятие Конвенции носило прогрессивный характер, поскольку на момент ее ратификации правоохранительные органы зарубежных государств возвращали в музеи только 5% похищенных произведений искусства¹.

Кроме того, в 1980-е гг. благодаря перестройке и гласности появилась возможность критики политики сохранения объектов культурного достояния, к утрате которых было причастно и государство².

В целом доктринальные исследования уголовно-правовой охраны культурных ценностей осуществлялись по двум основным направлениям.

Работы ученых *первого направления* были посвящены анализу единственного в советском уголовном законе состава преступления об ответственности за уничтожение памятников истории и культуры. При этом отмечались некоторые трудности применения этой нормы (несмотря на то, что факты возбуждения уголовных дел за причинение вреда культурным ценностям были единичны). В частности, Н.А. Рябова обращала внимание на проблему определения размера ущерба, причиненного культурной ценности. Зачастую милиция отказывала в возбуждении уголовного дела в связи с малозначительностью ущерба в его денежном выражении. В этой связи автор отмечала недопустимость определения стоимости культурной ценности исключительно на основе ее балансовой оценки без учета социальной значимости объекта³.

Данная проблема актуальна и сегодня. Анализ современной практики выявил случаи отказа в возбуждении уголовных дел по фактам повреждения и хищения культурных ценностей ввиду малозначительности деяния. С такой позицией правоприменителя нельзя согласиться, поскольку при квалификации содеянного следует исходить не только из балансовой стоимости культурной ценности, но и из ее значимости для культурного достояния.

Предметом исследования А. Бородака были вопросы квалификации хищения культурных ценностей, сопряженного с их уничтожением или повреждением. Наиболее типичной ситуацией такого хищения явилось незаконное изъятие отдельных частей, состоящих из цветных металлов, с целью последующей продажи⁴. Данный способ совершения преступления распространен и сегодня. Не утратил актуальности и вопрос квалификации таких действий, поскольку изучение уголовных дел выявило

¹ Горбачев, В. Указ. соч. С. 30.

² Козлов, А.А. Указ. соч. С. 116–121.

³ Рябова, Н.А. Указ. соч. С. 142–143.

⁴ Бородак, А. Указ. соч. С. 31–32.

различные оценки содеянного (по совокупности преступлений либо по одной статье уголовного закона). В подобных ситуациях А. Бородак указывал на возможную совокупность преступлений¹.

А. Бородак и Н.А. Рябова также исследовали вопросы уголовно-правовой оценки действий должностного лица, отдавшего распоряжение снести памятник культуры. Ученые предлагали усилить ответственность руководителей, виновных в нанесении ущерба памятникам истории и культуры, поскольку «исполкомы сознательно принимали решения о сносе памятников, зная, что не понесут никакой реальной ответственности»².

Действующий УК позволяет квалифицировать такие действия как должностное преступление, однако также предусматривает возможность возбуждения уголовного дела в зависимости от размера причиненного вреда (например, в случае служебной халатности).

Полагаем, что поднимаемые вопросы требуют разрешения, в том числе и на доктринальном уровне.

Ученые *второго направления* критиковали недостаточный карательный потенциал норм уголовного закона, защищающих культурные ценности. Отмечалась и недостаточная дифференцированность таких норм. Например, Ю. Маркин одним из первых указал на несоразмерность уголовного наказания за хищение социалистической собственности, представляющей собой историческое и культурное достояние, и хищение памятника культуры, находящегося в личном владении граждан (в последнем случае наказание было меньшим)³.

В советской юридической литературе поднимался вопрос о немногочисленности специальных норм уголовного закона о преступлениях против культурных ценностей. В.М. Сырых и С.А. Яни отмечали некриминализованность неосторожного повреждения или уничтожения культурных ценностей. Они также подчеркивали несоответствие санкций за умышленное повреждение и уничтожение указанных объектов общественной опасности такого преступления⁴. Стоит отметить, что Республика Беларусь в настоящее время является одним из немногих государств СНГ, закрепивших ответственность за неосторожное уничтожение историко-культурных ценностей (ст. 345 УК).

Среди белорусских ученых в советский период только Ф.В. Борисевич исследовал уголовно-правовой аспект охраны культурных ценностей. При этом он рассматривал его преимущественно в рамках развития

¹ Бородак, А. Указ. соч. С. 32.

² См.: Бородак, А. Указ. соч. С. 32; Рябова, Н.А. Указ. соч. С. 142–143.

³ Маркин, Ю. Указ. соч. С. 5.

⁴ Сырых, В.М., Яни, С.А. Указ. соч. С. 74–78.

советского законодательства об охране памятников истории и культуры, а также анализировал нормы о правовом статусе культурных ценностей¹.

В Российской Федерации за последнее десятилетие проведено несколько диссертационных исследований, комплексно рассматривающих уголовно-правовой аспект охраны культурных ценностей². К достоинству трудов И.Б. Афонина, О.В. Давлетшиной, К.А. Диканова и Т.Р. Сабитова можно отнести криминологический анализ посягательств на культурные ценности. Вместе с тем, большинство исследователей рассматривают объект посягательств на культурные ценности через отношения собственности. Например, И.Б. Афонин подчеркивает, что родовой объект хищения и уничтожения культурных ценностей составляют собственность и общественная нравственность³. К.А. Диканов полагает, что в условиях современных экономических процессов одним из основных признаков культурной ценности должна являться ее высокая стоимость⁴. На наш взгляд, объектом таких посягательств являются непосредственно культурное достояние и право на контролируемое обладание им, независимо от имущественной стоимости культурной ценности.

Криминологический и криминалистический аспекты преступных посягательств на культурные ценности рассматриваются в работах С.А. Приданова и С.П. Щербы. Кроме того, в их публикациях анализируется понятие культурных ценностей и проблемные вопросы квалификации преступных посягательств⁵. Однако недостаточно внимания уделено уголовно-правовому анализу норм уголовного закона о посягательствах на культурные ценности (затрагивается преимущественно процессуальный аспект).

Вопросы предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях против культурных ценностей рассматривались в работах Д.В. Алехина, В.А. Баскова, В.Ю. Грозина, Н.С. Ляпустиной⁶.

¹ См.: Борисевич, Ф.В. Указ. соч.

² См.: Давлетшина, О.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д., 2003; Диканов, К.А. Указ. соч.; Медведев, Е.В. Указ. соч.

³ Афонин, И.Б. Указ. соч. С. 16–17.

⁴ Диканов, К.А. Указ. соч. С. 13.

⁵ См.: Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. М.: Юрлитинформ, 2002; Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности, и их квалификация по УК РФ // Журн. рос. права. 1998. № 9. С. 65–75.

⁶ См.: Алехин, Д.В. Указ. соч.; Басков, В.А. Комплексные меры противодействия преступным посягательствам на культурные ценности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2006; Грозин, В.Ю. Указ. соч.; Ляпустина, Н.С. Доказывание по уголовным делам о контрабанде культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2005.

Ряд российских исследований посвящен контрабанде культурных ценностей. Так, Д.И. Богданов считает целесообразным выделить контрабанду культурных ценностей (один из распространенных видов контрабанды) в самостоятельный состав преступления¹. В работе Д.В. Васильева анализируются структура, динамика, причины и условия контрабанды культурных ценностей². Т.А. Диканова отмечает, что особенности таможенных преступлений предопределяют важность оперативно-розыскных мероприятий в их пресечении³. А.И. Ходанов выделяет типы личности контрабандистов, перемещающих культурные ценности⁴. Г.А. Русанов определяет причины латентности контрабанды культурных ценностей и условия совершения такого преступления (экономические, социальные, правовые, организационные)⁵. С.А. Фомичев выделяет наиболее типичные способы совершения такого преступления, а также исследует так называемый «зеркальный канал», используемый при организации международных выставок культурных ценностей и проведении работ по их реставрации⁶.

В.В. Вершков, рассматривая вопросы уголовной ответственности за невозвращение культурных ценностей на территорию Российской Федерации, дает определение непосредственному объекту такого деяния, а также выделяет момент окончания преступления (отличный от устоявшихся позиций)⁷.

Помимо прикладных вопросов российские исследователи изучают историко-теоретические аспекты. Например, В.В. Братанов указывает, что в дореволюционном законодательстве культурные ценности (за исключением предметов религиозного культа) не являлись объектом уго-

¹ Богданов, Д.И. Уголовно-правовые меры противодействия контрабанде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 18–19.

² Васильев, Д.В. Контрабанда культурных ценностей: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008.

³ Диканова, Т.А. Актуальные проблемы борьбы с таможенными преступлениями: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. С. 27.

⁴ Ходанов, А.И. Организационно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности таможенных органов в борьбе с контрабандой культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. С. 21.

⁵ См.: Русанов, Г.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей: уголов.-правовые и криминол. вопр. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 80–90; Русанов, Г.А. Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2009. С. 20–21.

⁶ Фомичев, С.А. Контрабанда культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 29.

⁷ Вершков, В.В. Указ. соч. С. 7.

ловно-правовой охраны¹. И.В. Говорова и Е.Н. Пронина отмечают, что с 1922 г. советское государство проводило целенаправленную политику по формированию у населения нигилистского отношения к православному достоянию и реквизицию для продажи за границу церковного имущества, значительная часть которого представляла культурную ценность².

Л.Р. Клебанов и В.В. Кулыгин на основе «родства» непосредственно-го объекта преступлений против культурных ценностей предлагают выделить в Особенной части уголовного закона России главу, объединяющую такие преступления³. Разделяя данную позицию, полагаем, что применительно к отечественному УК данный вопрос может быть решен в рамках главы 30 УК, объединяющей преступления против общественной нравственности.

Кроме того, по мнению Л.Р. Клебанова, следует криминализовать использование в деятельности музеев культурных ценностей, полученных преступным путем⁴. Такой подход представляет интерес, однако чтобы избежать объективного вменения, целесообразно вести речь об использовании ценностей, заведомо для виновного полученных преступным путем.

Вопросы уголовно-правовой охраны культурных ценностей исследовались в трудах о преступлениях против собственности⁵.

Так, С.В. Богданчиков, с одной стороны, обоснованно полагает, что посягательства на имущество являются посягательствами на абсолютное право собственности на имущество за которые не может зависеть от каких-либо условий (в том числе от стоимости предмета хищения). С другой стороны, он отождествляет непосредственный объект хищений культурных ценностей с собственностью, что не в полной мере согласуется с

¹ Братанов, В.В. Уголовная ответственность за посягательства на культурные ценности в России: ретроспектив. анализ // История государства и права. 2007. № 12. С. 9–11.

² См.: Говорова, И.В. Указ. соч. С. 19–25; Пронина, Е.Н. Указ. соч. С. 7, 21.

³ См.: Клебанов, Л.Р. О некоторых особенностях уголовно-правовой охраны культурных ценностей // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 2011 г. / редкол.: В.Б. Малинин (отв. ред.) [и др.]. СПб., 2011. С. 191; Кулыгин, В.В. О возможности оптимизации уголовно-правовой охраны культурных ценностей // Культура: управление, экономика, право. 2004. № 3. С. 10–11.

⁴ Клебанов, Л.Р. О некоторых особенностях уголовно-правовой охраны культурных ценностей. С. 192.

⁵ См.: Гаухман, Л.Д., Максимов, С.В. Ответственность за преступления против собственности. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 108–109; Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Профобразование, 2000.

объектной направленностью деяний против культурных ценностей¹. И.Б. Афонин и С.М. Кочои предлагают установить ответственность за вымогательство предметов, имеющих особую ценность². Стоит отметить, что вопрос о вымогательстве как форме хищения не является новым³, но подобное предложение едва ли может быть реализовано. Более приемлемым вариантом представляется дополнение УК нормой о хищении культурных ценностей, одним из способов которого было бы и вымогательство.

При анализе признаков состава хищения культурных ценностей А.К. Мукашев предлагает определять особую культурную ценность (историческую, научную, художественную) похищаемых предметов, исходя из их историко-культурной значимости, а не только стоимости⁴.

Н.А. Лопашенко при рассмотрении вопросов присвоения клада полагает, что оно не является хищением, поскольку «юридическая оценка таких действий лица должна проводиться в рамках гражданского законодательства»⁵. Данный подход представляется дискуссионным, поскольку для борьбы с нелегальным кладоискательством необходимы меры принуждения, наиболее эффективными из которых являются меры уголовного характера (например, ответственность за незаконное проведение археологических раскопок).

По мнению Е.А. Лачиной, недостатком уголовного закона является отсутствие специальной нормы за уничтожение или повреждение памятников природы⁶. Данный вопрос уже решен отечественным законодателем. Соответствующие нормы предусмотрены гл. 26 УК, включающей статьи о преступлениях против экологической безопасности и природной среды. Если такие объекты наделены статусом историко-культурной ценности, то содеянное квалифицируется как преступление против культурного наследия.

Среди современных белорусских правоведов, наиболее полно исследовавших тему уголовно-правовой охраны культурных ценностей, следует отметить И.Э. Мартыненко и И.Л. Петрик. Отдельные аспекты освеща-

¹ Богданчиков, С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 8, 23.

² См.: Афонин, И.Б. Указ. соч. С. 8; Кочои, С.М. Указ. соч. С. 218.

³ Тишкевич, С.И. Вымогательство: понятие и проблемы квалификации // Суд. весн. 1994. № 2. С. 60.

⁴ См.: Мукашев, А.К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: по материалам Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 11.

⁵ Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теорет.-приклад. исслед. М.: ЛексЭст, 2005. С. 48.

⁶ Лачина, Е.А. Указ. соч. С. 73.

лись В.Ю. Калугиным и А.И. Лукашовым¹. В работе Л.М. Нестерчука представлен ретроспективный анализ законодательства об охране культурных ценностей².

Ведущим белорусским исследователем правового статуса культурных ценностей является И.Э. Мартыненко, автор многочисленных публикаций по их гражданской, международной и уголовной защите. Однако белорусским ученым уголовно-правовая охрана культурных ценностей рассматривается преимущественно в рамках исследования вопросов осуществления правоохранительной деятельности в сфере государственной охраны культурного наследия. При этом И.Э. Мартыненко анализирует нормы в рамках установленной систематизации УК, основанной на имущественном критерии определения ущерба.

И.Л. Петрик исследован уголовный аспект незаконного перемещения и невозвращения культурных ценностей на территорию Республики Беларусь, проанализированы преступления, посягающие на культурные ценности с использованием информационных технологий³.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что уголовно-правовой аспект охраны культурных ценностей недостаточно полно исследован в отечественной науке. Стоит отметить проработанность таких проблем в российской доктрине, однако там культурные ценности, как правило, рассматриваются как имущество, а объект посягательства определяется в основном через отношения собственности. Вместе с тем, необходимо комплексно рассмотреть уголовно-правовой аспект охраны культурных ценностей с учетом законодательства и правовой доктрины на основе актуализации специфики предмета (объекта защиты) по сравнению с обычным имуществом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Культурные ценности представляют собой особый предмет уголовно-правовой охраны, обладающий отличительными нравственными, художественными свойствами. Данные характеристики культурных

¹ См.: Калугин, В.Ю. Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ. Минск: Тесей, 2002; Лукашов, А.И. Классификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. С. 162–164.

² Несцярчук, Л.М. Указ. соч.

³ См.: Петрик, И.Л. Правовая регламентация порядка перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ: материалы междунар. конф. Минск, 2007. С. 82–90; Петрик, И.Л. Уголовно-правовая охрана культурного наследия Республики Беларусь в условиях информатизации общества // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2007. Вып. 3. С. 249–261.

ценностей позволяют выделить их из обычного имущества и охранять уголовным правом независимо от их стоимости. Исходя из общности функций объектов культурного достояния нематериальные ценности могут охраняться уголовным законом.

2. В белорусском законодательстве становление (формирование) культурного достояния как особого объекта и предмета уголовно-правовой охраны эволюционировало на протяжении длительного времени: от рассмотрения культурных ценностей как религиозного имущества до подхода к ним как объектам, обладающим особыми культурологическими свойствами.

3. Основной родовой и непосредственный объект посягательств на культурные ценности составляют общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния государства и контролируемого обладания им. В качестве дополнительного объекта посягательств на культурные ценности могут выступать иные отношения (собственность, здоровье, порядок осуществления экономической деятельности).

4. Социальными факторами, влияющими на оценку опасности посягательств на культурные ценности, являются: активное вовлечение культурных ценностей в хозяйственно-экономический оборот; повышенный спрос, обусловленный их особыми нравственными свойствами; исключительно стоимостный подход к оценке культурных ценностей, вовлекаемых в незаконный оборот. При оценке существенного вреда охраняемым УК интересам сохранения культурных ценностей следует ориентироваться на культурологические критерии оценки причиненного вреда, культурному достоянию, и опасности содеянного (физический объем, степень урона, потеря исторической ценности).

ГЛАВА 2

СИСТЕМНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

2.1. Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 136 УК)

Одним из первых международных правовых актов в сфере охраны культурного достояния стала Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Поскольку Республика Беларусь является участницей данного соглашения, проанализируем имплементированные отечественным законодателем нормы международного права.

Статья 136 УК предусматривает ответственность за серьезные нарушения в сфере гуманитарного права. Данная статья выделяет 17 составов преступных деяний, два из которых касаются сохранения культурного достояния.

Пунктом 8 ст. 136 УК установлена ответственность за превращение в объект нападения или уничтожение культурных ценностей, находящихся под защитой, при отсутствии военной необходимости, а равно хищение таких ценностей в крупных масштабах или совершение в отношении них актов вандализма. Содержание нормы раскрывается в Конвенции от 14.05.1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (далее – Конвенция) и Втором протоколе к данной Конвенции (от 26.03.1999 г.). Предметом преступления являются культурные ценности, которыми, согласно ст. 1 Конвенции, считаются таковые, независимо от происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес,

произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции, важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций указанных выше ценностей;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а», такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а»;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах «а» и «б»¹.

Объективная сторона преступления может выражаться в следующих альтернативных деяниях:

1) превращение в объект нападения культурных ценностей, находящихся под защитой (т.е. военно-целевое, в качестве боевой задачи, их уничтожение);

2) уничтожение культурных ценностей, находящихся под защитой;

3) хищение в крупных масштабах культурных ценностей, находящихся под защитой;

4) совершение в отношении этих ценностей актов вандализма.

Обязательными признаками указанного преступления являются его совершение во время вооруженного конфликта и отсутствие военной необходимости уничтожения ценностей либо превращения их в объект нападения в целях поражения военного противника. Содержание последнего раскрывается в подпункте а) ст. 6 Второго протокола 1999 г. Согласно указанной норме, «нарушение обязательства воздерживаться от совершения враждебного акта против культурных ценностей со ссылкой на крайнюю военную необходимость может допускаться только тогда, когда:

(i) эти культурные ценности по своему назначению превращены в военный объект;

(ii) нет никакой практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества помимо той, которую можно получить в результате совершения враждебного акта против этого объекта»².

¹ См.: О ратификации Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Протокола к этой Конвенции: Указ Президиума Верхов. Совета Респ. Беларусь от 18 марта 1957 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

² О ратификации Второго протокола к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года: Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2000 г., № 434-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 103. 2/209.

Решение о ссылке на крайнюю военную необходимость должно приниматься воинским начальником, командующим силами, равными по размеру батальону или большей численности, или меньшими по размеру силами, если обстоятельства не позволяют действовать иначе.

Превращение в объект нападения культурных ценностей, находящихся под защитой, состоит в осуществлении боевых операций, направленных на непосредственное воздействие на предметы культурного достояния с целью поражения противника. Такое деяние включает в себя фактическое уничтожение объекта либо незначительные его повреждения.

Уничтожение культурных ценностей – это физическое воздействие, в результате которого объекты полностью прекращают свое существование или приводятся в полную негодность, теряют способность функционировать по своему назначению и не подлежат восстановлению¹. Уничтожение культурных ценностей отличается от превращения их в объект нападения. В первом случае умысел лица изначально направлен на разрушение объекта. При превращении в объект нападения лицо посягает на культурную ценность ввиду внешних факторов (например, размещение в здании пункта командования).

Под *хищением культурных ценностей* понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение ими, а равно приобретение права на них с корыстной целью способом, указанным в ч. 1 примечаний к гл. 24 УК.

Обязательным признаком хищения культурных ценностей является их крупный масштаб, содержание которого международные нормы не разъясняют. В юридической литературе отмечается, что такой признак следует применять, исходя из охвата преступным посягательством культурных ценностей и размера причиненного ущерба². Вместе с тем, такой подход не устраняет оценочный характер названного термина.

В частности, не ясно, включает в себя категория «крупный» количественный или стоимостный критерий оценки размера похищенного, поскольку оценивать вред, причиненный объекту культурного достояния, следует не только из его стоимости. С другой стороны, возникает вопрос: похищение какого количества предметов образует крупный масштаб?

Содержание признака «крупный масштаб» с определенной условностью может быть применимо к оценке ущерба при уничтожении культурных ценностей (например, разрушение нескольких зданий, относящихся к памятникам архитектуры). Однако он не может служить критерием оценки размера похищенного имущества без конкретизации порядка его определения.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 263.

² Там же. С. 364.

На наш взгляд, в диспозиции анализируемой нормы следует отказаться от закрепления размера похищенного, поскольку характер ущерба, причиняемого культурному достоянию преступлением, оценивается с точки зрения значимости предмета, а не его количественных или стоимостных особенностей.

До внесения изменений в УК в 2011 г. анализируемая норма содержала признак «совершение в отношении культурных ценностей актов вандализма при отсутствии военной необходимости». Однако данный подход не учитывал, что вандализм представляет собой бессмысленное уничтожение, осквернение, порчу материальных ценностей и, следовательно, не может быть оправдан военной необходимостью, о чем справедливо подчеркивается в науке¹.

Вместе с тем, законодатель сохранил термин «вандализм» при описании объективной стороны, что не в полной мере согласуется со ст. 32 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», согласно которой одни и те же термины в нормативных правовых актах должны употребляться в одном значении и иметь единую форму². Поскольку использование термина «вандализм» нехарактерно для отечественного законодательства (он практически не применяется в законодательных актах) и с учетом того, что его содержание идентично объективной стороне надругательства в рамках ст. 347 УК, в п. 8 ст. 136 УК было бы более уместно использование категории «надругательство».

Состав анализируемого преступления может быть как материальным, так и формальным. Оно считается оконченным с начала нападения на культурные ценности, или с момента, когда их уничтожение или хищение достигают крупных масштабов, или с момента причинения ущерба этим культурным ценностям действиями, составляющими акт вандализма³.

Под нападением применительно к рассматриваемому деянию следует понимать проведение боевых операций разрушительного или угрожающе-разрушительного характера. Для признания оконченным состава

¹ Алекса, Е.В. Состояние имплементации международно-правовых актов об охране культурного наследия в Республике Беларусь: Гагская конвенция // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ: материалы междунар. конф., Минск, 26–28 апр. 2007 г. / редкол.: А.Б. Сташкевич [и др.]. Минск, 2007. С. 110.

² См.: О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 364.

преступления достаточно лишь начала действий, составляющих нападение, независимо от повреждений объекта, их характера и масштаба.

Анализируемое преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Лицо сознает, что превращает в объект нападения либо уничтожает или похищает в крупных масштабах культурные ценности, находящиеся под защитой, а равно совершает в отношении этих ценностей акт вандализма при отсутствии военной необходимости, и желает этого.

Мотивами преступления являются месть, корысть, стремление достичь военного превосходства, нанести материальный вред и т.п.¹

Субъект преступления общий – физическое лицо, достигшее 16 лет на момент совершения преступления. Как отмечается в правовой доктрине, субъектом данного деяния, как правило, являются представители командования армий противоборствующих сторон, представители оккупационных властей. При этом соучастниками преступления могут быть и иные лица².

Очевидно, что субъектом преступного деяния в большинстве случаев будут должностные лица вооруженных сил, отдавшие приказ на уничтожение объекта либо завладение культурными ценностями. Однако полагаем, что ответственности по анализируемой статье могут подлежать также лица, разрушающие либо похищающие ценности по собственной инициативе (в большей степени это имеет отношение именно к хищению).

Пункт 8¹ ст. 136 УК предусматривает ответственность за использование культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, либо непосредственно прилегающих к ним мест для поддержания военных действий, а равно превращение этих ценностей либо непосредственно прилегающих к ним мест в объект нападения.

Согласно ст. 10 Второго протокола 1999 г., культурные ценности могут быть взяты под усиленную защиту, если они отвечают следующим условиям:

(а) являются культурным наследием, имеющим огромное значение для человечества;

(б) охраняются благодаря принятию на национальном уровне надлежащих правовых и административных мер, признающих их исключительную культурную и историческую ценность, и обеспечивающих защиту на самом высоком уровне;

(с) не используются для военных целей или прикрытия военных объектов и Сторона, осуществляющая контроль над культурными ценностями

¹ Калугин, В.Ю. Указ. соч. С. 103.

² Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь: с учетом изм. и доп. по сост. на 23 февр. 2010 г. / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. С. 312.

ми, сделала заявление в подтверждение того, что они не будут использоваться подобным образом¹.

Законодательство к объектам относит историко-культурные ценности категории «0», т.е. ценности, включенные или предложенные для включения в Список мирового культурного и природного наследия или в Международный список мирового наследия, которое находится под угрозой.

Местами, непосредственно прилегающими к культурным ценностям, находящихся под усиленной защитой, являются сооружения, участки местности, воздействие военных действий на которые может причинить ущерб физической целостности этих ценностей².

Преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Его мотивами являются стремление достичь военного превосходства, ложно понятые интересы военного характера и т.п.³

Таким образом, в ст. 136 УК установлена ответственность за причинение вреда культурному достоянию во время вооруженного конфликта. Рассмотренные нормы применяются в исключительной ситуации – в случае гуманитарной катастрофы. Вместе с тем, в целях создания дополнительных гарантий защиты культурных ценностей следует законодательно исключить возможность наступления ответственности за хищение в зависимости от их размера (масштаба). Уголовная ответственность за такие деяния должна наступать независимо от стоимости или количества предмета хищения. Кроме того, при описании признаков объективной стороны в УК необходимо использовать единую терминологию, применяемую в законодательных актах. Игнорирование этого требования может повлечь в правоприменении различные подходы в квалификации посягательств на культурные ценности, что существенно снизит их охрану.

2.2. Преступления, связанные с незаконным оборотом культурных ценностей

Исходя из особенностей объективной стороны деяний, выраженных в несанкционированном завладении и перемещении культурных ценностей, к рассматриваемой группе преступлений следует отнести присвоение находки или клада, контрабанду культурных ценностей, а также невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей. Мировая статистика указывает на то, что доходы от преступ-

¹ О ратификации Второго протокола к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года: Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2000 г., № 434-З.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 366.

³ Там же. С. 367.

лений, связанных с незаконным оборотом культурных ценностей, уступают лишь незаконной торговле наркотиками¹. В этой связи с учетом значимости предмета посягательств, а также принимая во внимание процессы глобализации и интеграционные таможенные механизмы на постсоветском пространстве, представляется целесообразным рассмотреть составы преступлений выделенной нами группы.

2.2.1 Присвоение находки или клада (ст. 215 УК)

Статья 215 УК предусматривает ответственность за присвоение в особо крупном размере найденного заведомо чужого имущества или клада. Отнесение данного преступления к деяниям, связанным с незаконным оборотом объектов культурного достояния, обусловлено тем, что присвоение клада означает вовлечение в неконтролируемый оборот культурных ценностей, которые подлежат передаче компетентным органам.

Объектом указанного преступного деяния выступают общественные отношения собственности. Предметом посягательства являются найденное заведомо чужое имущество (находка) и клад. Эти понятия и их правовое положение подробно регламентированы гражданским законодательством.

Находка – это вещь, выбывшая из обладания собственника или иного законного владельца при обстоятельствах, которые не указывают на отказ этих лиц от прав на данную вещь. Согласно ст. 228 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо из известных ему лиц, имеющих право получить ее и возвратить найденную вещь этому лицу. Лицо, нашедшее вещь, обязано уведомить о находке милицию или орган местного управления или самоуправления, если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны².

Правила данной статьи применяются независимо от ценности вещи, поскольку она не определяет минимальную стоимость найденной вещи, при которой на нашедшего возлагаются указанные выше обязанности³.

¹ Богданчиков, С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. С. 97.

² См.: Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 28 окт. 1998 г., № 218-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики: в 3 кн. / отв. ред. В.Ф. Чигир. Минск: Амалфея, 2005–2006. Кн. 1 : Раздел 1. Общие положения. Раздел 2. Право собственности и другие вещные права / Д.А. Калимов [и др.]. 2005. С. 827.

Гражданским законодательством предусмотрена возможность приобретения права собственности на вещь лицом, нашедшим ее. Так, если в течение шести месяцев с момента заявления о находке в милицию или орган местного управления или самоуправления лицо, управомоченное на получение утерянной вещи, не будет установлено и не заявит о своем праве на вещь, нашедший приобретает право собственности на нее. В случае, когда нашедший вещь откажется от ее приобретения, найденная вещь поступает государству.

Необходимо помнить, что указанный срок является пресекательным, т.е. определяющим время существования самого субъективного права или обязанности. Его истечение влечет одновременно прекращение соответствующих прав и обязанностей¹. Поэтому в случае, когда лицо, нашедшее вещь, надлежащим образом известило о находке названные органы, шестимесячный срок после его истечения восстановлению не подлежит.

Исходя из изложенного объективная сторона присвоения находки будет состоять в несообщении виновным установленным законом лицам (органам) о найденной им вещи и обращении ее в свою пользу или в пользу других лиц.

Предметом посягательства также является клад, под которым, согласно ст. 234 ГК, понимаются зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо утратил на них право. При отсутствии хотя бы одного из этих обстоятельств обнаруженные объекты не являются кладом. Поскольку клад может быть признан памятником археологии как разновидность историко-культурной ценности, данное преступление рассматривается как посягательство на режим контролируемого сохранения культурного достояния.

По общему правилу обнаруженные материальные объекты поступают в собственность лица, которому принадлежат земельный участок, строения и т.п., где был сокрыт клад, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное. Однако в случае обнаружения клада, состоящего из предметов, являющихся культурными ценностями, он подлежит передаче государству. Это обстоятельство имеет особое значение с точки зрения оценки конструкции данного преступления, если в найденном кладе находятся культурные ценности.

В отечественной доктрине выделяют следующие деяния, составляющие присвоение клада: 1) несообщение об обнаружении клада лицом, производившим раскопки или поиски ценностей без согласия собственника земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и обращение клада в свою пользу либо близких ему лиц; 2) несообщение об

¹ Колбасин, Д.А. Гражданское право Республики Беларусь. Общая часть. Минск: Молодежное, 2003. С. 235.

обнаружении клада, состоящего из культурных ценностей, собственником земельного участка или лицом, производившим раскопки или поиски ценностей с согласия такого собственника, и обращение ими клада в свою пользу или близких им лиц; 3) несообщение об обнаружении клада, состоящего из культурных ценностей, лицом, производившим раскопки или поиски ценностей без согласия собственника земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и обращение им клада в свою пользу либо близких ему лиц¹.

Обязательным элементом объективной стороны присвоения находки или клада является сумма найденного имущества, составляющая 1000 и более базовых величин на день совершения преступления.

Важно определить момент окончания присвоения клада. Согласно ч. 1 ст. 19 Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», лицо, случайно обнаружившее движимый материальный объект, имеющий культурную ценность, обязано в двухдневный срок известить об этом местный исполнительный и распорядительный орган либо территориальный орган внутренних дел. По истечении указанного срока бездействие лица объективно выражает факт присвоения.

Подробнее следует остановиться на следующих моментах.

И.Э. Мартыненко полагает, что преступление признается оконченным, когда найденный клад, состоящий из вещей, представляющих культурную ценность, стоимость которого составляет особо крупный размер, присвоен виновным. При этом лицо имеет реальную возможность распоряжаться или пользоваться им по своему усмотрению².

Однако обнаружение клада, состоящего из предметов, имеющих культурную ценность, означает, что нашедший является его обладателем и имеет реальную (фактическую) возможность использовать его по своему усмотрению. Подтверждением намерения лица присвоить клад в таких случаях может быть только невыполнение (несовершение) действий, свидетельствующих об отсутствии присвоения как состояния перманентного обладания кладом. Иной юридической технологии определения факта присвоения здесь быть не может.

Лицо должно в установленный срок известить об обнаружении клада, в противном случае имеет место факт присвоения. Может показаться, что это сугубо формальный подход (лицо не знало об этой обязанности и сроке, не имело возможности в этот срок сообщить и т.д.). Но подобные обстоятельства могут лишь учитываться при оценке факта присвоения или отсутствия такового с учетом и на основе общего подхода к моменту совершения преступления и намерений виновного. Уголовно-правовое

¹ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 289.

² Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия. С. 188.

значение в такой ситуации имеет невозвращение клада компетентным органам, т.е. его сокрытие.

Кроме того, возможны случаи совершения продолжаемого преступления лицом, занимающимся преступным промыслом. Например, «черный археолог» предполагает, что в определенном районе возможны большие залежи старинных монет. При этом его уверенность подкрепляется постоянными находками, оценить стоимость которых у него нет времени.

Так, в 2007 г. в Полоцке были задержаны лица, которые приобрели металлоискатель и в течение года находили и сбывали предметы старины. Задержать преступников удалось при попытке сбить старинные женские украшения (по оценке местных искусствоведов, XII в.)¹.

Поэтому, по нашему мнению, состав данного преступления формальный и моментом его окончания должны являться, во-первых, истечение установленного срока извещения исполнительных органов о найденном имуществе, во-вторых, особо крупный размер стоимости клада.

Преступление совершается с прямым умыслом. Лицо сознает, что присваивает, обращает клад в свое постоянное пользование и желает этого.

Субъектом является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста на момент совершения преступления. Если кладом завладевает лицо, в круг трудовых или служебных обязанностей которого входило проведение раскопок, то содеянное не квалифицируется по ст. 215 УК, а при соответствующих обстоятельствах может влечь ответственность за хищение имущества (например, похищение ранее обнаруженного клада, временно хранящегося в археологическом обществе или переданного на временное хранение)².

Так, в 2004 г. прокуратурой Витебской области было возбуждено уголовное дело (ч. 1 ст. 205 УК) по факту пропажи клада монет XVI в. из сейфа в здании Лиозненского РОВД. В 2003 г. гражданин М. нашел в земле данный клад более чем из 300 монет Великого княжества Литовского и Речи Посполитой XVI в., представляющий, по мнению специалистов, большую историческую и культурную ценность и передал его в РОВД на хранение³.

Присвоение клада влечет назначение общественных работ, или штрафа, или ареста на срок до 3 месяцев. При этом, если лицо присваивает

¹ См.: «Черные копатели» задержаны в Полоцке [Электронный ресурс] // Химик.info. Режим доступа: <<http://ximik.info/article/171>>. Дата доступа: 20.09.2011.

² Грунтов, И.О. Уголовная ответственность за корыстные посягательства на собственность, не связанные с изъятием имущества // Право Беларуси. 2002. № 3. С. 67.

³ Прокуратура Витебской области возбудила уголовное дело по факту пропажи клада монет 16-го века из сейфа в здании Лиозненского РОВД [Электронный ресурс] // www.afn.by. Режим доступа: <<http://afn.by/news/i/39680>>. Дата доступа: 14.11.2011.

клад, стоимость которого не составляет особо крупный размер, то ответственность наступает по ст. 10.6 КоАП (присвоение найденного имущества). Мерами взыскания будут предупреждение либо штраф до 5 базовых величин¹.

Очевидно, что уголовно-правовое воздействие со стороны государства в отношении виновного лица незначительно. По этому поводу И.Э. Мартыненко отмечает, что анализируемая норма выполняет скорее общепреventивную, а не карательную функцию².

С позицией автора нельзя согласиться, поскольку нормы уголовного закона должны выполнять предупредительную функцию, но не в коем случае не карательную. Другое дело, что строгость санкции (меры наказания за данное деяние) в этом случае не обеспечивает должного предупредительного воздействия на лиц, нашедших клад (для воздержания от его присвоения).

Проблема же присвоения клада, содержащего культурные ценности, усугубляется и конструкцией объективной стороны анализируемого состава преступления.

Дело в том, что она в равной степени защищает и находку, и клад, состоящий из предметов, имеющих культурную ценность. Однако, на наш взгляд, такой подход законодателя вызывает сомнения: представляется неубедительной попытка законодателя уравнивать в уголовно-правовой охране материальные предметы массового производства и уникальные, неповторимые предметы старины, несмотря на формально одинаковую их стоимость.

Необходимо особым образом защищать археологическое наследие. Об этом свидетельствуют данные о ситуации в сфере нелегального кладоискательства. В последнее время активизировалась незаконная деятельность кладоискателей, особенно в Чернобыльской зоне³. При этом наряду с добычей могильного золота преступники преследуют цель поиска предметов старины для частных коллекций⁴. Не менее сложная ситуация с несанкционированными археологическими работами отмечается в Могилевской области, где хорошо оснащенные группы в количестве

¹ См.: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., №194-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

² Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия. С. 188.

³ Несцярчук, Л.М. Указ. соч. С. 219.

⁴ Копытин, В.Ф. Проблемы охраны памятников археологии в чернобыльской зоне Могилевщины // Каштоўнасці мінуўшчыны – 4: Помнікі археалогіі: праблемы аховы і вывучэння: матэрыялы канф., Мінск, 23 ліст. 2000 г. / пад агул. рэд. С.В. Марцэлева. Мінск, 2001. С. 46.

10–15 человек раскапывают памятники археологии¹. При этом характер повреждений свидетельствует о высокой профессиональной подготовке лиц, производящих незаконные раскопки².

Кроме того, в последнее время увеличился контрабандный вывоз предметов палеонтологии, что указывает на их незаконное приобретение посредством проведения несанкционированных археологических раскопок³.

Следует понимать, что присвоение клада зачастую является непосредственным результатом незаконных археологических раскопок. Типичным в данной ситуации является следующий пример. В 2007 г. по факту повреждения пяти курганных могильников X–XI вв. в историко-культурном заповеднике «Заславль» было возбуждено уголовное дело по ст. 344 УК. Неустановленные лица вели раскопки на территории древних захоронений, пытаясь найти дорогостоящие ценности⁴.

В данной ситуации повреждение ценностей должно образовывать совокупность с преступным присвоением клада (при обнаружении такового).

При проведении настоящего исследования нам приходится руководствоваться только фактами о возбуждении уголовных дел, поскольку на протяжении последних 15 лет уголовные дела за разрушение памятников археологии в суды не направлялись⁵.

Стоит отметить, что курганные могильники особо охраняются уголовным законом ввиду того, что содержат уникальные старинные вещи. При этом возможна парадоксальная ситуация: разрытие кургана влечет уголовную ответственность, а присвоение найденных вещей в нем – административную (в случае, если стоимость присвоенного не превышает 1000 базовых величин).

¹ См.: Марзалюк, И.А. Охрана археологического наследия Могилевской области [Электронный ресурс] // Могилевское областное общество охраны памятников истории и культуры. Режим доступа: <http://memorial.iatp.by/rus/sharp_st18.htm>. Дата доступа: 18.06.2007.

² Мартыненко, И.Э. Проблема повышения эффективности правоохранительной деятельности по предотвращению незаконного присвоения культурных ценностей, полученных в результате нелегальных раскопок // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич [и др.]. Минск, 2010. Вып. 3. С. 80.

³ Клебанов, Л.Р. Контрабанда культурных ценностей как экономическое преступление // Законодательство. 2012. № 1. С. 66.

⁴ См.: В Беларуси возбуждено уголовное дело в отношении «черных копателей» [Электронный ресурс] // Naviny.by: происшествия. Режим доступа: <http://naviny.by/rubrics/disaster/2011/02/18/ic_news_124_361758/>. Дата доступа: 25.01.2011.

⁵ Мартыненко, И.Э. Проблемы повышения эффективности правоохранительной деятельности в сфере защиты археологического наследия // Суд. весн. 2007. № 2. С. 60.

На наш взгляд, следует исключить административную ответственность за присвоение клада, состоящего из предметов, имеющих культурную ценность, полностью его криминализовав. Для этого законодательно следовало бы дополнить УК нормой об ответственности за присвоение клада, состоящего из предметов, являющихся культурными ценностями.

Аналогичной позиции придерживается украинский, аргентинский и китайский законодатели. Например, согласно ст. 193 Уголовного кодекса Украины, присвоение лицом найденного или случайно оказавшегося у него чужого имущества, имеющего особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, а также клада карается штрафом до 50 необлагаемых налогами минимумов доходов граждан, или исправительными работами до 2 лет, или заключением на срок до 6 месяцев¹.

В целом, нелегальное производство археологических раскопок наказуемо только в случаях причинения вреда воинским захоронениям или историко-культурным ценностям, присвоения клада. В иных случаях основания для применения административного или уголовного закона отсутствуют. Однако в юридической науке отмечается необходимость криминализации незаконного проведения археологических раскопок и раскопок воинских захоронений.

Так, Т.Р. Сабитов рассматривает проведение нелегальных археологических раскопок как незаконное завладение культурными ценностями, не имеющими собственника или собственник которых неизвестен². Д.И. Богданов и В.В. Кулыгин предлагают отдельный состав преступления об ответственности за незаконные археологические раскопки³.

И.Э. Мартыненко в этой связи считает необходимым дополнить ст. 344 УК квалифицирующим признаком: действия, предусмотренные ч. 1 или 2, совершенные с целью поиска археологических предметов либо вещных останков воинских захоронений⁴. Данный подход является достаточно уязвимым, поскольку ст. 344 УК защищает ценности и материальные объекты, которые могут быть признаны культурным достоянием в зависимости от их категории. Однако категорией обладают только памятники археологии. Раскопка иных предметов, имеющих археологи-

¹ См.: Уголовный кодекс Украины : Кодекс Украины, 5 апр. 2001 г., № 2341-III: в ред. Закона Украины от 07.07.2010 г. // Нормативные акты Украины [Электронный ресурс] / ЗАО «Информтехнология». Киев, 2013.

² Сабитов, Т.Р. Указ. соч. С. 141.

³ См.: Богданов, Д.И. Указ. соч. С. 10; Кулыгин, В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2013.

⁴ Мартыненко, И.Э. Уголовно-правовая охрана военно-исторического наследия Беларуси: проблемы совершенствования законодательства. С. 41.

ческую ценность, диспозицией указанной нормы не охватывается, а следовательно, не является предметом самой нормы УК.

На наш взгляд, исходя из общественной опасности как главного основания для криминализации¹, а также неэффективности административной ответственности (в связи с тем, что все дела по незаконным раскопкам воинских захоронений прекращаются за истечением сроков давности (приложение 1)), незаконное проведение археологических раскопок должно образовывать самостоятельный состав преступления, предметом которого будут являться археологические объекты (в том числе воинские захоронения). Полагаем, что квалифицирующие признаки предлагаемой нормы должны указывать на совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Объективную сторону этого преступления образует производство археологических раскопок без разрешения, получаемого в соответствии с законодательством. Форма вины посягательства – умышленная.

При этом раскопки памятников археологии не охватываются предлагаемым нами составом преступления, а квалифицируются самостоятельно по ст. 344 УК. Присвоение клада в результате таких раскопок должно образовывать совокупность со ст. 215 УК. В данной ситуации мы согласны с М.А. Александровой, отмечающей, что «обнаружение археологической находки в большинстве случаев не может считаться обнаружением клада»².

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Не следует отождествлять уголовно-правовую охрану предметов, представляющих культурную ценность, и имущества массового производства, таковой ценностью не обладающего.

2. Присвоение клада, состоящего из предметов, имеющих культурную ценность, следует признавать преступлением независимо от его стоимости.

3. В целях усиления защиты достояния отечественной культуры от отчуждения и неконтролируемого оборота УК необходимо дополнить статьей об ответственности за незаконное проведение археологических раскопок.

2.2.2. Контрабанда культурных ценностей (ст. 228 УК)

Мировая практика свидетельствует о том, что контрабанда культурных ценностей является одновременно наиболее распространенным и латентным преступлением против культурного достояния. Контрабанда

¹ Кузнецова, Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. № 6. С. 67.

² Александрова, М.А. Актуальные правовые аспекты археологической деятельности // Закон. 2006. № 7. С. 125.

культурных ценностей носит характер международной организованной преступности, обладает высоким уровнем организации и конспирации преступной деятельности¹. Если контрабанда обычного имущества является лишь в 10% случаях, то контрабанда культурных ценностей – в 1%². При этом зарубежный опыт свидетельствует о том, что культурные ценности занимают третье место среди всего имущества, перемещаемого контрабандным путем³.

За последнее десятилетие в Республике Беларусь не возбуждались уголовные дела по факту контрабанды культурных ценностей. Указывает ли этот факт на то, что через территорию Беларуси данные объекты не перемещаются?

Информация правоохранительных органов свидетельствует о противоположном: ежегодно изымаются тысячи предметов, являющихся культурными ценностями. Правда, такое изъятие производится в рамках сугубо административного процесса, не позволяющего осуществлять оперативно-розыскные мероприятия и выявлять каналы нелегального оборота культурных ценностей⁴. Уголовный закон в этих случаях не применяется, хотя карательная и превентивная степень его воздействия на правонарушителей значительно больше. В данной связи актуальна и обоснована позиция А.Э. Жалинского, указывающего на то, что когда снимается фактически или юридически угроза наказания или повышается размер и качество выгоды от преступления, растет количество противоправных эпизодов определенного вида⁵, что применительно к контрабанде культурных ценностей подтверждается статистикой.

Например, в 2009 г. таможенными органами было возбуждено 17 дел об административных правонарушениях, выразившихся в незаконном перемещении культурных ценностей через таможенную границу (общее количество перемещаемых ценностей составило 7569 единиц). К ответственности было привлечено 14 лиц, при этом в двух эпизодах противоправной деятельности виновные так и не были установлены. В 2008 г. в 16 из 37 административных дел выявить правонарушителей также не удалось.

По мнению Г.А. Русанова, высокий уровень латентности анализируемого деяния обусловлен следующими факторами: 1) противоправным

¹ Васильев, Д.В. Указ. соч. С. 18.

² См.: Диканова, Т.А. Указ. соч. С. 4; Климович, Р. Живем не на острове [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2005. 6 окт. Режим доступа: <<http://www.rg.ru/2005/10/06/tamognya.html>>. Дата доступа: 10.09.2010.

³ Богданов, Д.И. Указ. соч. С. 19.

⁴ См.: Басков, В.А. Указ. соч. С. 14, 20; Диканова, Т.А. Указ. соч. С. 27.

⁵ Жалинский, А.Э. Уголовный закон и генезис преступности // Рос. криминол. взгляд. 2009. № 1. С. 191.

или аморальным поведением потерпевшего; 2) нежеланием граждан разглашать обстоятельства своей личной жизни; 3) недостаточной подготовкой специалистов и оснащенностью таможенных органов; 4) сложностью механизма совершения данного преступления¹. Принимая во внимание спорность первых двух факторов, а также несмотря на высказанное в науке уголовного права обоснованное мнение о недостаточности абсолютных данных о численности преступлений определенного вида для вывода об эффективности либо неэффективности уголовного закона², полагаем, что применительно к составу контрабанды культурных ценностей отсутствие правоприменительной практики непосредственно обусловлено особенностями конструкции ст. 228 УК. Данную позицию разделяют и представители правовой доктрины³.

Непосредственным объектом контрабанды является порядок перемещения через таможенную границу товаров и ценностей, ограниченных (запрещенных) к такому перемещению⁴. **Непосредственным объектом контрабанды культурных ценностей** выступают общественные отношения, обеспечивающие их сохранность, контролируемый оборот и обладание ими.

Актами, определяющими порядок перемещения через таможенную границу Беларуси культурных ценностей, являются Таможенный кодекс Таможенного союза, Таможенный кодекс Республики Беларусь, постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.09.2008 г. № 1397 «О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через Государственную границу Республики Беларусь». Последним утверждено Положение о порядке и условиях выдачи Министерством культуры Республики Беларусь разрешений на вывоз культурных ценностей, ограниченных к перемещению через таможенную границу по основаниям неэкономического характера. Поскольку Республика Беларусь является участницей Таможенного союза, в отношении культурных ценностей, перемещаемых через ее границу, также действуют нормы решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 г. № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования»,

¹ Русанов, Г.А. Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование. С. 10.

² Савенок, А.Л. Современное состояние и основные направления изучения эффективности в уголовном праве // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2009. № 1. С. 119.

³ Мартыненко, И.Э. Историко-культурное наследие как объект правоохранительной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11. Минск, 2007. С. 18.

⁴ См.: Верин, В.П. Контрабанда: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 15; Фомичев, С.А. Указ. соч. С. 11.

утвердившего перечень культурных ценностей, ограниченных к перемещению через Таможенную границу таможенного союза при их вывозе¹.

Предмет преступления составляют культурные ценности, которые в ч. 1 ст. 228 УК объединены термином «ценности». Таможенное законодательство относит культурные ценности к предметам, ограниченным к перемещению через таможенную границу (печатные издания, созданные более 100 лет назад; уникальные и редкие музыкальные инструменты; культурные ценности, включенные в состав Музейного, Архивного и Библиотечного фондов и др.). Для их вывоза необходимо разрешение Министерства культуры Республики Беларусь.

Отнесение незаконно перемещаемых предметов к культурным ценностям является вопросом факта, однако именно признание того или иного объекта составной частью культурного достояния представляет в следственно-судебной практике наибольшую сложность². Отчасти данная проблема обусловлена неоднозначностью терминологии законодательства, позволяющей расширительно толковать существенные признаки культурных ценностей для целей регулирования порядка их перемещения через таможенную границу.

Например, действующие ограничения для перемещения культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза распространяются на предметы и коллекции, имеющие историко-культурную ценность *и связанные со знаменательными событиями в жизни народов, развитии общества или государства, с историей науки и техники*³. Очевидно, что законодательная формулировка характеристик указанных предметов изначально создает предпосылки для широты усмотрения как должностных лиц таможенных органов, так и лиц, перемещающих культурные ценности.

Культурные ценности образуют предмет контрабанды по ч. 1 ст. 228 УК при условии, что стоимость перемещаемого составляет крупный размер (свыше 2000 базовых величин). Незаконное перемещение данных предметов в меньшем размере влечет административную ответственность.

¹ См.: О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования: решение Коллегии Евраз. экон. комиссии от 16 авг. 2012 г. № 13 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

² Яцута, И.С. Контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 228 УК) // Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В.М. Хомича. Минск, 2008. С. 174.

³ См.: О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования: решение Коллегии Евраз. экон. комиссии от 16 авг. 2012 г. № 134.

В российской науке высказано мнение, что по признаку контрабанды культурных ценностей подлежит квалификации незаконное перемещение редких объектов флоры и фауны, шкур и туш исчезающих животных¹. Такое расширительное толкование культурных ценностей недопустимо, поскольку данные объекты не имеют непосредственного отношения к культуре.

Объективную сторону контрабанды культурных ценностей образует их перемещение в крупном размере через таможенную границу: 1) помимо таможенного контроля; 2) с сокрытием от таможенного контроля; 3) с обманным использованием документов или средств идентификации; 4) сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием.

Содержание таких признаков в УК не раскрывается, а их уяснение исходит в основном из положений КоАП.

Перемещением товаров через таможенную границу признается ввоз товаров на таможенную территорию или вывоз товаров с этой территории. При этом, способы перемещения (перевозка, пересылка в международных почтовых отправлениях, наземным, воздушным путем и т.п.) значения не имеют².

Законодатель не разъясняет, что понимается под перемещением культурных ценностей помимо таможенного контроля. До внесения изменений в Кодекс об административных правонарушениях в 2009 г. в ст. 14.4 КоАП содержание указанного признака составляли действия по перемещению товаров вне пунктов таможенного контроля либо через такие пункты, но не во время работы таможенного органа. В настоящее время данный признак в КоАП отсутствует, а в ч. 1 ст. 14.1 Кодекса установлена ответственность за перемещение товаров через таможенную границу вне определенных законодательством мест. К таким местам отнесены пункты таможенного оформления, которые представляют собой официально установленные места постоянного размещения должностных лиц таможенных органов, их структурных подразделений, предназначенные для осуществления таможенного контроля и таможенного оформления товаров.

Перечень республиканских пунктов таможенного оформления, являющихся пунктами ввоза и вывоза товаров, перемещаемых через таможенную границу Республики Беларусь, утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 07.08.2007 г. № 373 «О пунктах ввоза и вывоза товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза, в Республике Беларусь».

¹ Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с посягательствами на культурные ценности. С. 26–27.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 471.

Под сокрытием от таможенного оформления понимается непредъявление к таможенному оформлению вещей, перемещаемых через таможенную границу способом, затрудняющим их обозрение и обнаружение, либо несообщение в таможенной декларации (иных документах, подлежащих представлению при таможенном оформлении) о перемещаемых через таможенную границу вещах, или сообщение в указанных документах ложных сведений о таких вещах, а также совершенное с использованием специально изготовленных тайников, переоборудованных или приспособленных под тайники предметов, или путем придания одним вещам вида других вещей, либо с представлением таможенному органу в качестве основания для перемещения предъявленных вещей поддельных документов, полученных незаконным путем, либо документов, являющихся основанием для перемещения других вещей.

Скрытие от таможенного контроля является преимущественным способом незаконного перемещения ценностей. Данным способом чаще всего перемещаются: старинные коллекционные золотые и серебряные монеты; старинные изделия из серебра, золота; статуэтки; книги; иконы, складни, кресты; медали; предметы быта XIX–XX вв; старинная посуда.

Указанные предметы обычно помещаются: в пустотелом пространстве сидений купе вагона; в пространстве между внутренней и внешней обшивкой вагона; в межпотолочном пространстве коридоров, тамбуров, туалетов; в пустотелом пространстве, образованном внутренней декоративной пластиковой обшивкой багажника автомобиля и наружной стенкой его заднего правого крыла. Используются также конструктивные особенности системы вентиляции и отопления вагона и щиты высокого напряжения под вагоном¹.

Термин «обманное использование документов или средств идентификации» отсутствует как в УК, так и в КоАП. Ранее под таким использованием понималось представление таможенному органу поддельных или недействительных документов либо документов, полученных незаконным путем, либо содержащих недостоверные сведения, либо относящихся к другим товарам, а также с использованием поддельного средства идентификации или подлинного средства идентификации, относящихся к другим товарам. Подложными признаются документы или средства идентификации, полученные незаконным путем, утратившие силу, полностью или частично поддельные, содержащие недостоверную информацию о перемещаемых товарах².

¹ На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей. С. 126–135.

² Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. С. 472.

Действующая редакция КоАП (несмотря на отсутствие указанного термина) использует признаки, ранее составлявшие его содержание, однако перечень таких признаков существенно расширен. Так, при формулировании положений ч. 3 ст. 14.5 КоАП законодатель сделал акцент не на простом представлении таможенному органу поддельных или недействительных документов, а на представлении недостоверных сведений о товарах, причем при условии, что эти сведения послужили основанием для неприменения запретов и ограничений, установленных таможенным законодательством Таможенного союза, либо для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов, или занижения их размера.

В рамках настоящего издания следует обратить внимание на то, что запреты и ограничения по основаниям экономического характера неприменимы к перемещению культурных ценностей, поскольку постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.09.2008 г. № 1397 «О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через Государственную границу Республики Беларусь» такие предметы относятся к категории товаров, ограниченных к перемещению через границу *по основаниям неэкономического характера*.

Полагаем, что данный вопрос требует разрешения с учетом требований законодательства о соблюдении единства терминологии, а также предписаний ст. 3 УК о строгом толковании норм Кодекса и неприменении уголовного закона по аналогии.

Состав недекларирования или заведомо недостоверного декларирования образуют уклонение от подачи декларации либо сообщение в ней заведомо ложных сведений. Например, таможеней «Минск-2» был изъят нож, заявленный как канадский сувенир стоимостью 25 канадских долларов. Эксперт указал, что данный предмет является кинжалом пеш-кабз, распространенным в средние века в Персии и Индии, стоимостью 1000 дол. США¹. Специалисты отмечают, что такой способ контрабанды является наиболее распространенным².

Контрабанда считается оконченным преступлением с момента фактического незаконного перемещения ценностей через таможенную границу. Действия лица, пытавшегося переместить ценности контрабандным путем за пределы Республики Беларусь, квалифицируются как покушение на контрабанду.

Вместе с тем, отмечаем неоднозначный подход к данному вопросу в юридической науке. В отечественной литературе отмечается, что под перемещением через таможенную границу необходимо понимать представ-

¹ На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей. С. 147.

² Ляпустина, Н.С. Указ. соч. С. 18.

ление таможенной декларации или иное действие, непосредственно направленное на реализацию намерения вывезти или ввезти предмет преступления, в случае вывоза культурных ценностей с таможенной территории и при их ввозе с остальной части таможенных зон и на свободные склады¹. В то же время Ю.И. Сучков указывает, что поскольку перемещение предмета преступления через таможенную границу является обязательным условием для признания контрабанды оконченным преступлением, «действия, совершенные до пересечения грузом линии таможенной границы, являются приготовлением либо покушением на контрабанду и перенесение момента окончания преступления на эти стадии лишает субъекта права на добровольный отказ от доведения преступления до конца»². Аналогичное мнение высказывает Л.Р. Клебанов³.

Следует согласиться с А.И. Лукашовым, отмечаящим, что действия лица, ввезшего ценности на таможенную территорию, выявленные таможенными органами при таможенном досмотре, следует квалифицировать как оконченную контрабанду. Вместе с тем, аналогичные действия лица, вывозящего названные товары или ценности с таможенной территории на территорию сопредельного государства, выявленные при таможенном досмотре таможенными органами, образуют состав покушения на контрабанду⁴.

Субъект преступления общий – физическое лицо, достигшее 16 лет на момент совершения преступления. Как правило, лица, занимающиеся контрабандой культурных ценностей, компетентны в вопросах искусствоведения⁵. В юридической науке с учетом уровня знания предложено несколько типологий личности контрабандиста, перемещающего культурные ценности. Например, А.И. Ходанов выделяет следующие типы: «Профессионал», «Участник преступной группы», «Музейщик», «Дилетант», «Иностранец», «Дипломат»⁶.

Знание особенностей криминогенного поведения каждой из названных категорий преступников позволяет правоохранительным органам

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 588.

² Сучков, Ю.И. Защита внешнеэкономической деятельности Российской Федерации по уголовному и таможенному законодательству: проблемные аспекты теории и законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Калининград, 1997. С. 33–34.

³ Клебанов, Л.Р. Уголовная ответственность за контрабанду культурных ценностей // «Черные дыры» в Рос. законодательстве. 2006. № 2. С. 78.

⁴ Лукашов, А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголов.-правовая характеристика и вопр. квалификации. Минск: Тесей, 2002. С. 65.

⁵ Васильев, Д.В. Указ. соч. С. 11.

⁶ Ходанов, А.И. Указ. соч. С. 21.

выбрать методологически верное направление своевременного выявления лиц, незаконно перемещающих культурные ценности.

Д.В. Васильев выделяет ситуативно-криминогенный, последовательно-криминогенный и ситуативный типы лиц, занимающихся контрабандой культурных ценностей¹. По его мнению, основную массу составляет ситуативно-криминогенный тип, в генезисе преступного поведения которого прослеживается очевидная взаимосвязь отрицательных признаков личности с негативными характеристиками среды, в которой она оказывается.

К *последовательно-криминогенному типу* контрабандистов относятся неоднократно совершившие преступления в составе организованных групп.

К *«ситуативным»* контрабандистам культурных ценностей следует отнести тех, которые до преступления характеризовались положительно либо нейтрально, а само посягательство на культурные ценности совершили впервые под воздействием неблагоприятной внешней ситуации².

В российской науке отмечается, что наиболее часто контрабанду культурных ценностей совершают мужчины в возрасте от 18 до 29 лет, с невысоким образовательным уровнем и без постоянного источника дохода³.

Контрабанда культурных ценностей совершается с прямым умыслом. Для вменения контрабанды культурных ценностей необходимо осознание виновным лицом особых культурологических характеристик предмета преступления. Установление данного признака непосредственно влияет на квалификацию совершенного деяния, что подтверждается и правоприменительной практикой.

В ходе таможенного контроля гр. П. была обнаружена икона Св. Николая Чудотворца. Согласно экспертному заключению, она не представляла художественной значимости, поскольку являлась образцом дешевой массовой продукции конца XIX в. Однако эксперт указал, что с позиции законодательства о вывозе культурных ценностей икона имеет историческую ценность как предмет отечественного религиозного культа. Прокурор отказал в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием субъективной стороны состава контрабанды. В постановлении он отметил, что само изделие имело малые размеры (5,8x5,3x0,4 см); металл не драгоценный; отливка низкого качества; какие-либо обозначения, указывающие на дату изготовления иконы, отсутствуют. Кроме того, по показаниям гр. П., икона, которую она получила от матери, находится при ней постоянно и не ассоциируется с историко-культурной ценностью⁴.

¹ Васильев, Д.В. Указ. соч. С. 22.

² Там же. С. 22–23.

³ Русанов, Г.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей: уголов.-правовые и криминол. вопр. С. 92–93.

⁴ Клебанов, Л.Р. Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности // Уголов. право. 2009. № 1. С. 26–27.

Как известно, квалифицированный состав контрабанды образуют: незаконное перемещение наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, радиоактивных или взрывчатых веществ, а также иных предметов, ограниченных в гражданском обороте (ч. 2); контрабанда, совершенная группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, ранее судимым за контрабанду, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо совершенная с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль, либо в отношении особо опасных наркотических средств или психотропных веществ (ч. 3), либо контрабанда, совершенная организованной группой (ч. 4).

Контрабандой, совершенной группой лиц по предварительному сговору, считается контрабанда, в которой участвовали двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления. При этом действия лиц, которые непосредственно не перемещали предметы контрабанды через таможенную границу, а лишь организовывали или оказывали помощь в совершении этого преступления, квалифицируются как соучастие в контрабанде со ссылкой на соответствующую часть ст. 16 УК.

Стоит отметить, что контрабанда культурных ценностей – преимущественно групповое преступление¹. По мнению российского исследователя Д.В. Васильева, данное деяние «фактически носит характер международной организованной преступности: ему присущи все черты современного криминального формирования, в том числе высокий уровень организации и конспирации преступной деятельности»².

Совершение контрабанды должностным лицом с использованием своих служебных полномочий предполагает действия со стороны должностного лица, злоупотребляющего властью или служебным положением в целях совершения контрабанды. Контрабанда, совершаемая должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, не требует дополнительной квалификации действий виновного по ст. 424 УК.

В юридической литературе выделяется несколько категорий должностных лиц, которые могут совершить контрабанду культурных ценностей с использованием своих служебных полномочий, а именно должностные лица:

1) в силу своего служебного положения непосредственно решающие вопросы контроля за перемещением товаров и пропуска лиц через границу (начальники таможен, их заместители, инспектора таможенного контроля);

¹ На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей. С. 119.

² Васильев, Д.В. Указ. соч. С. 10.

2) осуществляющие контрольно-надзорные функции на границе (сотрудники прокуратуры, вышестоящие должностные лица организаций, осуществляющих пограничный, таможенный и иные виды контроля);

3) пересекающие таможенную границу в связи с осуществлением своих служебных полномочий и не подлежащие таможенному контролю (дипломатический персонал, члены правительственных делегаций);

4) использующие транспорт, не подлежащий таможенному контролю ввиду особого положения транспортного средства либо свойств перемещаемого груза (например, командир иностранного военного корабля (судна);

5) осуществляющие перемещение грузов или пассажиров через таможенную границу (например, начальник поезда)¹.

Таким образом, контрабанда по-прежнему остается одним из наиболее опасных и распространенных деяний против культурных ценностей. Проблемы применения уголовной ответственности к случаям незаконного перемещения ценностей будут освещены в гл. 3 настоящего издания. Вместе с тем, отмечаем необходимость приведения терминологии ч. 1 ст. 228 УК в соответствие с терминологией, используемой в КоАП при описании объективной стороны незаконного перемещения товаров и ценностей через таможенную границу.

2.2.3. Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей (ст. 230 УК)

Статья 230 УК предусматривает ответственность за умышленное невозвращение историко-культурных ценностей на территорию Республики Беларусь в установленный срок, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным, согласно отечественному законодательству.

Родовым объектом данного преступления является порядок осуществления экономической деятельности. Непосредственный объект в научных источниках определяется по-разному. Некоторые авторы полагают, что его составляет право народа Республики Беларусь на обладание историко-культурными ценностями². И.Э. Мартыненко считает, что вред причиняется установленному законом порядку оборота названных предметов³. Конечно, данное преступление связано с оборотом объектов культурного наследия, однако законодательно ответственность установ-

¹ Яцута, И.С. Указ. соч. С. 202–203.

² Лукашов, А.И. Классификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. С. 164; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 369.

³ Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия. С. 200.

лена с учетом того, что историко-культурные ценности должны возвращаться в страну их происхождения (обладания).

В.Г. Беспалько отмечает, что, несмотря на то, что данное преступление внешне схоже с преступным деянием, посягающим на общественные отношения в сфере таможенного дела, его совершение создает угрозу причинения существенного вреда духовной безопасности общества, ведет к преуменьшению национального культурного богатства¹.

Ю.И. Сучков полагает, что непосредственным объектом анализируемого деяния являются отношения в сфере внешнеэкономической деятельности, регулирующие порядок возвращения объектов культурного достояния на территорию государства, из которого они были вывезены². По мнению Г.А. Русанова, основной непосредственный объект составляют общественные отношения, обеспечивающие правила законного ввоза и вывоза культурных ценностей, а дополнительный непосредственный объект – отношения, обеспечивающие право гражданина на осуществление его культурных прав, предусмотренных Конституцией³. Л.Р. Клебанов в качестве непосредственного объекта выделяет общественные отношения, возникающие по поводу культурных ценностей, вывозимых за пределы государства с последующим обязательным возвращением⁴. В.В. Вершков понимает непосредственный объект как интерес (благо), заключающийся в состоянии защищенности культурных ценностей, временно вывозимых за пределы государства⁵.

По нашему мнению, **непосредственный объект** анализируемого деяния следует рассматривать аналогично основному непосредственному объекту любого посягательства на культурные ценности, а именно: через общественные отношения в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния. Это обусловлено тем, что невозвращение историко-культурных ценностей означает их фактическую утрату для общества и государства их принадлежности.

Предметом преступления являются историко-культурные ценности, категория которых не влияет на квалификацию деяния. Невозвращение иных видов культурных ценностей не образует состав рассматриваемого преступления. Вместе с тем, в отечественной науке отмечается необходимость распространения действия ст. 230 УК на эпизоды невозвращения

¹ Беспалько, В.Г. Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей из-за границы // Закон. 2006. № 6. С. 51–52.

² Сучков, Ю.И. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. М.: Экономика, 2005. С. 298.

³ Русанов, Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 183.

⁴ Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. С. 250.

⁵ Вершков, В.В. Указ. соч. С. 7.

именно культурных ценностей¹. Стоит отметить, что российский законодатель в своем уголовном законе закрепил аналогичную норму.

Полагаем, что данный подход заслуживает внимания, поскольку на сегодняшний день статусом историко-культурной ценности обладают в основном недвижимые объекты. Иным видам культурных ценностей (картины, скульптуры, предметы археологии и т.д.) такой статус не присваивается, что ограничивает применение уголовного закона к фактам их невозвращения.

Объективная сторона невозвращения представлена бездействием. Как отмечается в научной литературе, общественно опасное бездействие – это осознанное и волевое пассивное поведение лица, выражающееся в несовершении тех действий, которые оно должно было совершить в силу возложенных на него обязанностей². Применительно к рассматриваемому составу преступления бездействие состоит в невыполнении обязанности возратить на территорию Беларуси материальные объекты, которые включены в список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, и которые были временно вывезены.

По мнению Р.Н. Ключко, механизм установления ответственности по ст. 230 УК состоит в том, что основу бездействия составляет неисполнение обязанности по совершению определенных действий при осуществлении профессиональной (служебной) деятельности. Принимая такую обязанность, лицо осознает общественную опасность ее неисполнения и ответственность, что позволяет избежать объективного вменения и проблем с установлением признаков объективной стороны. Тем самым, у лица создаются стимулы к активной модели поведения при осознании угрозы ограничений в случае игнорирования необходимости совершения активных действий³.

Состав преступления формальный: оно считается оконченным с момента невыполнения соответствующей обязанности при условии, что у виновного лица была реальная возможность ее исполнить. При этом не имеет значения, не возвратил виновный все вывезенные за границу ценности либо их часть.

¹ Мартыненко, И.Э. Историко-культурное наследие как объект правоохранительной деятельности. С. 24; Петрик, И.Л. Правовая регламентация порядка перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь. С. 89.

² Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие. Минск: Тесей, 2005. С. 134.

³ Ключко, Р.Н. Специальные условия закрепления уголовной противоправности бездействия // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Барков [и др.]. Минск, 2010. С. 109.

Однако в правовой доктрине существуют иные позиции по этому вопросу. Так, В.В. Вершков усматривает в составе невозвращения культурных ценностей признаки преступления с материальной конструкцией: причиняемый вред состоит в уменьшении фондов культурных ценностей¹. С данной позицией трудно согласиться, поскольку момент причинения указанного вреда совпадает с моментом неисполнения обязанности, т.е. невозвращением ценностей в установленный срок, что, с позиции уголовно-правовой доктрины, образует формальный состав преступления².

Как справедливо отмечают белорусские ученые, при отсутствии возможности выполнить обязанность ввиду наличия обстоятельств, не зависящих от воли лица (например, похищение у лица историко-культурных ценностей, их уничтожение вследствие пожара), невозвращение ценностей не образует состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК³.

Невозвращение историко-культурных ценностей является длящимся преступлением, которое характеризуется длительным невыполнением лицом обязанности вернуть указанные объекты с вывезенной территории. Моментом совершения преступления является день, следующий за днем, когда лицо обязано было вернуть ценности в Республику Беларусь. Днем прекращения преступного деяния является либо день его прекращения виновным лицом по своей воле, либо день, когда преступное состояние прекращено по воле других лиц.

Вместе с тем, считаем дискуссионной точку зрения о том, что днем прекращения преступного состояния может являться день возбуждения в отношении лица уголовного дела⁴. Едва ли можно согласиться с тем, что возбуждение уголовного дела при отсутствии вывезенных историко-культурных ценностей и лица, скрывающегося от следствия, означает окончательное уклонения от возвращения объектов культурного наследия.

В доктринальных источниках подчеркивается важность такого элемента объективной стороны невозвращения, как место его совершения. Так, некоторые авторы указывают на то, что таким местом является место нахождения виновного лица⁵. Другие полагают, что это место нахождения вывезенных историко-культурных ценностей, т.е. территория со-

¹ Вершков, В.В. Указ. соч. С. 7–8.

² Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь: [с учетом изм. и доп. по сост. на 23 февр. 2010 г.] / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. С. 47.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 595.

⁴ Беспалько, В.Г. Указ. соч. С. 57.

⁵ Михайлов, В.И., Федоров, А.В. Таможенные преступления: учеб.-правовой анализ и общ. вопр. оператив.-розыскной деятельности. СПб.: Юрид. центр пресс, 1999. С. 89.

ответствующего государства¹, поскольку применению будет подлежать уголовный закон той страны, в которой окончено преступление².

Полагаем, что разрешать данный вопрос следует, исходя из содержания диспозиции ст. 230 УК, указывающей на обязательность возвращения ценностей на территорию Республики Беларусь. Последняя и будет местом невозвращения, поскольку в заявлении о временном вывозе историко-культурных ценностей, подаваемом в адрес Министерства культуры Республики Беларусь, лицо гарантирует возврат ценностей на территорию Беларуси. Такая позиция высказывается и в науке уголовного права³.

Субъектом преступления является физическое лицо, достигшее 16 лет к моменту совершения деяния. Как следует из Положения о порядке и условиях выдачи Министерством культуры Республики Беларусь разрешений на вывоз культурных ценностей, ограниченных к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь по основаниям неэкономического характера, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.09.2008 г. № 1397 «О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через таможенную границу Республики Беларусь», заявление о временном вывозе историко-культурных ценностей *с гарантией их возврата* подписывается руководителем юридического лица. Тем самым фактическое невозвращение ценностей должностным лицом будет рассматриваться как должностное преступление и квалифицироваться по ст.ст. 230 и 424 УК.

По мнению И.Э. Мартыненко, рассматриваемое преступление зачастую совершают искусствоведы и музейные работники (вывозящие раритеты для экспонирования за границу), музыканты (пользующиеся во время гастролей антикварными либо ценными инструментами), реставраторы, иные научные работники, сопровождающие предметы искусства в период их реставрации в других странах⁴. Однако, по-видимому, речь идет о зарубежной практике применения соответствующих норм уголовного закона, поскольку в Беларуси не зарегистрированы факты возбуждения дел по ст. 230 УК.

Лицо, совершающее анализируемое преступление, должно иметь разрешение на временный вывоз историко-культурной ценности. При

¹ См.: Беспалько, В.Г. Указ. соч. С. 56; Мартыненко, И.Э. Вопросы наступления уголовной ответственности за невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей // Юстиция Беларуси. 2009. № 9. С. 35.

² Клебанов, Л.Р. Время и место невозвращения на территорию России предметов художественного, исторического и археологического достояния // Уголов. право. 2009. № 4. С. 27.

³ Вершков, В.В. Указ. соч. С. 7–8.

⁴ Мартыненко, И.Э. Вопросы наступления уголовной ответственности за невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей. С. 36.

этом данным лицом может быть как собственник ценности, так и лицо, уполномоченное им на совершение указанных действий¹.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что не возвращает историко-культурные ценности на территорию Республики Беларусь по истечении установленных сроков и желает действовать таким образом.

Незаконный вывоз историко-культурных ценностей, сопряженный с использованием способов, указанных в ст. 228 УК, является контрабандой. В юридической литературе отмечается, что также образует контрабанду по признаку обманного использования документов перемещение через таможенную границу указанных объектов в случае, если лицо в момент получения разрешения на временный их вывоз и дачи обязательства вернуть объекты имело умысел на их постоянное оставление за границей².

Однако данная позиция требует уточнения, поскольку умысел на невозвращение ценностей на территорию Республики Беларусь до пересечения таможенной границы не во всех случаях образует контрабанду.

Следует иметь в виду, что таможенным органам предъявляется только свидетельство. Декларант не представляет обязательства вернуть ценности: оно является условием выдачи свидетельства и, следовательно, заведомо недостоверное декларирование отсутствует, поскольку лицо представляет документы, выданные Министерством культуры Республики Беларусь. При этом лицо не скрывает указанные документы от таможенного контроля. Контрабанда в данном случае имела бы место, например, если лицо заведомо не обладало бы полномочиями по распоряжению вывозимым имуществом за рубежом либо в силу своего должностного положения не имело возможности оставить за границей предмет искусства. При возникновении у виновного, обладающего реальной возможностью не вернуть ценность, умысла на ее невозвращение до вывоза в другое государство содеянное в случае невозвращения предмета образует состав преступления, предусмотренный ст. 230 УК.

Изменение внешних характеристик культурного объекта, обладающего отличительными художественными качествами, для упрощения процедуры его перемещения через таможенную границу также образует состав контрабанды (например, в случае, когда лицо замазало красками выдающееся произведение живописи и выдало его за обычную картину).

При исследовании различных позиций ученых относительно разграничения контрабанды и невозвращения объектов культурного наследия в зависимости от момента возникновения умысла на невозвращение следует отметить, что на практике доказать его наличие крайне затруднительно.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 595.

² См.: Вершков, В.В. Указ. соч. С. 20; Михайлов, В.И., Федоров, А.В. Указ. соч. С. 49–50.

Основное отличие анализируемого преступления от контрабанды состоит в том, что при контрабанде культурные ценности незаконно вывозятся (т.е. совершаются активные действия), в то время как состав преступления, предусмотренный ст. 230 УК, образует невозвращение таких объектов (т.е. бездействие), ранее вывезенных из Беларуси на законных основаниях.

При наличии цели безвозмездного обращения невозвращенных материальных объектов в свою пользу по корыстным мотивам ответственность должна наступать за хищение¹. Хищение историко-культурных ценностей путем присвоения или растраты, совершенное лицом, на законных основаниях временно вывезшим их за пределы Республики Беларусь, надлежит квалифицировать по ст. 211 УК. При этом не требуется дополнительной квалификации по ст. 230 УК².

Ряд правоведов предлагают дополнить анализируемую норму применением о том, что лицо, добровольно возвратившее временно вывезенные культурные ценности по истечении установленного срока их возвращения, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях отсутствуют признаки иного состава преступления³. Такой подход нивелирует институт уголовной ответственности применительно к невозвращению культурных ценностей как к абсолютному посягательству, поскольку он не устанавливает каких-либо существенных условий, кроме явки с повинной, и позволяет лицу на законных основаниях избежать ответственности даже по прошествии нескольких лет с момента окончания преступного деяния.

Таким образом, закрепление в УК анализируемой статьи создает дополнительные гарантии защиты объектов культурного достояния. Вместе с тем, правильное уяснение ряда признаков состава преступления позволит выработать единые подходы его применения, которые заключаются в следующем:

1) объектом невозвращения историко-культурных ценностей являются общественные отношения в сфере сохранения культурного достояния, а не порядок осуществления экономической деятельности, как это закреплено в действующем УК (данный тезис адресован, прежде всего, законодателю);

2) моментом совершения преступления является день, следующий за днем, когда лицо обязано было вернуть ценности в Республику Беларусь;

3) отграничение рассмотренного состава преступления от контрабанды следует проводить, исходя из особенностей объективной стороны преступлений, а также момента возникновения и содержания умысла виновного лица.

¹ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 371.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 596.

³ См.: Вершков, В.В. Указ. соч. С. 8; Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. С. 270; Фомичев, С.А. Указ. соч. С. 13.

2.3. Преступления, нарушающие физическую целостность объекта культурного достояния

К преступлениям, нарушающим физическую целостность историко-культурных ценностей, следует отнести уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, совершенные умышленно (ст. 344 УК) или по неосторожности (ст. 345 УК).

2.3.1. Умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (ст. 344 УК)

В ст. 344 УК предусмотрена ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности. Общественная опасность данного преступления обусловлена причинением невосполнимого или трудно восполнимого материального и нравственного ущерба культурному наследию¹.

Совершение действий, составляющих уничтожение либо повреждение ценностей, влечет потерю ими своей аутентичности, которая является основным критерием отнесения объекта к культурному достоянию. В этой связи даже полностью восстановленный и реконструированный объект утрачивает непосредственную связь с исторической эпохой, которую он призван увековечивать. Как отмечается в юридической науке, такие действия приводят к надругательству над духовными идеалами и сложившимися на протяжении нескольких поколений положительными моральными устоями, связанными с восприятием уничтоженного либо поврежденного объекта².

Объектом указанного преступления выступает общественная нравственность. **Непосредственным объектом** являются общественные отношения по поводу охраны историко-культурных ценностей в их исконно воспринимаемом состоянии³. Предметом преступления являются историко-культурные ценности и материальные объекты, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 921.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и особенная части / И.Ш. Борчашвили [и др.]; под ред. И.Ш. Борчашвили. 2-е изд., испр. и доп. Алматы, 2007. С. 460.

³ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 640.

Уголовный закон защищает данные предметы в зависимости от их категориальной принадлежности, что и предопределяет структуру ст. 344 УК.

По ч. 1 указанной статьи подлежат защите ценности категории «З», т.е. материальные объекты, имеющие региональное культурное значение. По данной части подлежат охране и материальные объекты, обладающие свойствами, соответствующими хотя бы одному из критериев отбора объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности категории «З».

Следует учитывать, что уголовно-правовой охране подлежат как официально признанные предметы культурного наследия, так и предметы, обладающие свойствами культурных ценностей, но не признанные таковыми.

Анализируя предмет преступления, предусмотренного ст. 344 УК, следует отметить, что диспозиция этой нормы указывает только на материальные объекты. Нематериальные историко-культурные ценности в качестве предмета преступного посягательства не упоминаются.

Все нематериальные объекты тесно связаны со своей формой выражения, или «оболочкой» (за исключением случаев, когда сам по себе носитель является историко-культурной ценностью). Иными словами, присутствует носитель, благодаря которому доводится их содержание до сведения иных лиц (устно, письменно). При этом уничтожение данного носителя может повлечь утрату ценности в целом. Например, если древний обычай записан в одном экземпляре, то уничтожение либо повреждение бумажного или цифрового носителя причинит вред ценности. В случае, когда подобной информацией владеет всего один человек, то лишение его жизни в связи с обладанием подобной информацией также повлечет уничтожение нематериальной ценности.

Однако, на наш взгляд, подобные ситуации можно рассматривать гипотетически, поскольку в Республике Беларусь уголовные дела по факту причинения вреда нематериальным ценностям не возбуждались. Тем не менее, законодатель посчитал необходимым охранять нормами уголовного закона указанные объекты от возможного причинения им вреда по ч. 1 ст. 344 УК (посредством использования общей категории «историко-культурные ценности»).

Объективная сторона преступления выражается в совершении активных действий, направленных на нарушение целостности историко-культурных ценностей и материальных объектов, которые могут быть признаны таковыми, или отдельных их составных частей, а также последствиях в виде уничтожения либо повреждения предмета преступления и причинной связи между совершенными деяниями и наступившими последствиями¹.

Объективную сторону могут также составлять действия, выраженные в форме взрывов, поджогов, обливания повреждающими жидкостями.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 923.

По мнению Н.А. Бабия и И.О. Грунтова, деяние, предусмотренное ст. 344 УК, может быть совершено любым способом – как активными действиями, так и путем бездействия. В последнем случае виновный сознательно с целью уничтожения или повреждения не принимает меры к устранению опасности для соответствующих предметов, исходящей от действий каких-либо иных сил (например, влаги, температуры и т.п.)¹. Аналогичного мнения придерживается российский ученый Е.В. Медведев². Такая позиция вполне уместна, поскольку осознанное оставление в опасности объекта культурного наследия может свидетельствовать об умысле на его повреждение.

Уничтожение представляет собой приведение объекта в негодность, т.е. в такое состояние, при котором он навсегда утрачивает ценность и не может отвечать своему назначению функционально или по содержанию.

Повреждением является существенное изменение объекта либо его частей (например, удаление фрагментов). При повреждении ценность не может использоваться по своему назначению без проведения восстановительных работ. Однако даже физическое восстановление объекта не восполнит утрату аутентичных свойств уникальности культурного достояния.

Как отмечают российские ученые С.А. Приданов и С.П. Щерба, повреждение должно быть заметно и неспециалистам. Однако не будут являться повреждением нанесения трудносмываемых надписей, рисунков, поскольку такие действия не наносят безвозвратных потерь³. По мнению И.Э. Мартыненко, состав умышленного повреждения историко-культурных ценностей образуют также случаи изъятия из скверов монументальных сооружений⁴. В.В. Хилюта, напротив, отмечает в указанных действиях признаки хищения, поскольку происходит перемещение объектов без какого-либо существенного их повреждения⁵.

Состав преступления материальный. Последствия представляют собой полное или частичное нарушение целостности историко-культурных ценностей либо материальных объектов, свойства которых соответствуют критериям присвоения статуса ценности. Стоимостное выражение размера причиненного ущерба может колебаться от существенного до особо крупного: при причинении последнего ответственность наступает по ч. 2 данной статьи.

¹ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 644.

² Медведев, Е.В. Указ. соч. С. 162.

³ Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 21.

⁴ Мартыненко, И.Э. Законодательство об охране историко-культурного наследия и прокурорский надзор за его исполнением. Минск: Тесей, 2001. С. 44–45.

⁵ Хилюта, В.В. Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 88.

Анализ практики применения ст. 344 УК показывает, что в 30% случаев причиненный ущерб был оценен как незначительный (до 40 базовых величин), в 60% – как значительный (свыше 40 базовых величин). Ущерб, составивший особо крупный размер, был зафиксирован в 10% преступных эпизодов.

Главным обстоятельством, способствующим совершению преступлений, является отсутствие должного контроля за сохранностью объектов со стороны учреждений, ответственных за такую сохранность. Например, в ходе расследования дела о повреждении братской могилы следователь вынес представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления. В нем указывалось отсутствие надлежащей охраны мемориальных плит, что «провоцирует лиц для совершения преступлений»¹. По аналогичным причинам регулярно совершаются преступления в урочище «Куропаты»².

Схожего подхода придерживаются и российские ученые. Среди обстоятельств, способствующих совершению преступлений, они выделяют бесконтрольность в сфере учета и использования культурных ценностей³.

Справочно. Из 20 тыс. объектов культа, находящихся на территории Российской Федерации, только 451 взят под защиту подразделений вневедомственной охраны. Каждая третья церковь вообще не охраняется, а в остальных сторожами работают люди преклонного возраста, которые вряд ли могут осуществлять надлежащую охрану⁴.

К иным обстоятельствам следует отнести неэффективность профилактической работы со стороны участковых инспекторов в отношении лиц, ранее совершивших преступления (в том числе корыстные).

Изучение уголовных дел рассматриваемой категории показало, что большинство эпизодов, квалифицируемых по ст. 344 УК, составляет снятие с историко-культурной ценности элементов, содержащих цветные металлы, что оценивается как повреждение. Аналогичная ситуация наблюдалась ранее в России. Однако в последнее время по ст. 243 УК Российской Федерации (уничтожение или повреждение памятников истории и культуры) квалифицируются уничтожение памятников в связи с их приватизацией и снос ценности по распоряжению должностных лиц местных органов управления⁵.

¹ См.: Архив суда Дубровенского района Витебской области за 2004 г. Дело № 1-21/04.

² См.: Архив Минского РУВД Минской области за 2008 г. Дело № 8016141156; Архив Минского РУВД Минской области за 2008 г. Дело № 8016141685.

³ См.: Давлетшина, О.В. Указ. соч. С. 156; Диканов, К.А. Указ. соч. С. 28; Сабитов, Т.Р. Указ. соч. С. 25–26.

⁴ Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 81.

⁵ Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с посягательствами на культурные ценности. С. 80.

Анализируемое преступление, как правило, совершается с помощью подручных приспособлений, молотков, кувалд, зубил, монтировок.

Стоит отметить, что изымаемые конструктивные элементы массивны и для перемещения их необходимо разбить на несколько частей. В ряде случаев это происходит на месте совершения преступления.

Так, в одном эпизоде К. и Т. отнесли похищенную мемориальную плиту с братской могилы советским воинам и партизанам за город к железной дороге, чтобы разломать на мелкие части. Целью перемещения плиты явилось опасение обвиняемых, что во время ее повреждения их могут услышать прохожие¹.

Нередко преступление совершается посредством иных средств.

Например, гражданин У. сорвал с памятника в честь героев Отечественной войны 1812 г. накладной элемент с изображением барельефа Георгиевского креста в обрамлении лаврового венка. Он обвязал металлической проволокой элемент памятника в виде двуглавого орла и пытался при помощи мотоблока расшатать памятник².

Субъект преступления – общий (лицо, достигшее 16 лет к моменту совершения преступления). Лица, совершившие преступление в возрасте от 14 до 16 лет, могут быть привлечены к уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества (чч. 2 и 3 ст. 218 УК).

В случае принятия должностным лицом незаконного решения о сносе либо повреждении культурной ценности содеянное образует совокупность анализируемого преступления и соответствующего деяния против интересов службы. При этом изучение юридических изданий свидетельствует о распространяющейся практике переноса недвижимых памятников архитектуры за пределы исторического центра населенного пункта «в крайних случаях, продиктованных общественными интересами»³. Именно такая формулировка содержится в Концепции сохранения и эффективного использования объектов культурного наследия, расположенных на территории Нижнего Новгорода, в редакции постановления Правительства Нижегородской области от 29.11.2006 г. № 395⁴.

По мнению А.Н. Панфилова, такие действия являются повреждением либо уничтожением культурной ценности⁵. Данная позиция заслуживает внимания, поскольку любой недвижимый исторический объект следует рассматривать в тесной взаимосвязи с окружающей его архитектурной застройкой, ландшафтом и т.д. Очевидно, что изъятие такого объекта из

¹ См.: Архив суда Дрогичинского района Брестской области за 2002 г. Уголовное дело № 02012090048.

² См.: Архив суда Борисовского района Минской области за 1995 г. Дело № 1/9795.

³ Панфилов, А.Н. Перемещение объекта культурного наследия: сохранение или уничтожение? // Журн. рос. права. 2010. № 11. С. 91.

⁴ См.: Правительство Нижегородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.governmentnnov.ru>>. Дата доступа: 20.04.2011.

⁵ Панфилов, А.Н. Указ. соч. С. 91.

его «естественной среды» существенно снижает его культурную значимость. При этом перемещение недвижимой культурной ценности неизбежно влечет повреждение ее конструктивных элементов, что само по себе уголовно наказуемо.

Стоит отметить возможность вынужденного перемещения объекта (например, в целях сохранения от природной стихии), однако такие случаи должны быть четко указаны в законодательстве. В этой связи Закон «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны» более четко определяет случаи перемещения объекта, к которым относит невозможность его сохранения на своем месте.

Несмотря на нарушения при переносе недвижимых ценностей в ряде субъектов Российской Федерации, привлечь лицо к уголовной ответственности затруднительно ввиду того, что указанные действия являются административным правонарушением (ст. 6.1 Закона от 29.07.2009 г. «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области»)¹. В случае выявления аналогичных деликтов на территории Республики Беларусь принятие должностным лицом решения о переносе недвижимой историко-культурной ценности с нарушением законодательства повлечет ответственность по ст. 344 УК.

В целом активное вовлечение недвижимых культурных ценностей в хозяйственно-экономический оборот является социальным и правовым фактором, влияющим на оценку опасности посягательств на такие объекты.

С субъективной стороны анализируемое преступление характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. Лицо сознает общественную опасность действий, направленных на уничтожение либо повреждение историко-культурной ценности или материального объекта, которому может быть присвоен статус историко-культурной ценности, предвидит общественно опасные последствия и желает их наступления, либо не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий, либо относится к ним безразлично².

Для фиксации умысла необходимо осознание виновным не только разрушающего характера собственных действий, но и того обстоятельства, что разрушающему воздействию подвергаются именно историко-культурные ценности или материальные объекты, которые могут быть признаны ценностями в установленном законодательством порядке. В противном случае ответственность может наступать только за преступления против собственности³.

¹ См.: Энгельсский муниципальный район Саратовской области [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: <<http://www.engels-city.ru/4008-zkdn>>. Дата доступа: 20.04.2011.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 923.

³ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 645.

Мотивы данного преступления разнообразны: корысть (срыв с памятника ценных элементов и продажа их на ценной металл); зависть (желание уничтожить (повредить) ценность, принадлежащую другому лицу); месть и др.

Как показывает анализ правоприменительной практики, основной мотив совершения преступлений – корыстный (для последующей продажи этого имущества). Как правило, в момент совершения преступления лицо планирует продать похищаемое имущество.

Однако встречаются исключения. Например, С. при допросе показал, что изъятый им кусок алюминия с памятника истории и культуры намеревался использовать для покрытия крыши одной из построек на земельном участке¹.

В ряде случаев похитители не рассчитывают получить большие деньги за украденное. В одном из таких случаев обвиняемые намеревались помимо незначительной суммы денег получить 2 литра самогона или спирта.

На мотивацию преступного поведения оказывают влияние следующие факторы: недостаточная общая и правовая культура, недостатки досуга, воспитания и обучения. При этом бесхозяйственность (в отношении имущества) предопределяет формирование корыстной мотивации преступлений против материальных объектов².

Квалифицированный состав анализируемого преступления образуют преступные деяния, совершенные повторно, либо группой лиц, либо в отношении особо ценных материальных историко-культурных ценностей или особо ценных материальных объектов, либо повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере. Повторностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК. Применительно к ч. 2 ст. 344 УК речь идет о тождественной повторности. Совершение преступления группой лиц означает, что хотя бы два лица соучаствовали в качестве его исполнителей.

Под *особо ценными материальными историко-культурными ценностями* понимаются объекты, которым присвоены категории «0», «1» и «2». Отличительные достоинства таких объектов должны соответствовать хотя бы одному из критериев для признания их историко-культурными ценностями.

¹ См.: Архив суда Борисовского района Минской области за 2005 г. Дело № 1-517/05.

² См.: Лунеев, В.В. Мотивация преступного поведения / предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1991. С. 160, 298; Саркисова, Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск: Наука и техника, 1979. С. 131–132.

Особо ценные материальные объекты представляют собой предметы материального мира, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности категорий «0», «1» и «2».

Особо крупным размером признается размер ущерба, в 1000 раз и более превышающий размер базовой величины на день совершения преступления.

Анализируемая норма относится к категории тяжких преступлений и является специальной по отношению к умышленному уничтожению либо повреждению имущества (ст. 218 УК).

Вместе с тем, изучение ряда признаков указанных статей показывает, что в некоторых ситуациях уголовный закон эффективнее защищает обычное имущество, чем объекты культурного достояния. Так, в случае причинения ущерба в особо крупном размере обычному имуществу санкция ч. 3 ст. 218 УК предусматривает базальтернативное лишение свободы на срок от 7 до 12 лет. Однако аналогичные действия в отношении историко-культурной ценности влекут ограничение свободы до 5 лет или лишение свободы на срок от 3 до 12 лет.

Следует отметить, что подход к дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления ряда зарубежных государств несколько различается. Например, в УК Российской Федерации более суровая ответственность за уничтожение или повреждение обычного имущества установлена только в том случае, когда преступление повлекло по неосторожности смерть человека. Уголовный кодекс Латвийской Республики за умышленное уничтожение культурных ценностей предусматривает лишение свободы до 17 лет. В этой связи представляется резонным замечание А.Э. Жалинского о том, что отсутствие разумной дифференциации санкций влечет выбор лицом наиболее общественно опасного варианта преступного поведения¹.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 344 УК, согласно данным правоприменительной практики, является наиболее распространенным деянием, непосредственно посягающим на историко-культурные ценности.

Изучение уголовных дел показало, что основным обстоятельством, способствующим совершению преступлений, является отсутствие контроля за сохранностью культурных ценностей со стороны ответственных органов. Обращает также на себя внимание и различный подход законодателя к оценке наказуемости уничтожения и повреждения культурных ценностей по сравнению с обычным имуществом. На наш взгляд, это свидетельствует о недооценке характера вреда, причиняемого культурным ценностям, состоящего помимо физической утраты объекта в ущербе нравственности и аутентичности.

¹ Жалинский, А.Э. Указ. соч. С. 192.

2.3.2. Уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности (ст. 345 УК)

Статья 345 УК предусматривает ответственность за уничтожение, повреждение либо утрату историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности.

Предметом преступления являются историко-культурные ценности и материальные объекты, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности.

Состав преступления – материальный с несколькими альтернативными деяниями. Объективная сторона включает в себя: 1) деяние, выраженное в уничтожении, повреждении ценностей, а равно их утрате вследствие небрежного хранения; 2) последствия, составляющие причинение ущерба в крупном размере; 3) причинную связь между деянием и последствиями.

Содержание понятий уничтожение и повреждение было раскрыто при анализе объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 344 УК. Стоит лишь упомянуть, что объектам культурного наследия может по неосторожности причиняться вред при производстве на них работ, перевозке, передаче в пользование и т.д.

Однако в отличие от упомянутого деяния состав неосторожного уничтожения либо повреждения объектов культурного наследия дополнен таким признаком, как утрата историко-культурных ценностей.

Уголовный закон не дает определение данного термина. В правовой доктрине применительно к анализируемому преступлению под утратой предлагается понимать прекращение обладания историко-культурными ценностями или материальными объектами, которым может быть присвоен статус указанных ценностей; лишение таких объектов; исчезновение с отсутствием информации о их местонахождении и судьбе¹. На наш взгляд, неосторожная утрата ценностей вследствие ненадлежащего их хранения означает, прежде всего, необеспечение необходимых условий сохранности ценных качеств объекта (температурный режим, влажность и т.д.).

¹ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь: с учетом изм. и доп. по состоянию на 23 февр. 2010 г. / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. / Гос. ин-т упр. и соц. технологий, Белорус. гос. ун-т. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 807.

Обязательным элементом объективной стороны рассматриваемого состава преступления является наличие крупного размера ущерба, в 250 раз и более превышающего размер базовой величины на день совершения преступления. Причинение вреда в меньшем размере влечет административную ответственность по ст. 19.4 КоАП.

Субъект преступления общий – физическое лицо, достигшее 16 лет на момент совершения преступления. Применительно к утрате ценностей субъект специальный, т.е. лицо, на которое возложена обязанность по обеспечению сохранности культурного объекта (по договору, должности и др.). При этом к уголовной ответственности по данной статье привлекаются не только лица, деяниями которых непосредственно причинен ущерб, но и те, которые, будучи ответственными за сохранность историко-культурных ценностей либо за соблюдение порядка проведения определенных работ на указанных объектах, допустили нарушения установленного порядка¹.

Например, в декабре 2002 г. в Замке Радзивиллов (г. Несвиж) произошел пожар вследствие халатности рабочих, прогревавших отопительную систему замка паяльной лампой. В результате пострадало юго-восточное крыло замка, прогорела крыша и чердачное помещение центрального фасада, были повреждены залитые водой во время тушения пожара паркетные полы XVII—XVIII вв., пострадала потолочные фрески в бильярдном зале, а также единственная оставшаяся под сводами замка картина XVIII в.² Вместе с тем, уголовное дело по данному эпизоду было возбуждено по ст. 304 УК «Нарушение правил пожарной безопасности»³ (несмотря на то, что в совершенном деянии усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 345 УК).

В случае, когда преступление совершено должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, содеянное квалифицируется и по соответствующей норме гл. 35 УК.

Однако анализ правоприменительной практики выявил неоднозначный подход к такой квалификации. Например, в 2002 г. в г. Полоцке был разрушен дом, являвшийся историко-культурной ценностью. В 2007 г. предварительное расследование по делу было прекращено за отсутствием состава преступления. В ходе следствия было установлено, что в 1998 г. владельцу дома было вручено охранное обязательство, предусматривающее содержание объекта в хорошем состоянии и принятие мер по сохранению его ценных свойств. В 2002 г. новый владелец, не зная об охранным обязательстве, обратился в горисполком с просьбой о списании и сносе здания, указывая на его аварийное состояние. Исполком принял решение

¹ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 646–647.

² Зайцев, А. Замок Радзивиллов сожгли паяльной лампой // TUT.BY [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tut.by/20474.html>. Дата доступа: 26.10.2008.

³ Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия. С. 180.

о списании здания. В постановлении о прекращении предварительного расследования отмечено отсутствие состава служебной халатности (ст. 428 УК), поскольку стоимость снесенного дома по состоянию на 01.02.2002 не образует особо крупный размер ущерба¹.

Вместе с тем, в практике имеются и иные подходы к квалификации.

Например, в 2002 г. с памятника мемориального комплекса «Рыленки» Дубровенского района были похищены буквы, изготовленные из цветного металла. Органы внутренних дел отказали в возбуждении уголовного дела, так как ущерб не достиг 10-кратного размера минимальной заработной платы. Однако прокурор отменил постановление об отказе в возбуждении дела, поскольку был поврежден комплекс, находящийся под охраной государства. В итоге было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 344 УК².

Таким образом, очевидна необходимость единого подхода к квалификации действий лица, повлекших уничтожение или повреждение историко-культурных ценностей.

По нашему мнению, при квалификации сноса здания в г. Полоцке правоохранительные органы не приняли во внимание иные, не менее существенные обстоятельства дела и признаки, указанные в уголовном законе. Так, для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 428 УК следовало руководствоваться не только размером причиненного ущерба. Объективная сторона данного преступления в качестве последствий (на момент совершения рассматриваемого деяния) предусматривала не только причинение ущерба в особо крупном размере, но также причинение *существенного вреда* правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, что не было принято во внимание органом предварительного расследования. Существенный вред, по мнению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, может выражаться в том числе и в нарушении конституционных прав и свобод граждан³. Аналогичный подход отмечается также в российской юридической науке⁴.

Полагаем, что при оценке причиненного существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам сохранения культурных ценностей для

¹ Архив прокуратуры г. Полоцка Витебской области за 2007 г. Уголовное дело № 06028110140.

² Архив суда Дубровенского района Витебской области за 2002 г. Дело № 1-16/02.

³ О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК): постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г., № 12 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

⁴ Служебные преступления: коммент. законодательства и судеб. практики. СПб.: Юрид. центр пресс, 2005. С. 106.

признания содеянного в качестве преступления следует ориентироваться на культурологические критерии оценки причиненного культурному достоянию вреда и опасности содеянного (физический объем, степень урона (утраты аутентичности), потеря исторической ценности). Стоимость культурной ценности как объективированного имущества должна приниматься во внимание с учетом способа посягательства в качестве дополнительного критерия при оценке опасности соответствующих деяний.

Действующая редакция ст. 428 УК не включает в себя существенный вред, а использует категорию «тяжкие последствия». Однако охватывает ли данная категория причинение вреда культурному достоянию неосторожными действиями?

Содержание понятия «тяжкие последствия» в УК не раскрывается. Ряд отечественных ученых в качестве таких последствий рассматривают имущественный ущерб в особо крупном размере, аварии, катастрофы¹.

Советский ученый Б.В. Здравомыслов полагал, что вопрос о признании конкретного вреда тяжким является вопросом факта и «для более четкой квалификации содеянного было бы желательным выработать некоторые общие рекомендации относительно понимания этого признака»². Аналогичного мнения придерживались И.И. Горелик и Н.А. Беляев³.

При повреждении, разрушении материального объекта культурного достояния непосредственный вред причиняется отношениям, обеспечивающим его сохранность, и общественной нравственности, которые не имеют стоимости.

В целом актуален вопрос уголовно-правовой оценки действий должностных лиц, ответственных за обеспечение сохранности объектов культурного достояния, однако не принимающих должных мер для этого в случае, когда такое бездействие либо халатность находятся в непосредственной причинной связи с полной либо частичной утратой культурной ценности. Этот вопрос неоднократно становился предметом прокурорских проверок⁴. Однако при установлении халатности виновные долж-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 1062.

² Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления: понятие и квалификации. М.: Юрид. лит., 1975. С. 75.

³ См.: Беляев, Н.А. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны социалистических общественных отношений // Изв. вузов. Правоведение. 1977. № 5 С. 90; Горелик, И.И. Конституция БССР и совершенствование уголовного законодательства. С. 42–46.

⁴ См.: Укрепляется взаимодействие Генеральной прокуратуры Республики Беларусь с Министерством культуры Республики Беларусь в сфере обеспечения соблюдения законодательства об охране историко-культурного наследия [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Режим доступа: <<http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=13753#doc>>. Дата доступа: 15.05.2011.

ностные лица привлекаются к дисциплинарной либо административной ответственности, поскольку для возбуждения уголовного дела отсутствуют необходимый размер ущерба.

Следует отметить, что законодатель некоторых зарубежных государств разрешает данную проблему, выделяя самостоятельный состав преступления, предусматривающий ответственность должностного лица за деяния, повлекшие снос или ухудшение зданий, являющихся культурными ценностями (такой подход закреплен в Уголовном кодексе Испании). На наш взгляд, действующий УК позволяет квалифицировать такие действия как служебную халатность по признаку тяжких последствий с одновременной совокупностью по ст. 345 УК.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется неосторожной виной в виде легкомыслия или небрежности. Лицо предвидит наступление общественно опасных последствий своего деяния, но без достаточных оснований рассчитывает на их предотвращение либо не предвидит возможности наступления таких последствий, но при необходимой внимательности должно было и могло их предвидеть.

Квалифицирующие признаки рассматриваемой нормы образуют те же деяния, совершенные по отношению к особо ценным историко-культурным ценностям либо повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере.

Таким образом, закрепление в УК нормы об ответственности за неосторожное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей стало прогрессивным шагом. Однако обращает на себя внимание отсутствие данных о практике применения ст. 345 УК, что обусловлено необходимостью установления ущерба в крупном размере для возбуждения уголовного дела, а также некоторыми недостатками в квалификации со стороны правоохранительных органов. При оценке ущерба, причиненного культурной ценности, они руководствуются исключительно стоимостью поврежденного либо уничтоженного объекта без учета его значимости для культурного достояния.

2.4. Надругательство над историко-культурными ценностями (ст. 346 УК)

Родовым объектом надругательства являются общественный порядок и общественная нравственность, **непосредственным объектом** – общественная нравственность и культурное достояние. Предметом надругательства являются историко-культурные ценности и памятники защитникам Отечества.

Категория историко-культурных ценностей влияет на квалификацию преступления. Так, материальные историко-культурные ценности категории «3» охраняются ч. 1 анализируемой статьи. Согласно ч. 2 примечания к гл. 30 УК, ценности остальных категорий подлежат особой защите уголовным законом ввиду их особой ценности. Поэтому особо ценные материальные историко-культурные ценности (категории «0», «1» и «2») являются предметом надругательства по ч. 2 ст. 346 УК.

Как уже отмечалось, вопрос об отнесении нематериального наследия к анализируемому предмету преступления является спорным. Однако полагаем, что нематериальные ценности могут являться предметом надругательства. Во-первых, необходимо учитывать международный опыт. Правовая защита подобных объектов является направлением деятельности ЮНЕСКО (например, сохранение языкового разнообразия в африканских государствах)¹. Кроме того, в 2004 г. Беларусь присоединилась к Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия»². Во-вторых, обряды и другие проявления нематериального наследия могут непростой интерпретироваться.

В российской доктрине высказано мнение о том, что категория «культурные ценности» не включает духовные ценности, поскольку их правовая охрана обеспечивается авторским правом³. Следует не согласиться с данной точкой зрения, поскольку не у всех нематериальных ценностей может быть установлен автор (например, у произведений фольклора). При этом произведения народного творчества, авторы которых неизвестны, не являются объектами авторского права⁴. Аналогичный подход отмечался в советской юридической науке⁵.

Вместе с тем, возникает вопрос о круге посягательств на историко-культурные ценности, образующие состав преступного надругательства. Например, И.Л. Петрик отмечает, что злонамеренное искажение цифрового изображения, которое можно расценивать как поругание или унижение сущности и содержания культурного наследия, переведенного в

¹ См.: Endangered languages. Paris: UNESCO, 2006. 8 p. (The Intangible Heritage Messenger; № 4 (Spec. iss)).

² См.: Об утверждении Конвенции об охране нематериального культурного наследия: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 дек. 2004 г., № 627 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2005. № 2. 1/6117.

³ Герасимова, Е.В. Указ. соч. С. 20.

⁴ См.: Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 60. 2/1813.

⁵ Гарибян, А.М. Авторское право и фольклор // Совет. государство и право. 1989. № 12. С. 87.

цифровой формат путем преобразования существующих ресурсов на материальных носителях, необходимо квалифицировать именно по ст. 346 УК¹.

Разделяя данную точку зрения, полагаем, что надругательство над нематериальным наследием будет иметь место и в случаях распространения сведений, порочащих такие объекты (например, через СМИ), представление их в искаженном виде в телевизионных передачах и кинофильмах.

Памятниками защитникам Отечества являются скульптурные или архитектурные сооружения (мемориальные комплексы), воздвигнутые в память воинов, погибших во имя независимости своей родины, а равно сооруженные в честь военнослужащих, которые принимали участие в боевых операциях вне пределов территории Республики Беларусь в связи с выполнением интернационального долга и задания военного руководства страны.

Одни авторы указывают на то, что надругательство над памятниками защитникам Отечества будет признаваться преступлением независимо от того, отнесены они к историко-культурным ценностям или нет². Другие, напротив, полагают, что памятник защитникам Отечества должен быть признан историко-культурной ценностью³. В то же время законодательством не определен список памятников защитникам Отечества, что, в свою очередь, затрудняет процесс квалификации деяния против данных объектов.

И.Э. Мартыненко полагает, что воинские захоронения, состоящие на учете в Управлении по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил, должны быть включены в государственный список историко-культурных ценностей⁴. На наш взгляд, такая позиция заслуживает внимания, поскольку указанные объекты подлежат защите в силу своей нравственной составляющей, независимо от их официального статуса.

Объективная сторона надругательства над историко-культурными ценностями представлена совершением действий в форме надругательства, которое выражается в поругании, злонамеренном искажении сущности объекта культурного наследия.

К надругательству над историко-культурными ценностями следует относить также умышленные высказывания или опубликованные вульгарные, непристойные, циничные суждения, отрицающие или порочащие духовные ценности, не имеющие материального воплощения, но исторически, духовно или культурно значимые для той или иной социальной общности⁵.

¹ Петрик, И.Л. Уголовно-правовая охрана культурного наследия Республики Беларусь в условиях информатизации общества. С. 260.

² Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 647.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 926.

⁴ Мартыненко, И.Э. Уголовно-правовая охрана военно-исторического наследия Беларуси: проблемы совершенствования законодательства. С. 41.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 925.

Надругательство совершается путем осквернения непристойными надписями или рисунками, пачкания красками, мазутом, произнесения речей или совершения непристойных движений, намеренного искажения фактов с целью принижения или отрицания исторической роли памятников культуры¹. Вместе с тем, пристойная по форме, хотя и негативная оценка исторической или художественной ценности предметов, которая не преследует цель унижить нравственность и историческую память народа, не признается надругательством.

Таким образом, вред в результате совершения надругательства состоит не столько в последствиях, сколько в самом деянии.

Стоит отметить, что в судебной практике встречаются уголовные дела, в которых, на наш взгляд, в качестве надругательства квалифицированы действия, не образующие состава преступления.

Например, Щ. был осужден за то, что 23.06.2001 г. в дневное время, будучи в состоянии алкогольного опьянения, с территории мемориального комплекса «Буйничское поле» похитил 15 букетов цветов на общую сумму 37 900 руб (27 дол. США). Обвиняемый пояснил, что взял букеты цветов для того, чтобы подарить знакомой девушке².

Анализируя обстоятельства дела, следует отметить, что букеты цветов не являются конструктивной составляющей мемориального комплекса. Лицо завладело цветами, от которых иные граждане, согласно гражданскому законодательству, отказались. Данное дело не единично в судебной практике³.

На наш взгляд, описанная ситуация не может расцениваться как состав преступления, поскольку у лица отсутствует мотив надругательства, а изымаемые им предметы находятся на захоронении. В целом такие действия должны оставаться вне рамок УК ввиду отсутствия степени общественной опасности, необходимой для соответствующей ответственности.

Противоправное деяние будет признаваться надругательством над историко-культурными ценностями при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 344 УК (умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности).

Состав преступления является формальным – преступление признается оконченным с момента осквернения историко-культурной ценности.

¹ См.: Архив Минского РУВД Минской области за 2008 г. Дело № 8016141156; Архив Минского РУВД Минской области за 2008 г. Дело № 8016141685; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 647.

² См.: Архив суда Могилевского района Могилевской области за 2001 г. Дело № 1-22/01.

³ См.: Архив суда Могилевского района Могилевской области за 2001 г. Дело № 1-37/01.

Субъект данного преступления общий, т.е. физическое лицо, достигшее 16 лет. *Субъективная сторона* преступления характеризуется умышленной виной в форме прямого умысла, т.е. лицо сознает общественную опасность своих действий и желает проявить неуважение к общественной нравственности.

Интеллектуальный момент умысла в обязательном порядке включает в себя осознание того, что деяние совершается в отношении историко-культурных ценностей. При его отсутствии возможно привлечение виновного к ответственности за осквернение сооружений или порчу имущества (ст. 341 УК).

В то же время следует учитывать особенности внутреннего отношения лица к совершенному посягательству на материальные и нематериальные историко-культурные ценности. На материальные историко-культурные ценности Республики Беларусь наносятся охранные доски, что информирует правонарушителя о статусе объекта.

Иначе обстоит вопрос с духовными ценностями, не имеющими материального выражения. На настоящий момент их перечень окончательно не сформирован и лицо не всегда может сознавать, что совершает преступление в отношении объекта культурного наследия.

Деяние, указанное в ст. 346 УК, следует отличать от надругательства над трупом и могилой, ответственность за которое установлена ст. 347 УК. Несмотря на общий признак «надругательство», его содержание несколько различается в данных составах преступлений. Надругательство по ст. 346 УК выражается в действиях, не влекущих материальное изменение объекта. Надругательство по ст. 347 УК, напротив, включает повреждение или уничтожение объекта.

Например, как надругательство над могилой защитников Отечества были квалифицированы действия граждан Х. и С., похитивших три мемориальные плиты с братской могилы советским воинам. Указанные лица сорвали плиты с надмогильных постаментов и, разломав их, совершили надругательство¹.

Таким образом, наличие уголовной ответственности за надругательство над историко-культурными ценностями свидетельствует о стремлении законодателя защищать культурное наследие не только от посягательств, нарушающих его физическую целостность, но и от деяний, наносящих ущерб нравственному восприятию, принижающих его особые духовные свойства. Кроме того, исходя из специфики нематериальных историко-культурных ценностей, такие объекты, на наш взгляд, могут являться предметом надругательства.

¹ См.: Архив суда Дрогичинского района Брестской области за 2002 г. Уголовное дело № 02012090048.

Анализ системно-правовой характеристики квалификации преступных посягательств на культурные ценности позволяет сделать следующие выводы:

1. Одной из форм реализации международных обязательств Республики Беларусь в сфере охраны культурного достояния явилось закрепление уголовной ответственности за уничтожение (повреждение), хищение культурных ценностей, а равно надругательство над такими объектами в случае вооруженного конфликта. Однако имплементируя в УК нормы международного права, законодатель указал в качестве обязательного признак хищения культурных ценностей в крупных масштабах, несмотря на отсутствие его легального толкования в уголовном законе и неприменимость к оценке вреда, причиненного культурным ценностям. Исходя из того, что при определении ущерба объектам культурного достояния не следует руководствоваться исключительно стоимостным либо количественным критерием, такой признак следует исключить из п. 8 ст. 136 УК.

2. Исключительно стоимостной подход уголовно-правовой оценки содеянного присущ также составу противоправного присвоения клада, содержащего культурные ценности. Установив в качестве элемента объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 215 УК, особо крупный размер содержимого клада, законодатель не учел, что присвоение клада, состоящего из культурных ценностей, непосредственно посягает на культурное достояние и контролируемое обладание им, а не на отношения собственности и, следовательно, стоимость незаконно присваиваемого имущества не должна иметь решающее значение для целей уголовного преследования. Предлагаем устранить данный недостаток, установив уголовную ответственность за присвоение клада, состоящего из культурных ценностей, независимо от их стоимости. В целях комплексного решения проблемы нелегального кладоискательства необходимо дополнить УК нормой об ответственности за незаконное проведение археологических раскопок.

3. Невозвращение культурных ценностей на территорию Республики Беларусь надлежит рассматривать как преступление против культурного достояния, а не как посягательство на установленный государством порядок осуществления экономической деятельности. В этой связи предлагаем исключить ст. 230 из гл. 25 УК, разместив ее в отдельной главе уголовного закона, систематизирующей деяния против объектов культурного достояния. При этом следует расширить предмет посягательства, признав преступным невозвращение не только историко-культурных, но и всех видов культурных ценностей.

ГЛАВА 3

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

3.1. Проблемы квалификации преступных посягательств на культурные ценности

3.1.1. Хищение культурных ценностей как посягательство на охраняемые отношения оборота и сохранения объектов культурного достояния

В УК не предусмотрена отдельная норма об ответственности за хищение культурных ценностей. Эти действия на практике образуют соответствующий состав гл. 24 УК: кража, грабеж, разбой, вымогательство, мошенничество, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, присвоение или растрата, хищение путем использования компьютерной техники.

Полагаем, что такой подход законодателя нуждается в корректировке, поскольку хищение культурных ценностей по своей объектной направленности отличается от посягательств против собственности. Кроме того, отсутствие специальной нормы за противоправное завладение указанными предметами осложняет анализ и учет правоприменительной практики данной категории дел и, как следствие, выработку единых подходов квалификации, оценки ущерба.

Законодательно определено, что родовым объектом хищения культурных ценностей являются отношения собственности.

Объективная сторона хищения (за исключением разбоя и вымогательства) имеет материальную конструкцию, т.е. хищение признается

оконченным, если имущество изъято и лицо имеет реальную возможность распоряжаться им по своему усмотрению или пользоваться им. Обязательным элементом состава хищения имущества по гл. 24 УК является размер ущерба, причиненного хищением. При этом хищение имущества юридического лица в сумме до 10 базовых величин или хищение имущества физического лица в сумме до 2 базовых величин влечет не уголовную, а административную ответственность (ч. 4 примечания к гл. 24 УК). Признаком хищения культурных ценностей является безвозмездность их изъятия, т.е. обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц без возмещения собственнику стоимости похищенного (определенной суммы денег, иного равнозначного имущества или трудовых затрат).

По общему правилу предметом хищения является чужое имущество или право на него. Однако в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда лицо похищает фактически свое имущество.

Например, Ш., взял в долг у В. деньги и передал ей в качестве обеспечения их возврата икону. Эта икона была похищена им ранее, о чем В. известно не было. Поскольку Ш. не имел возможности вернуть долг, он, желая вернуть икону, насильно завладел данной культурной ценностью. Квалифицируя содеянное как хищение, суд указал, что до возврата долга осужденным икона должна была находиться у потерпевшей и на этом основании не переставала быть для Ш. чужим имуществом¹.

Субъективная сторона хищения культурных ценностей характеризуется прямым умыслом. Обязательным признаком хищения является корыстная цель, т.е. стремление извлечь из совершенного преступления для себя, своих близких или третьих лиц выгоду имущественного характера либо намерение избавить себя или близких (либо третьих лиц) от материальных затрат.

Изучение правоприменительной практики выявило неоднозначный подход к определению состава хищения культурных ценностей в зависимости от последующего распоряжения похищенным имуществом.

Например, Т. и К. похитили медный крест, являющийся культурной ценностью, который затем сдали на металлолом. Тем не менее, суд исключил из квалификации состав хищения культурных ценностей, указав, что действия обвиняемых образуют простое хищение. По мнению суда, осознание Т. и К. особой ценности похищенного креста побудило бы их распорядиться ценностью иным путем (продать коллекционерам, ценителям искусства и т.д.)².

¹ Хиллута, В.В. Указ. соч. С. 152.

² Довгий, Д. Хищения предметов, имеющих особую ценность // Законность. 2007. № 5. С. 44.

В науке уголовного права было высказано мнение о том, что цель посяательства определяет его предмет и объект¹. Не оспаривая данную позицию в целом, отметим, что при совершении деяний против культурного достояния вред причиняется общественным отношениям, обеспечивающим сохранность таких предметов и контролируемое обладание ими, независимо от намерений виновного в последующем распорядиться изымаемым или повреждаемым объектом, а равно от осознания лицом особых свойств культурных ценностей.

Субъектом хищения в форме кражи, грабежа, разбоя и вымогательства является лицо, достигшее 14-летнего возраста к моменту совершения преступления. Ответственность за хищение культурных ценностей путем мошенничества, присвоения, растраты, злоупотребления служебными полномочиями или использования компьютерной техники наступает с 16-летнего возраста. Присвоение, растрата, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями совершаются только специальными субъектами.

Вместе с тем, анализ признаков хищения культурных ценностей не позволяет в полной мере отнести преступное завладение данными предметами к хищению имущества в рамках гл. 24 УК. Хищение культурных ценностей не только причиняет ущерб отношениям собственности и лишает законного владельца права обладания этой ценностью, но и (и это немаловажно в данном случае) нарушает режим контролируемого обладания, учета и сохранения этих объектов. В данной связи вызывает возражение позиция некоторых ученых о том, что вред от хищения культурных ценностей состоит исключительно в невозможной утрате права собственности на такие предметы².

Приведенный выше пример с медным крестом наглядно это подтверждает. Поэтому рассмотрение хищения культурных ценностей в рамках традиционного понимания хищения имущества означает неадекватную оценку уникальности предмета хищения. Исходя из особенностей объекта, предмета, объективной и субъективной стороны такие действия должны квалифицироваться по самостоятельной норме, расположенной в иной главе УК.

Особенности культурных ценностей придают преступному завладению ими качественно иную объектную направленность, чем у преступлений против собственности. В юридической литературе отмечается, что хищение культурных ценностей посягает не только на отношения собственности, но еще и на комплекс отношений, затрагивающих куль-

¹ Петин, И.А. Цель как структурный элемент выявления предмета и объекта преступления // Рос. следователь. 2011. № 5. С. 10–13.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и особенная части. С. 438.

турное достояние¹. В принципе это положение является правильным, но в то же время оно не определяет сущностную особенность охраны культурных ценностей (в отличие от похищения имущества как предмета объективного и субъективного права собственности).

В объективном смысле хищение культурных ценностей не только посягает на интересы собственника или законного владения (обладания) этими ценностями, но и лишает общество контроля над обеспечением их сохранения и приумножения. В этой связи нельзя согласиться с теми правоведами, которые полагают, что объект хищения культурных ценностей полностью соответствует объекту любого хищения. По их мнению, указанные предметы и документы представляют собой имущество, так как художественная или культурная ценность всегда имеет денежное выражение и весьма высокую стоимость².

Полагаем, что рассматривать непосредственный объект хищения культурных ценностей следует образом схожим, применимым в науке к анализу хищения: 1) огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 294 УК); 2) радиоактивных материалов (ст. 323 УК); 3) наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (ст. 327 УК).

К примеру, родовым объектом хищения оружия становится не собственность, а общественная безопасность. Собственность является непосредственным дополнительным объектом посягательства³. Аналогичный подход применяется при определении объекта хищения радиоактивных материалов и наркотиков. В частности, отмечается, что основным непосредственным объектом такого хищения является здоровье населения⁴.

На наш взгляд, рациональность выделения в отдельный состав хищения некоторых категорий имущества обусловлена непосредственным объектом преступления. Аналогичное мнение высказано и в правовой доктрине⁵.

Хищение культурных ценностей отличается от хищения иного имущества, исходя из особенностей предмета преступления. Культурные ценности отличаются от имущества, охраняемого гл. 24 УК, ограниченностью в гражданском обороте и назначением предмета преступления.

¹ См.: Гайдашов, А.В. Указ. соч. С. 20; Сабитов, Т.Р. Указ. соч. С. 82; Севрюков, А.П. Указ. соч. С. 168.

² См.: Богданчиков, С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности. С. 23; Гаухман, Л.Д., Максимов, С.В. Указ. соч. С. 109–110.

³ Севрюков, А.П. Указ. соч. С. 65.

⁴ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. С. 710, 715.

⁵ Хуля, В. Объект преступления и его влияние на квалификацию хищения, совершенного путем кражи // Закон и жизнь. 2009. № 1. С. 56.

В отношении культурных ценностей может быть установлен особый режим их гражданского оборота. Так, законодательством предусмотрен особый порядок временного вывоза за границу движимых материальных историко-культурных ценностей, а также порядок вывоза движимых материальных объектов, которые не являются историко-культурными ценностями, но обладают отличительными духовными или художественными достоинствами.

Ограниченность в гражданском обороте предопределяет особую уголовно-правовую охрану объекта. Например, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, а также наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров выделено в отдельные составы, расположенные соответственно в гл. 27 (преступления против общественной безопасности) и 29 (преступления против здоровья населения) УК.

По мнению А.И. Бойцова, причиной этого является их ограниченность в гражданском обороте, «ибо сущность такого посягательства заключается не столько в нанесении имущественного ущерба собственнику, сколько в создании угрозы общественной безопасности, здоровью населения»¹. Выделяя хищение огнестрельного оружия и боеприпасов в отдельный состав преступления, законодатель исходил из характера предмета преступления, посчитав общественную безопасность более важным объектом по сравнению с собственностью². Хищение наркотиков также причиняет вред общественной безопасности и здоровью населения, а не отношениям собственности³. Иными словами, хищение указанных предметов образует специальный вид хищения, не являющийся имущественным посягательством.

Полагаем, что преступные посягательства на культурные ценности связаны преимущественно с их аутентичностью и необходимостью обеспечения режима контролируемого их использования, учета и сбережения. Это и есть нравственная сторона и особенность объекта посягательства, когда речь идет о незаконном безвозмездном их изъятии у истинных владельцев (предполагаемых и действительных собственников). Данные посягательства наносят вред именно общественной нравственности, поскольку каждый гражданин обладает конституцион-

¹ Бойцов, А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 188.

² Безверхов, А.Г., Розенцвайг, А.И. Некоторые вопросы уголовного-правового противодействия преступлениям против собственности // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы II совмест. рос.-герм. круглого стола, 7 окт. 2010 г. / редкол.: А.И. Рарог (отв. ред.), Г.А. Есаков (отв. ред. М., 2011. С. 4.

³ См.: Анисимов, Л.Н. Наркотики: правовой режим. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 127; Богданчиков, С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. С. 210.

ным правом на участие в культурной жизни, которое обеспечивается общедоступностью культурных ценностей¹, их сбережением.

Таким образом, особый правовой статус культурных ценностей позволяет рассматривать их хищение как преступное посягательство на объекты, особо охраняемые государством (т.е. не как объект чей-то собственности, а как составную часть культурного достояния).

Отдельно следует отметить хищение такого вида культурных ценностей, как историко-культурных ценностей или культурных ценностей, представленных в установленном порядке для присвоения им статуса историко-культурной ценности. К данным объектам законодатель относит те ценности, которые свидетельствуют о наиболее отличительных свидетельствах исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси.

Представляется, что в силу высокого духовно-нравственного значения этого вида культурных ценностей для белорусского народа их хищение должно образовывать квалифицированный состав хищения культурных ценностей.

Анализ объективной стороны хищения культурных ценностей не позволяет относить их хищение к преступлениям против собственности, исходя из следующих оснований.

Нельзя оценить вред, причиненный культурному достоянию в результате хищения культурных ценностей, только через стоимостной эквивалент. Как справедливо отмечает И.Э. Мартыненко, при причинении вреда нецелесообразно руководствоваться балансовой стоимостью объекта, поскольку преступлением причиняется невосполнимый вред культурному достоянию Беларуси².

В этой связи мы не разделяем позицию, высказанную еще в советской юридической науке о том, что особая ценность культурного объекта выражается в его высокой стоимости, а предметы, не имеющие денежной оценки, не могут быть предметами хищения³.

На наш взгляд положения ч. 4 примечания к гл. 24 УК не могут быть применимы к хищению культурных ценностей. Как и в случае с хищением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, подобное хищение не всегда связано с посягательством на собственность. При квалификации

¹ См.: Ст. 51 Конституции Республики Беларусь 1994 г.

² Мартыненко, И.Э. Законодательство об охране историко-культурного наследия и прокурорский надзор за его исполнением. С. 46.

³ См.: Борзенков, Г.Н. Новое в уголовном законодательстве о преступлениях против собственности // Законность. 1995. № 2. С. 12; Михальцевич, В.А., Сабитов, Р.А. Конституция СССР об охране культурных ценностей и уголовная ответственность за их хищение // Социально-экономические аспекты борьбы с правонарушениями: сб. науч. тр. / редкол.: В.С. Букина [и др.]. Омск, 1980. С. 67–77.

подобных действий по статьям о преступлениях против собственности едва ли можно говорить даже о мелком хищении, так как экономическая ценность оружия или взрывчатых веществ, как правило, невелика, а их боевые свойства (тем самым, и их опасность для общества) не всегда зависят от их размера и количества¹.

Например, гражданин Х. был осужден судом за хищение с целью сбыта 5 охотничьих патронов 12-го калибра, предназначенных для стрельбы из гладкоствольного охотничьего ружья, общей стоимостью 4800 руб (2 дол. США)². Другой гражданин З. был осужден за незаконное приобретение охотничьего патрона калибра 7,62 мм, который незаконно хранил у себя дома³.

Определение стоимости культурных ценностей является достаточно условным.

Например, в 2002 г. при хищении раритетных книг из Национальной библиотеки Беларуси для определения стоимости похищенного была назначена экспертиза. По ее результатам было выявлено, что в Российской Федерации стоимость аналогичного имущества на порядок выше⁴.

А.Ю. Филаненко относит к трудностям квалификации хищения имущества определение соотношения между особо крупным размером хищения и особой исторической и культурной ценностью предмета хищения⁵.

Вместе с тем, нельзя отказаться от категорий крупного и особо крупного размера ущерба, причиненного хищением, т.к. зачастую стоимость похищенного может достигать миллионов долларов США. В данном случае речь идет о нецелесообразности определения минимального размера похищаемых культурных ценностей. Однако неотъемлемым условием квалификации и расследования такой категории хищения

¹ См.: Тихий, В.П. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву / Харьк. ун-т. Харьков: Выща шк., 1976. С. 20; Юровский, Д.Ю. Кримінально-правова охорона громадської безпеки і громадського порядку // Радян. право. 1961. № 4. С. 64.

² Архив суда Берестовицкого района Гродненской области за 2007 г. Дело № 1-8/07.

³ Шнитенков, А.В. Проблемы применения нормы о малозначительном деянии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной науч.-практ. конф., Москва, 26-27 янв. 2012 г. М.: Проспект, 2012. С. 179.

⁴ Архив суда Ленинского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1 –721/03.

⁵ Филаненко, А.Ю. Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере ответственности за хищение чужого имущества // Право и государство: теория и практика. 2008. № 10. С. 108.

является проведение экспертизы по установлению художественной значимости культурной ценности и ее стоимости.

Например, в отношении С. было возбуждено уголовное дело по факту хищения им иконы «Святая Елена» XVII в. (150 x 200 мм) стоимостью 500 тыс. дол. США. Поступившее в суд дело было направлено на дополнительное предварительное расследование, поскольку во время следствия не была определена стоимость и культурологическая значимость похищенного предмета, а его цена была зафиксирована со слов потерпевшей¹.

В правоприменительной практике также встречаются случаи хищения культурных ценностей, повлекшие дополнительные затраты государства, связанные с устранением последствий такого хищения.

Так, директор исторического музея гр. Н. незаконно взяла для себя из числа неоприходованных картин портрет Б. Хмельницкого и сдала его в ломбард. Спустя некоторое время Н. вновь приобрела этот портрет в качестве необходимого экспоната для фонда музея. С этой целью она составила фиктивный акт на покупку портрета у гражданина О., указав в акте завышенную стоимость якобы купленного ею портрета. Тем самым, музей приобрел свою же картину, в результате чего ему был причинен имущественный ущерб².

В ряде случаев хищение культурных ценностей предшествует их последующему контрабандному вывозу³. В этой связи норма уголовного закона о хищении культурных ценностей может рассматриваться как норма с двойной превенцией, направленной на предупреждение преступлений, выступающих в качестве условий (предпосылок) для совершения других деяний⁴.

Как уже отмечалось, субъективная сторона хищения культурных ценностей характеризуется прямым умыслом. Преступник сознает не только то, что он похищает чужое имущество (предметы материального мира), но и то, что незаконно изымаемые им объекты являются составной частью культурного достояния. Отношение виновного лица к уничтоже-

¹ Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека: сборник / сост. Е.Н. Трикоз. М.: Городец, 2006. С. 713–714.

² Ненормальное положение с учетом и хранением драгоценностей // Коммерсантъ-Власть. 2008. № 45. С. 74–79.

³ Архив суда Ленинского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1 –721/03; Русанов, Г.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей : уголов.-правовые и криминал. вопр. С. 17.

⁴ Ображиев, К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич [и др.]. Минск, 2010. Вып. 3. С. 169.

нию или повреждению культурной ценности, наступивших в результате хищения, может быть как умышленным (например, извлекая полотно из рамки, преступник отрезает его края), так и неосторожным (например, при транспортировке или хранении похищенного не был соблюден необходимый температурный режим).

Похищая культурные ценности и преследуя корыстную цель, лицо не всегда может руководствоваться корыстным мотивом. В юридической науке считается, что данный мотив, будучи обязательным признаком хищений имущества, не является обязательным признаком хищения оружия¹.

На наш взгляд, схожим образом можно рассматривать такой мотив при хищении культурных ценностей. Нередко лицо может похищать такие предметы для последующей продажи, преследуя тем самым корыстные интересы. Например, общая стоимость похищенных книг из Национальной библиотеки Беларуси в 2002 г. составила 22 000 600 руб (12 000 дол. США). Реализовав их в России, виновные лица получили 16 000 дол. США².

Вместе с тем, преступное изъятие культурных ценностей может осуществляться также ради иных интересов (для пополнения собственной коллекции, по мотивам ревности, мести, восстановления справедливости)³.

С учетом изложенного хищение культурных ценностей должно образовывать самостоятельный состав преступления.

Подобная позиция высказывалась И.Э. Мартыненко. Он предлагает установить (в качестве самостоятельного состава преступления) уголовную ответственность за хищение предметов и документов, представляющих особую историческую, художественную, научную и иную культурную ценность, и разместить данную статью в гл. 24 УК⁴.

В целом разделяя этот подход, мы полагаем, что хищение культурных ценностей причиняет вред преимущественно отношениям в сфере культурного достояния и поэтому должно располагаться в гл. 30 УК (так как категория «культурное достояние» связана с категорией «общественная нравственность»).

В данной связи предлагаем дополнить гл. 30 УК статьей следующего содержания:

«Статья __. Хищение культурных ценностей

1. Хищение культурных ценностей – [...].

¹ Тихий, В.П. Указ. соч. С. 90; Третьяк, М. Цель хищений – не только корысть? // Уголов. право. 2009. № 4. С. 69.

² Архив суда Ленинского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1 –721/03.

³ Кочой, С.М. Квалификация хищений глазами практиков // Рос. юстиция. 1999. № 4. С. 26.

⁴ Мартыненко, И.Э. Историко-культурное наследие как объект правоохранительной деятельности. С. 25.

2. То же действие, совершенное:

1) группой лиц;

2) должностным лицом с использованием своих служебных полномочий либо лицом, которому указанные ценности вверены в связи с его служебным положением, профессиональной деятельностью или под охрану;

3) в отношении историко-культурных ценностей или культурных ценностей, представленных в установленном порядке для присвоения им статуса историко-культурной ценности;

4) в крупном размере;

5) с проникновением в жилище либо иное помещение, – [...].

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные путем разбоя или вымогательства, либо организованной группой, либо в особо крупном размере, [...].

Примечание. Под хищением понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение указанными предметами (правом на них) путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники, независимо от наличия или отсутствия корыстной цели».

Субъектом предлагаемого состава преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а не 14 лет, как это отмечается в науке¹. Основанием служит то, что «лишь достижение этого возраста соответствует уровню развития человека, при котором он способен в полной мере осознавать характер и особое значение названных предметов»². При совершении деяния лицом младше 16 лет содеянное будет образовывать общеуголовное посягательство против собственности, предусмотренное главой 24 УК.

Специальным субъектом хищения культурных ценностей следует считать должностное лицо, совершившее преступление с использованием своих служебных полномочий либо лицо, которому ценности вверены в связи с его служебным положением, профессиональной деятельностью или под охрану.

Вверенным является имущество, в отношении которого в силу трудовых или гражданско-правовых отношений, лицо наделено полномочием владения, пользования или распоряжения. При отсутствии таких полномочий хищение имущества лицом, имеющим доступ к нему в связи с порученной работой либо выполнением служебных обязанностей, не подлежит квалификации по данному признаку (например, хищение грузчиками организации).

Типичным примером является хищение культурных ценностей из Эрмитажа, совершенное хранителем фонда отдела истории русской куль-

¹ Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. С. 195.

² Медведев, Е.В. Указ. соч. С. 115; Сабитов, Т.Р. Указ. соч. С. 92.

туры 3. в соучастии со своим мужем. Преступные действия, начавшиеся в 1994 г., были выявлены только в 2006 г. В результате было преступно присвоено 226 экспонатов, из которых был возвращен только 31 предмет¹.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- исходя из особенностей объекта, предмета, объективной и субъективной стороны посягательства хищение культурных ценностей должно образовывать самостоятельный состав преступления;

- учитывая специфику культурных ценностей, их хищение причиняет вред преимущественно общественным отношениям в сфере сохранения культурного достояния, а не отношениям собственности, в силу чего данный состав преступления должен располагаться в иной главе УК – в гл. 30;

- незаконное изъятие и обращение в пользу виновного лица культурных ценностей должно образовывать состав хищения указанного имущества, независимо от стоимости похищенного, поскольку в результате таких действий общество и государство лишаются возможности контролируемого обладания ими, а следовательно, создается угроза их утраты, последствия которой не могут оцениваться стоимостным эквивалентом и квалифицироваться как преступление против собственности по правилам гл. 24 УК.

3.1.2. Проблемы уголовно-правовой оценки контрабанды культурных ценностей

Ограниченность применения ст. 228 УК в отношении контрабанды культурных ценностей во многом объясняется наличием такого признака объективной стороны, как размер незаконно перемещаемого предмета (свыше 2000 базовых величин). В доктрине контрабанда культурных ценностей отнесена к легально-латентным преступлениям, возникающим вследствие несовершенства законодательства либо особенностей возбуждения уголовного преследования, когда соответствующие посягательства не попадают в уголовную статистику на легитимных основаниях². В этой связи мы не разделяем позицию Г.А. Русанова, обосновывающего такую латентность особенностями механизма совершения контрабанды культурных ценностей, не позволяющего таможенным органам обнаружить предмет контрабанды³.

¹ Телехов, М. Пять лет за расхищение Эрмитажа // Рос. газ. 2007. 16 марта. С. 7.

² Хохряков, Г.В. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Юристъ, 1999. С. 401–403.

³ Русанов, Г.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей: уголов.-правовые и криминол. вопр. С. 80.

На наш взгляд, такая позиция законодателя не учитывает степень значимости культурных ценностей для отечественной и мировой культуры, т.е. их «историческую стоимость».

Например, в 1974 г. сотрудником Гродненской таможни была задержана гражданка М., у которой было изъято 20 изделий из золота и платины с бриллиантами и рубинами. Среди них находилась также золотая монета царского чекана 1825 г. и две золотые монеты государственного банка США чекана 1876 и 1908 гг. Ювелирные изделия, оцененные таможней в 50 154 руб. как предметы контрабанды, затем московскими экспертами были переоценены в 100 911 руб. как высоко художественные культурные ценности прошлых веков¹.

В этой связи некоторые ученые предлагают обратиться к подходу, применяемому в законодательстве Кыргызской Республики и Украины². Особенностью этого подхода является выделение в качестве квалифицирующего признака самого перемещения культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу (т.е. независимо от стоимости перемещаемого).

На первый взгляд, такой подход кажется обоснованным. Действительно, расположение культурных ценностей в одном ряду с наркотическими средствами, психотропными, радиоактивными, взрывчатыми веществами соответствует подходу, согласно которому общественная опасность незаконного перемещения их через таможенную границу настолько велика, что количество и стоимость перевозимого не влияет на квалификацию³. Вместе с тем, несмотря на то, что незаконное перемещение культурных ценностей через таможенную границу причиняет существенный вред культурному достоянию, оно не во всех случаях заслуживает применения столь сурового уголовного наказания. Следует дифференцировать ответственность за их контрабанду в зависимости не только от их стоимости, но и от их значимости для культуры.

Например, согласно Единому перечню товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, утвержденному решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 г. № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования», к куль-

¹ На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей. С. 23–24.

² Мартыненко, И.Э. Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 276.

³ Баяхчев, В.Г. Ответственность за контрабанду по действующему законодательству // Законодательство. 1998. № 12. С. 55.

турным ценностям, ограниченным к перемещению через таможенную границу, отнесены предметы техники, оборудование бытового назначения (их составные части, созданные более 50 лет назад).

Установление повышенной уголовной ответственности за контрабанду таких предметов не в полной мере учитывает принцип соразмерности наказания степени общественной опасности деяния, а также игнорирует требования должного санкционного обеспечения рассматриваемой нормы, поскольку квалифицированные признаки контрабанды, согласно ст. 228 УК, предусматривают безальтернативное лишение свободы (это подтверждает практика применения российского уголовного закона).

Например, Т. не заявил при таможенном досмотре книгу «О вкусной и здоровой пище» 1952 г. издания. Эксперт указал на культурную ценность перемещаемого объекта. В итоге уголовное дело с обвинительным заключением было направлено в суд¹.

Вместе с тем, не является бесспорной и позиция белорусского законодателя, определившего в качестве условия уголовного преследования за совершение контрабанды культурных ценностей обязательность наличия крупного размера незаконно перемещаемого. Данный размер представляется явно завышенным, а его определение затруднительным.

Так, стоимость предметов, представляющих культурную ценность, нередко определяется, исходя из закупочной практики музеев, антикварных магазинов, а также начальных аукционных цен². Последний способ, по мнению М.М. Богуславского, имеет ряд недостатков, поскольку стоимость культурных ценностей (особенно картин), предлагаемых к продаже на аукционах, заранее определить нельзя: «художественные произведения не могут быть оценены в денежном выражении до тех пор, пока они не проданы»³.

Таким образом, уголовно-правовая охрана культурных ценностей от незаконного перемещения через таможенную границу имеет ряд недостатков, обусловленных особенностями конструкции ст. 228 УК.

Для преодоления указанных недостатков в юридической науке высказывались предложения о выделении контрабанды определенных предметов в отдельный состав преступления. Например, такой точки зрения при-

¹ Ястребов, В., Диканов, К. Проблемы противодействия незаконному перемещению культурных ценностей через таможенную границу // Уголов. право. 2007. № 5. С. 120–121.

² Игнатьюк, А.З. Контрабанда и иные правонарушения во внешнеэкономической деятельности: теория и практика расследования. Минск: Амалфея, 2001. С. 55.

³ Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. С. 380.

держивается Т.М. Клименко, при обосновании целесообразности выделения контрабанды наркотических средств и психотропных веществ¹.

На наш взгляд, данное предложение в системном отношении является избыточным и не согласуется со сложившейся законодательной традицией квалификации в качестве контрабанды незаконного перемещения через таможенную границу любых предметов.

Представляется, что способом разрешения данной ситуации могло бы стать дополнение ч. 1¹ ст. 228 УК о контрабанде культурных ценностей в значительном размере (т.е. меньшем, чем крупный), который следует определить в примечании к данной статье.

В санкции предлагаемой нормы наряду с лишением свободы следует предусмотреть иные альтернативные ему наказания, что, с одной стороны, существенно повысит степень правовой защиты данных объектов, а с другой, – будет соответствовать принципу справедливости и соразмерности.

Квалифицированный состав преступления (ч. 2 ст. 228 УК) должна образовывать контрабанда историко-культурных ценностей или культурных ценностей, предложенных для включения в Государственный список историко-культурных ценностей. Данные предметы подлежат усиленной правовой защите, поскольку являются наиболее отличительными свидетельствами высокого развития культуры белорусского народа.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь включены преимущественно материальные недвижимые объекты, полагаем, что реализация таких изменений позволит создать дополнительные препятствия к незаконному вывозу за пределы государства предметов культурного достояния с учетом того, что законодательством предусмотрена возможность присвоения статуса историко-культурной ценности движимым объектам.

Стоит отметить, что подобный подход уже высказывался в уголовно-правовой доктрине при обсуждении путей совершенствования ст. 188 УК Российской Федерации в части контрабанды культурных ценностей².

Кроме того, для надлежащей защиты культурных ценностей помимо криминализации противоправных деяний в УК, необходимо применять соответствующие технические меры профилактики. В частности, следует создать голографический учет движимых культурных (историко-культурных) ценностей в целях предупреждения контрабанды.

¹ Клименко, Т.М. Контрабанда наркотических средств и психотропных веществ: вопросы квалификации // «Черные дыры» в Рос. законодательстве. 2007. № 3. С. 257.

² Русанов, Г.А. Уголовно-правовые проблемы совершенствования законодательства в области борьбы с преступлениями в отношении культурных ценностей // Рос. юстиция. 2010. № 1. С. 27.

Полагаем, что подобной мерой могло бы стать закрепление в ст. 30 Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны» нормы об обязательной голографии материальных культурных ценностей, составляющих Музейный фонд, представляющих собой наиболее ценные экспонаты Библиотечно-фонда, а равно движимых историко-культурных ценностей.

Следует также указать на неурегулированность в законодательстве Республики Беларусь вопроса о судьбе предмета контрабанды. Культурные ценности могут быть конфискованы, если они находятся в собственности осужденного, либо в порядке специальной конфискации (ст. 61 УК).

Вместе с тем, анализ ч. 6 ст. 61 УК не позволяет однозначно отнести культурные ценности к предмету специальной конфискации, поскольку они далеко не всегда являются: 1) орудием и средством совершения преступления; 2) вещами, изъятыми из оборота; 3) предметами, непосредственно связанными с преступлением. Такие ценности могут быть обращены в доход государства лишь в том случае, когда они приобретены преступным путем, однако достоверно установить это на практике крайне затруднительно.

В равной степени сомнительным представляется применение признака «предметы, непосредственно связанные с преступлением», так как подобная терминология не согласуется с устоявшимся в уголовно-правовой доктрине учении о предмете преступления. Для описания содержания специальной конфискации законодатель использует общеупотребимый в науке уголовного права термин «орудие преступления», однако вместо категории «предмет преступления» использует формулировку «предметы, непосредственно с ним связанные».

В этой связи закономерно возникает вопрос о соотношении указанных понятий и толковании норм УК. На наш взгляд, применительно к контрабанде культурных ценностей данные понятия не являются равнозначными, поскольку такие ценности при контрабанде выступают именно предметом преступного посягательства, а не предметом, с ним связанным.

С другой стороны, категория «предметы, непосредственно связанные с преступлением», является излишне обобщающей и оценочной, что неприемлемо при законодательном конструировании оснований лишения лица права собственности на перемещаемое им имущество. Использование в тексте нормативного акта оценочных понятий относится к факторам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, поскольку фактически наделяет лиц, принимающих решение о конфискации имущества, излишне широкими дискреционными полномочиями (т.е. полномочиями, которые могут осуществляться на основе собственного усмотрения).

На наш взгляд, при решении данного вопроса следует обратиться к опыту Российской Федерации и Республики Казахстан, законодатели которых предусмотрели возможность конфискации предмета контрабанды.

В целом вопросы уголовно-правового противодействия контрабанде в рамках Таможенного союза требуют дополнительного исследования, а их решение зависит от координации действий государств-участников Таможенного союза на законодательном уровне. Например, с завершением формирования Единого экономического пространства закономерно возникнет вопрос уголовно-правовой квалификации контрабандного ввоза именно на территорию Таможенного союза предметов, ограниченных или запрещенных к такому перемещению в связи с разными подходами правовой оценки содеянного.

В этой связи некоторыми учеными отмечается, что при ввозе, например, на территорию Республики Беларусь или Республики Казахстан ценностей, адресованных получателям в Российской Федерации, такие действия надлежит рассматривать как перемещение указанных предметов через таможенную границу Таможенного союза, а при ввозе ценностей в Россию с территории иных государств, не входящих в таможенный союз, следует говорить об их перемещении через таможенную границу Российской Федерации¹.

При этом в правовой науке однозначно указывается на то, что создание Таможенного союза затруднит деятельность таможенных и иных правоохранительных органов по расследованию таможенных преступлений, поскольку возникнет проблема определения места совершения деяния². При этом отмечается, что признаки состава преступления (его предмет и стоимость перемещаемого) должны быть едины для всех государств-участников Таможенного союза³.

Например, конструкция объективной стороны состава контрабанды, согласно уголовным законам Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, по-разному определяет размер перемещаемых культурных ценностей: Республика Казахстан – свыше 1000 месячных расчетных показателей (11 300 дол. США); Республика Беларусь – свыше 2000 базовых величин (22 000 дол. США); Российская Федера-

¹ Остапенко, В. Реформирование таможенного законодательства и уголовная ответственность за контрабанду // Уголов. право. 2010. № 3. С. 116.

² См.: Остапенко, В. Указ. соч. С. 116; Яковлева, С.А. Сложности квалификации контрабанды в условиях изменения таможенного законодательства // Уголов. процесс. 2011. № 4. С. 55–56.

³ Патара, В. Отдельные вопросы применения уголовного и административного законодательства в сфере таможенного дела в рамках Таможенного союза // Суд. весн. 2011. № 1. С. 33–34.

ция контрабанда культурных ценностей – в крупном размере (свыше 3000 дол. США).

Приведенные данные указывают на то, что в Республике Беларусь предусмотрен наиболее высокий размер стоимости перемещаемых культурных ценностей для целей уголовной ответственности за их контрабанду. В условиях существования Таможенного союза, когда таможенные границы государств перемещаются на внешние границы его государств-участников, создается реальная угроза кратного увеличения потока контрабандно перемещаемых культурных ценностей через белорусскую таможенную границу.

Слишком высокий размер незаконно перемещаемых культурных ценностей позволяет лицу на законных основаниях избежать уголовной ответственности. Как справедливо отмечается в правовой доктрине, при установлении в уголовном законе стоимости предмета контрабанды (в случае, если ранее для возбуждения дела было достаточно установить факт перемещения независимо от стоимости предмета) суд постановляет оправдательный приговор (при условии, что стоимость культурных ценностей не превышает крупный размер)¹.

Таким образом, ст. 228 УК нуждается в корректировке в части:

1) установления ответственности за контрабанду культурных ценностей в значительном размере (меньшем, чем крупный), что позволит расширить применение норм УК. Как справедливо отмечается в правовой доктрине, не имеющая практического применения, но действующая норма выполняет лишь общепредупредительную функцию и ее значение несущественно²;

2) расширения перечня предметов, указанных в ч. 2 ст. 228 УК, перемещение которых через таможенную границу влечет ответственность независимо от их стоимости, путем дополнения данной нормы указанием на историко-культурные ценности, а также культурные ценности, предложенные для включения в Государственный список историко-культурных ценностей.

Кроме того, предлагаем закрепить в УК норму об обращении в доход государства предмета контрабанды. Данное предложение обусловлено тем, что основания назначения наказания, в том числе в виде конфискации имущества, должны быть указаны в уголовном законе. В целом полагаем, что именно уголовно-правовые средства, а не меры административной ответственности могут стать сдерживающим фактором совершения контрабанды культурных ценностей. В этой связи мы не разделяем пози-

¹ Безверхов, А. Об обратной силе отдельных положений УК РФ о контрабанде, уклонении от уплаты таможенных платежей и взяточничестве // Уголов. право. 2012. № 5. С. 30.

² Саркисова, Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. С. 57.

цию Д.В. Васильева о дополнении уголовного закона нормой об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего такое преступление, но вернувшего вывезенные предметы в неповрежденном виде государству их принадлежности¹.

3.1.3. Проблемы квалификации умышленного уничтожения либо повреждения историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности

Для субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 344 УК, характерно осознание лицом общественной опасности деяния, направленного на уничтожение либо повреждение историко-культурной ценности. На наш взгляд, установление всех элементов субъективной стороны рассматриваемого преступления имеет определяющее значение при квалификации. Отсутствие должного внимания к этому вопросу в правоприменении приводит к различным подходам к квалификации деяний, совершенных при схожих обстоятельствах.

В качестве примера можно привести уголовные дела, возбужденные по факту повреждения историко-культурных ценностей, выраженного в похищении составных частей объекта, содержавших в себе цветные металлы. Данные преступные деяния были квалифицированы по-разному:

1) *только по ст. 344 УК*. Например, в июне 2003 г. М., имевший единый умысел на совершение продолжаемого преступления, по предварительному сговору в группе с П., а также с недостижимым возрастом привлечения к уголовной ответственности По. умышленно повредил путем демонтажа мемориальной плиты памятник истории и культуры Мемориальный комплекс «Проклятие фашизму» в Докшицком районе. Указанные лица разбили изъятые плиты на несколько частей и продали их как цветной металл. Содеянное было квалифицировано по ч. 2 ст. 344 УК²;

2) *по совокупности ст.ст. 205 и 344 УК*. Например, в 2003 г. Ч., находясь в состоянии алкогольного опьянения, по предварительному сговору с иным лицом похитил две мемориальные плиты с фамилиями погибших воинов Советской Армии с братской могилы в Дубровенском районе. Своими действиями они надругались и повредили памятник истории. В итоге было возбуждено уголовное дело по трем статьям: ч. 2 ст. 205, ч. 2 ст. 344 и ч. 2 ст. 347 УК³;

¹ Васильев, Д.В. Указ. соч. С. 10.

² См.: Архив суда Докшицкого района Витебской области за 2004 г. Дело № 1-124/04.

³ См.: Архив суда Дубровенского района Витебской области за 2004 г. Дело № 1-21/04.

3) *по ст. 346 УК*. Например, в 2002 г. неустановленное лицо похитило шесть плит с именами погибших солдат с обелиска «Защитникам родины, погибшим в 1941–1945 гг.» Уголовное дело было возбуждено по ч. 2 ст. 346 УК¹.

Таким образом, возникает вопрос: поглощают ли признаки повреждения в диспозиции ст. 344 УК признаки хищения? В описанных случаях совершалось прежде всего хищение составных частей материальных объектов. Повреждение выступало в качестве способа и средства совершения преступления.

Обратимся к законодательной и научной позициям по данному вопросу.

Обобщив судебную практику по делам о хищениях имущества, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь указал, что хищение имущества, сопряженное с умышленным уничтожением или повреждением другого имущества, если последнее содержит признаки преступления, квалифицируется как хищение и умышленное уничтожение (повреждение) имущества². Однако из приведенных выше примеров следует, что виновное лицо, изымая предмет, повреждает не другое, а единое имущество.

В теории существуют различные позиции по данному вопросу. По мнению ряда советских ученых, если кража отдельных частей предмета сопровождалась повреждением или уничтожением материальных ценностей, то содеянное квалифицируется как кража и умышленное уничтожение или повреждение имущества³. И.С. Тишкевич и С.И. Тишкевич предлагали рассматривать повреждение объекта с одновременным присвоением его частей как надругательство⁴. В Научно-практическом комментарии к УК 1960 г. отмечалось, что повреждение культурной ценности, сопряженное с хищением ее отдельных частей, образует совокупность преступлений⁵.

В современной российской правоприменительной практике проблем с квалификацией подобных преступных деяний не возникает. Это

¹ См.: Архив Смолевичского РОВД Минской области за 2002 г. Дело № 16200257.

² См.: О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 21 дек. 2001 г. № 15 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

³ См.: Бородак, А. Указ. соч. С. 32; Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений: учеб. пособие для вузов. М.: МГУ, 1984. С. 175; Советское уголовное право. Особенная часть / В.Д. Меньшагин [и др.] ; под общ. ред. В.Д. Меньшагина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 214–215.

⁴ Тишкевич, И.С., Тишкевич, С.И. Квалификация хищений имущества. Минск: Репринт, 1996. С. 22.

⁵ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. С. 383.

обусловлено наличием в УК Российской Федерации ст. 164 «Хищение предметов, имеющих особую ценность». Согласно ч. 2 указанной нормы, уголовно наказуемым является хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения, повлекшее их уничтожение, порчу или разрушение как целостного объекта, образующего культурную ценность.

В этой связи некоторые российские ученые считают, что цель хищения культурных ценностей состоит в завладении предметом преступного посягательства, а его возможное уничтожение либо повреждение, обусловленное способом изъятия (хищения), является лишь случайным последствием его действий¹. Тем самым отмечается возможность неосторожности по отношению к факту повреждения культурной ценности при изъятии ее в целом или ее частей.

В некоторых работах содержится указание на возможность как умышленной, так и неосторожной формы вины к факту повреждения или уничтожения культурной ценности при ее хищении². Эта точка зрения представляется нам более убедительной, поскольку лицо, повреждая материальный объект путем изъятия конструктивных (отдельных) элементов с корыстной целью, как правило, действует умышленно, по крайней мере, к его повреждению.

Тем не менее, возможны ситуации, когда преступник изымает элемент культурной ценности и практически не оставляет (и даже стремится не оставить) очевидных следов повреждения, однако повреждение все-таки происходит.

Например, в июле 2007 г. неустановленное лицо путем изъятия памятной доски повредило камень-памятник, расположенный в урочище Куропаты Минского района. Согласно протоколу осмотра, признаков надругательства не было обнаружено, изъятие доски не оставило явных видимых повреждений³.

В данной ситуации и возникает вопрос о том, является повреждение деянием сугубо имущественного порядка или исключительно культурного характера, лишаящего объект культурного достояния его исходно-исторического состояния, либо того и другого одновременно. Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для уголовно-правовой оценки содеянного.

¹ См.: Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. С. 216; Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 43.

² Лопашенко, Н.А. Указ. соч. С. 79.

³ См.: Архив Минского РУВД Минской области за 2004 г. Дело № 04016141270.

В.В. Кулыгин усматривает совокупность повреждения и хищения в случае, когда культурная ценность похищается с корыстной целью, но затем умышленно уничтожается, например с целью сокрытия преступления¹. Действительно, здесь совокупность хищения (при этом реальная совокупность) и очевидность квалификации по совокупности не вызывает сомнений. Поэтому нельзя признать правильной позицию Т.Р. Сабитова, который полагает, что уничтожение или повреждение лицом похищенных им предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, уже полностью охватывается составом их хищения².

На наш взгляд, неверно квалифицировать преступное деяние лица только по ст. 344 УК. Это обусловлено тем, что виновный преследовал, прежде всего, корыстную цель, а затем по различным причинам (они не имеют значения) принял решение уничтожить ранее похищенную культурную ценность. Как отмечается в научной литературе, в данном случае «корыстный мотив доминирует среди других преступных побуждений»³ и выражен в акте похищения культурной ценности. Следовательно, лицо совершает хищение, одним из признаков которого является завладение чужим имуществом именно с корыстной целью. В указанных ситуациях лицо последовательно совершает преступные действия, образующие реальную совокупность.

Перечисленные случаи следует отличать от фактов хищения историко-культурных ценностей, когда процесс (способ) изъятия (хищения) полностью или отдельных элементов сопряжен с ее повреждением. Повреждение историко-культурной ценности при ее хищении может выражаться:

1) непосредственно при ее изъятии с места хранения (нахождения), когда виновный отделяет саму ценность из среды структурного (технологического) оформления (например, вырезает полотно картины из рамки, распиливает на части скульптуру и т.д.). Повреждение историко-культурной ценности при хищении может произойти при ее последующем хранении или транспортировке.

Применительно к первым эпизодам мы имеем дело с хищением и умышленным повреждением культурного объекта, во втором случае – с хищением и повреждением (уничтожением) ценности по неосторожности;

¹ Кулыгин, В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2013.

² Сабитов, Т.Р. Указ. соч. С. 99.

³ Мартыненко, И.Э. Историко-культурное наследие как объект правоохранительной деятельности. С. 25.

2) при хищении отдельных элементов культурных ценностей, когда соответствующая их часть является одновременно составной частью объекта культурного достояния, повреждение объекта культурного достояния носит технологический (функциональный) характер и всегда образует совокупность хищения и умышленного повреждения объекта культурной ценности.

В данной связи действует правило о том, что «если преступление совершается способом или влечет следствие, ответственность за которые предусмотрена самостоятельной нормой, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, кроме случаев, когда способ или последствия предусмотрены в качестве обязательного признака состава преступления»¹.

Таким образом, умышленное повреждение историко-культурных ценностей, сопряженное с хищением их составных элементов, в случае, когда такое повреждение носит функциональный характер (является средством совершения хищения), надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 344 УК.

Анализ отечественного правоприменения позволяет выделить основные признаки лиц, изымающих наиболее ценные (в стоимостном выражении) конструктивные элементы, состоящие из цветных металлов. Объективную оценку признакам данных субъектов на основе изучения правоприменительной практики дать достаточно сложно, поскольку лишь незначительное число уголовных дел было передано в суд и рассмотрено. Производство по иным делам приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (приложение 2)). Данное обстоятельство позволяет отнести анализируемое деяние к субъектно-латентным преступлениям (в зависимости от механизмов образования латентной преступности)², т.е. нераскрытым преступлениям, когда известен факт совершения деяния, но не известны и не привлечены к ответственности виновные лица³.

Вместе с тем, криминологическое исследование личности преступника, посягающего на объекты культурного достояния, представляет ценность для противодействия аналогичным деяниям иных лиц. Следует отметить, что криминологические характеристики (в том числе личности

¹ Бабий, Н.А. Многообъектные преступления и пути преодоления конкуренции нормы-части и нормы целого // Юстиция Беларуси. 2007. № 6. С. 34.

² Оноколов, Ю.П. Проблемы классификации латентных преступлений // Проблемы в рос. законодательстве. 2010. № 4. С. 222.

³ Акутаев, Р.М. Криминологический анализ латентной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / СПб., 1999. С. 62–67.

преступника) целесообразно разделить на две группы. Основанием такой дифференциации являются особенности субъективной стороны.

К первой группе следует отнести совершение преступлений лицами, похищающими культурные ценности не в связи с их особой культурной значимостью, а в связи с возможностью сдать похищенное на цветной металл. Вторую группу составляют лица, объединенные в преступные группы и совершающие хищения культурных ценностей в связи с их художественными достоинствами.

Повреждение культурных ценностей и похищение их конструктивных элементов совершают лица мужского пола. В Российской Федерации наблюдается схожая ситуация: мужчины составляли 98,7, женщины – 1,3%, причем последние действуют на второстепенных ролях¹. Это объясняется тем, что необходимость в помощи женщин в хищении конструктивных элементов культурных ценностей отсутствует. В данной ситуации речь может идти о пособничестве либо об участии в организации преступлений.

Например, при хищении редитетных книг из Национальной библиотеки Беларуси в 2003 г. обвиняемая К. вынесла одну книгу в дамской сумочке, чем оказала существенную помощь преступной группе. Она с помощью макияжа и парика изменила внешний вид, обеспечив тем самым свою неузнаваемость при встрече с сотрудниками библиотеки².

Средний возраст лиц, совершающих преступления, составляет 20 лет. Удельный вес несовершеннолетних – 20%, лиц в возрасте от 25 до 30 лет – 12%. Наиболее многочисленной является возрастная группа лиц в возрасте от 18 до 24 лет – 68%. По данным российских криминологов, хищение культурных ценностей совершают в основном лица в возрасте до 30 лет (62,9%)³, большинство из которых не состоят в браке.

Среди лиц, совершающих преступления, 76% имеют базовое либо среднее образование, доля лиц с высшим образованием – незначительна. Несмотря на то, что криминологическая наука исходит из того, что недостаточный образовательный уровень молодых правонарушителей обуславливает неразвитость их интересов, примитивность и утилитарность потребностей⁴, в поведении лиц, посягающих на сохранность объектов культурного достояния, наблюдается достаточно профессиональ-

¹ Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 92.

² См.: Архив суда Ленинского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1–721/03.

³ Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 90–91.

⁴ Ковалев, М.И. Исследование образовательного уровня преступников // Совет. государство и право. 1968. № 2. С. 90–92; Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. М.: Юрайт, 2011. Т. 1: Общая часть. С. 627.

ный подход в выборе преступной ориентации¹. Их знания относительно общей ценности объекта посягательства, хотя и основаны на его высокой стоимости, но весьма профессионально увязаны с критериями, относящимися к его оценке как объекта историко-культурного происхождения.

Данное обстоятельство объясняется тем, что предметом хищения все чаще становятся картины, старинные рукописи и книги, монеты, медали и др. Очевидно, что в совершении этого преступления могут принимать участие лица, обладающие специальными познаниями о ценности этих предметов как произведений, имеющих историческую ценность.

29% от общего количества осужденных за преступления против культурного наследия ранее привлекались к уголовной ответственности – в основном за кражи (ст. 205 УК).

Большинство таких преступлений совершается по заранее обдуманному умыслу. Поэтому в криминологическом аспекте категорию лиц, совершающих хищения и повреждения объектов культурного наследия, в соответствии с общепринятой в криминологии классификацией преступников следует отнести к социально устойчивому типу правонарушителей².

Следует сказать и о второй группе преступников, посягающих на культурные ценности, о которой было упомянуто выше. Речь идет о профессионально подготовленной в образовательном отношении группе лиц, хорошо знающих и понимающих ценность объектов культурного достояния. По данным российских криминологов, такой тип преступников преобладает среди организаторов преступлений и скупщиков похищенного (научные работники – 22%; инженерно-технические работники – 17; художники – 21%; служители культа – 4%). Данное обстоятельство объясняется спецификой предмета посягательства и каналов сбыта, «нащупать которые можно, как правило, в среде с высоким социальным статусом»³.

Исходя из изложенного и с учетом анализа практики применения норм об ответственности за умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей, можно составить криминологический портрет лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 344 УК.

¹ Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 91.

² См.: Бышевский, Ю.В. Криминологическая характеристика лиц, неоднократно совершающих кражи, и уголовно-правовые меры предупреждения рецидива. Омск: Омск. высш. шк. милиции МВД СССР, 1978. С. 51–55; Жигулин, Р.И., Школьный, В.А. Криминологическая оценка эффективности уголовно-правовой охраны отношений собственности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2008. № 4. С. 90.

³ Приданов, С.А., Щерба, С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. С. 92.

Такое посягательство чаще всего совершают мужчины в возрасте от 18 до 30 лет, имеющие базовое либо среднее специальное образование, нередко ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности (в основном за преступления против собственности). Полагаем, что данный вывод может иметь практическое значение при профилактике преступлений против объектов культурного достояния.

3.2. Систематизация уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на культурные ценности

В уголовном законе нормы, имеющие общность объекта преступного посягательства, как правило, объединяются в отдельные главы. Данное обстоятельство существенно облегчает анализ «родственных» преступлений и подчеркивает стремление законодателя охранять определенную разновидность общественных отношений в системе, что, в свою очередь, указывает на их значимость для государства.

В юридической литературе отмечается, что систематизация представляет собой субъективный процесс, поскольку осуществляется законотворческими органами исключительно по своему усмотрению. При этом идеальной с точки зрения упорядоченности и, соответственно, эффективности права признается такая ситуация, когда систематизация права в максимальной степени соответствует системности права как такового¹.

Применительно к настоящему исследованию это означает, что нормы УК о преступлениях, посягающих на один и тот же непосредственный объект, должны быть объединены в одну главу и внутренне взаимосогласованы.

В законодательстве уже систематизированы нормы административного деликтного права о посягательствах на культурные ценности. Эти нормы расположены в гл. 19 КоАП «Административные правонарушения в области охраны историко-культурного наследия».

Полагаем, что аналогичный подход может быть использован при определении объекта посягательств на культурные ценности в УК ввиду общей направленности вредного воздействия деяний. Например, ст. 19.4 КоАП предусматривает ответственность за неосторожное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей. Однако в случае

¹ См.: Марченко, М.Н. «Система» и системный характер права // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. Конгр. уголов. права, Москва, 31 мая–1 июня 2007 г. / редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М., 2007. С. 13; Чермеринский, К.В. Принципы криминализации общественно опасных деяний // Рос. кримиол. взгляд. 2009. № 1. С.406.

причинения ущерба в крупном размере содеянное квалифицируется по ст. 345 УК.

Статьи 344–346 УК расположены в гл. 30 (преступления против общественного порядка и общественной нравственности), которая не в полной мере отражает специфику объекта посягательств на предметы культурного достояния. Сложно соотнести категории «общественный порядок» и «культурное достояние», а общественный порядок и нравственность едва ли можно признать родовыми объектами преступлений против культурных ценностей¹.

В юридической литературе указывается на отсутствие легального определения «общественного порядка»². При этом его доктринальное толкование не отличается единообразием³. Б. Волженкин отмечает, что в теории уголовного права имеется лишь представление об *общественном порядке* как об урегулированном нормами права порядке взаимоотношений между людьми, обеспечивающем соблюдение правил общежития, общественное спокойствие и нравственность, безопасные условия повседневной жизни людей⁴. По мнению А.Н. Копырюлина, особенностью преступлений против общественной безопасности является то, что они объективно вредны для широкого круга общественных отношений (безопасности личности, нормальной деятельности организаций, безопасности государства, иных социальных институтов)⁵.

Определение общественного порядка в качестве родового объекта преступного посягательства на культурные ценности в большей мере было характерно для советского нормотворчества⁶.

Нравственность – это внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяе-

¹ Старков, Е.А. Особенности объекта преступлений против общественной нравственности: отдельные аспекты // Рос. следователь. 2009. № 5. С. 24.

² Крамник, А. Административная ответственность за правонарушения против общественного порядка и нравственности // Юстыця Беларусі. 2008. № 9. С. 17.

³ См.: Еропкин, Т.И. Управление в области охраны общественного порядка. М.: Юрид. лит., 1965. С. 11; Ключниченко, А.П. Административная ответственность за хулиганство и проступки, совершенные на почве пьянства: по материалам практической деятельности органов МВД УССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 1969. С. 14.

⁴ Волженкин, Б.В. Хулиганство // Уголов. право. 2007. № 5. С. 17.

⁵ Копырюлин, А.Н. Система преступлений в сфере компьютерной информации в структуре УК РФ // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. Конгр. уголов. права, Москва, 31 мая–1 июня 2007 г. / редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М., 2007. С. 201–202.

⁶ См.: ст. 225 Уголовного кодекса Белорусской ССР.

мые этими качествами¹. *Общественная нравственность* – это система норм и правил поведения в обществе, основанная на представлениях о добре, чести, совести, справедливости, достоинстве, долге и т.п.²

Категория «нравственность» является не правовой, а философской, во многом оценочной. В этой связи справедливо замечание В.Н. Кудрявцева о том, что когда в законе объект преступления определен через оценочные понятия, для разграничения деяний нужен глубокий сравнительный анализ³.

Таким образом, родовой объект преступных посягательств на культурное достояние законодателем сформулирован достаточно широко. В данной связи заслуживает внимания мнение советских ученых о том, что необоснованная интеграция нормативного материала в чрезмерно укрупненные главы лишает однородные группы преступлений их качественной, сущностной общности, размывает их границы как системно взаимосвязанного образования. Поэтому наименование главы должно содержать максимальную определенность и выявлять родовой объект группы преступлений⁴. В данной связи вызывает возражение позиция Ю.И. Ляпунова, отмечавшего, что место нормы в системе законодательства не является определяющим критерием установления объекта предусмотренного ею состава⁵.

Представляет интерес мнение С.И. Тишкевича о том, что охрана одного и того же общественного отношения различными разделами УК не допускается⁶. Поэтому выделение отдельной главы УК, защищающей объекты культурного достояния, в большей степени будет способствовать пониманию характера общественной опасности как группы однородных преступлений.

Обоснована и позиция В.Н. Винокурова, отмечающего, что правильное решение вопроса о систематизации двухобъектных преступлений определяется сопоставлением социальной значимости тех общественных отношений и личных интересов, на которые непосредственно воздействует преступление. При этом, «если личное благо обладает большей со-

¹ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. С. 423.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. С. 444.

³ Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-изд., перер. и доп. М. : Юрист, 2006. С. 134.

⁴ Ляпунов, Ю.И., Мшвениерадзе, П.Я. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права // Изв. вузов. Правоведение. 1985. № 3. С. 25–33.

⁵ Ляпунов, Ю.И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел: учеб. пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1974. С. 22.

⁶ Тишкевич, С.И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификация преступлений. С. 105.

циальной ценностью, чем общественное благо, то нет оснований для исключения нормы, предусматривающей ответственность за соответствующее посягательство из системы преступлений против личности, и наоборот»¹.

Полагаем, что аналогичный подход следует применить также при определении места норм о преступных посягательствах на культурные ценности и при их систематизации. Например, если при хищении культурных ценностей прежде всего причиняется вред культурному достоянию, то законодатель вправе предусмотреть в УК отдельный состав, расположенный в самостоятельной главе о преступлениях против культурного достояния.

С учетом вышесказанного полагаем, что уголовно-правовые нормы, защищающие культурные ценности, имеют общую объектную направленность и должны располагаться в одной главе УК.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о практической возможности реализовать такую систематизацию.

Например, в гл. 6 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики предусмотрен параграф, посвященный преступлениям против контроля за культурными ценностями (§ 4). Он предусматривает ответственность за: 1) умышленную порчу или уничтожение культурных ценностей; 2) незаконную продажу или дарение иностранному гражданину культурных ценностей, запрещенных к вывозу из страны; 3) незаконную продажу культурных ценностей, которые не могут быть объектами хозяйственной деятельности; 4) выкапывание и разграбление памятников древней культуры, древних захоронений; 5) кражу и присвоение архивных документов.

Законодатель Испании в уголовном законе предусмотрел главу «О преступлениях, касающихся исторического наследия». В ней криминализованы: 1) разрушение здания, имеющего культурную ценность; принятие незаконного распоряжения должностным лицом на снос такого здания; 2) причинение ущерба архиву, музею, библиотеке, имуществу, имеющему особую ценность; 3) незаконные археологические раскопки.

Отдельного внимания заслуживает научная концепция российского ученого В.В. Кулыгина. По его мнению, отсутствие законодательной фиксации видового объекта преступлений против культурного достояния предопределяет «разбросанность» отдельных видов преступлений, посягающих на культурные ценности по разным главам УК Российской Федерации. Для преодоления указанных недостатков ученый предлагает следующую структуру главы уголовного закона, посвященную преступлениям против культурного достояния: 1) хищение и вымогательство культурных ценностей; 2) незаконный оборот культурных ценностей (приобретение, хранение, сбыт либо совершение иной сделки с культурными

¹ Винокуров, В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика. С. 36.

ценностями в нарушение установленных правил); 3) незаконный вывоз или невозвращение культурных ценностей; 4) уничтожение или повреждение культурных ценностей; 5) незаконные археологические раскопки; 6) нарушение законодательства об охране культурного достояния народов России¹.

Аналогичную структуру предлагают С.В. Богданчиков и Л.Р. Клебанов².

В целом разделяя подход российских ученых, полагаем, что некоторые из предлагаемых формулировок преступных деяний требуют уточнения. Например, по мнению С.В. Богданчикова, уголовная ответственность за нарушение законодательства об охране культурного достояния должна наступать за неисполнение возложенных на лицо обязанностей по управлению культурными ценностями или их охране, если это повлекло по неосторожности хищение (вымогательство), незаконный вывоз, уничтожение или повреждение культурных ценностей общероссийской значимости³.

На наш взгляд, конструкция данной нормы имеет ряд недостатков: в ней не конкретизирован субъект преступления; разделены хищение и вымогательство ценностей, что не соответствует концептуальному подходу к анализу хищения имущества как российским, так и белорусским законодателем. При этом, по мнению В.В. Кулыгина, самостоятельный состав преступления должен образовывать незаконный вывоз культурных ценностей, который действующим уголовным законом охватывается составом контрабанды⁴.

При определении структуры главы, объединяющей нормы о преступлениях против культурного достояния, следует обратиться к методологии систематизации, предложенной Ю.И. Ляпуновым и П.Я. Мшвениерадзе. Она, по мнению ученых, складывается из двух этапов. Первый состоит в делении уголовно-правовых норм и их размещении в определенной последовательности относительно друг друга. Второй этап – формирование классификационных подгрупп в рамках отдельных разделов уголовного закона⁵.

¹ Кулыгин, В.В. О возможности оптимизации уголовно-правовой охраны культурных ценностей. С. 11.

² См.: Богданчиков, С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. С. 104–106; Клебанов, Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Пробелы в Рос. законодательстве. 2011. № 3. С. 196.

³ Богданчиков, С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности. С. 25–26.

⁴ Кулыгин, В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2013.

⁵ Ляпунов, Ю.И., Мшвениерадзе П.Я. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права // Изв. вузов. Правоведение. 1985. № 3. С. 26.

Полагаем, что структурно предлагаемая глава может выглядеть следующим образом.

Глава 30. Преступления против общественного порядка, общественной нравственности и культурного достояния

Преступления, посягающие на культурные ценности в рамках данной главы можно разделить на следующие группы:

- **преступления, нарушающие физическую целостность объекта культурного достояния** (умышленные либо неосторожные уничтожение, либо повреждение историко-культурных ценностей);
- **надругательство над объектами культурного достояния** (надругательство над историко-культурными ценностями);
- **преступления, связанные с противоправным завладением культурными ценностями** (хищение культурных ценностей; невозвращение на территорию Республики Беларусь культурных ценностей);
- **преступления, посягающие на археологическое наследие** (незаконное производство археологических раскопок).

Представляется, что несмотря на общность родового объекта преступлений против культурных ценностей, в целях сохранения некоторых подходов и законодательных традиций ряд составов преступлений, посягающих на культурное достояние и образующих признаки самостоятельных преступлений, должны располагаться в существующих главах УК.

Например, защита культурных ценностей в рамках международного гуманитарного права (пп. 8 и 8¹ ст. 136 УК). Особенностью данных преступлений является их международный характер, а их закрепление в УК является реализацией международных договоренностей Республики Беларусь.

Учитывая степень общественной опасности и международный характер данных преступлений, законодатель распространил на них универсальный принцип действия уголовного закона Республики Беларусь в пространстве (т.е. возможность его применения к таким деяниям независимо от места их совершения). Кроме того, лицо, совершившее такие преступления, не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Особенность этих деяний состоит в их повышенной общественной опасности (как для государств и народов, так и для всего человечества). Именно это обстоятельство позволило законодателю разместить в разделе, открывающем Особенную часть УК, нормы об ответственности за причинение вреда культурному достоянию во время вооруженного конфликта¹.

Нарушение порядка перемещения культурных ценностей через таможенную границу образует контрабанду (ст. 228 УК). Данная норма является общей и при единстве родового объекта объединяет множество непосредственных объектов. Вместе с тем, в науке высказано мнение о

¹ Калугин, В.Ю. Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ. С. 5.

выделении контрабанды некоторых предметов в самостоятельный состав преступления¹. Полагаем, что подобные предложения нуждаются в обосновании, поскольку не согласуются со сложившейся законодательной традицией квалификации в качестве контрабанды незаконного перемещения через таможенную границу любых предметов.

Таким образом, рассмотрев проблемы квалификации уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на культурные ценности, а также установив общность объективных и субъективных признаков таких посягательств, можно сделать следующие выводы:

1. Исходя из особенностей родового и непосредственного объекта хищение культурных ценностей следует рассматривать как посягательство не на собственность, а на общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния. В этой связи предложено дополнить УК статьей об ответственности за хищение культурных ценностей независимо от их стоимости, расположив ее в отдельной главе, объединяющей нормы о посягательствах на культурное достояние.

2. Для эффективной борьбы с контрабандой культурных ценностей необходим комплекс законодательных и организационно-правовых мер, основными из которых являются:

2.1. Выделение из ст. 228 УК в отдельный состав преступления признаков контрабанды культурных ценностей в значительном размере (20 базовых величин и более), а историко-культурных ценностей – независимо от их стоимости. Действующий размер контрабанды (2000 базовых величин и более) предопределяет отсутствие правоприменительной практики и не учитывает социально-нравственную значимость культурных ценностей, которая не может определяться исключительно высокой стоимостью.

2.2. Дополнение ст. 61 УК нормой о том, что предмет контрабанды подлежит обращению в доход государства. Это обусловлено тем, что основания для назначения наказания, в том числе в виде конфискации имущества, должны быть указаны в уголовном законе, который данный вопрос четко не регулирует.

2.3. Закрепление в Законе «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны» нормы об обязательной голографии материальных культурных ценностей, составляющих Музейный фонд, представляющих собой наиболее ценные экспонаты Библиотечного фонда, а равно движимых историко-культурных ценностей.

3. Преступления против культурных ценностей обладают общностью родового и непосредственного объекта, который составляют общественные отношения в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния. Такие особенности объекта преступного посягательства в науке уголовного права рассматриваются как условия для систематизации норм об ответственности за преступления против объектов культурного достояния.

¹ Богданов, Д.И. Уголовно-правовые меры противодействия контрабанде С. 9, 19; Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. С. 248.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-правовая охрана культурного достояния как специфического объекта в начальном виде сводилась к защите предметов религиозного культа. Иные культурные ценности, потенциально относимые к культурному достоянию, тем не менее, охранялись как обычное имущество. По мере развития общества начинает учитываться культурологический аспект традиционных вещей быта, что обуславливает необходимость их сохранения уже не как собственно имущества, а как исторической культурной ценности для последующих поколений. Это выражается в расширении предмета уголовно-правовой охраны.

Основным родовым и непосредственным объектом преступных посягательств на культурные ценности являются общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния государства на национальном и международном уровнях с учетом идентификации их культурной значимости. В качестве дополнительного объекта преступных посягательств на культурные ценности могут выступать иные общественные отношения (собственность, жизнь, здоровье, порядок осуществления экономической деятельности).

В связи с общностью объекта посягательств на культурные ценности целесообразно объединить в одной главе УК нормы, их защищающие. При этом данную главу следует дополнить статьями об ответственности за: хищение культурных ценностей (независимо от стоимости похищенного); незаконное проведение археологических раскопок; присвоениеклада, состоящего из предметов, являющихся культурными ценностями (независимо от стоимости найденного имущества); невозвращение культурных ценностей на территорию Республики Беларусь.

Эффективность уголовно-правовой охраны объектов культурного достояния снижают следующие социальные факторы: 1) активное вовлечение культурных ценностей (в том числе с невысокой балансовой стоимостью) в хозяйственно-экономический оборот; 2) повышенный спрос на культурные ценности, обусловленный их особыми нравственно-художественными свойствами; 3) исключительно экономический стоимостный подход к оценке объектов культурного достояния, вовлекаемых в незаконный оборот.

В этой связи при оценке ущерба (вреда), причиненного культурным ценностям, следует ориентироваться на культурологические критерии оценки причиненного вреда и опасности содеянного (физический объем, степень урона (утраты), повреждение культурной ценности как особо контролируемого и сохраняемого объекта). Стоимость ценности как объективированного имущества может и должна учитываться в качестве дополнительного критерия при оценке опасности соответствующих деяний (с учетом способа посягательства).

В целях усиления противодействия контрабанде культурных ценностей необходимо дополнить ст. 228 УК ч. 1¹ об ответственности за контрабанду культурных ценностей в значительном размере (меньшем, чем крупный), который следует определить в примечании к статье. Действующий УК предусматривает ответственность за контрабанду культурных ценностей только в том случае, если их стоимость составляет крупный размер (более 2000 базовых величин). Это ограничивает возможность ее применения (за последние годы уголовные дела не возбуждались). Одновременно следует дополнить ст. 61 УК нормой о том, что предмет контрабанды подлежит обращению в доход государства. Основания назначения наказания, в том числе в виде конфискации имущества, должны быть указаны в УК, который данный вопрос четко не регулирует.

По итогам проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию норм УК, которые могут быть реализованы в законотворческой деятельности.

Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь может быть использован вывод о квалификации повреждения историко-культурных ценностей, сопряженного с хищением их составных элементов, по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 344 УК.

Результаты проведенного в работе анализа законодательства и правоприменительной практики могут использоваться в учебном процессе при преподавании учебных курсов «Уголовное право» и «Криминология», при подготовке научно-практического комментария к УК и иной учебной литературы по уголовному праву. Они также могут выступать основой для дальнейших научных исследований в силу социальной значимости проблем сохранения культурных ценностей, в том числе посредством применения норм УК.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Данные о рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на объекты культурного наследия

Статья КоАП	Количество рассмотренных дел	Вынесено постановлений о наложении взысканий	Производство прекращено за отсутствием в деянии состава административного правонарушения	Производство прекращено с истечением сроков давности наложения взыскания	Материалы направлены для производства предварительного расследования
1	2	3	4	5	6
2007 г.					
19.1	5	3	—	—	2
19.3	3	2	—	1	—
2008 г.					
19.1	4	1	—	3	—
19.2	3	3	—	—	—
2009 г.					
19.1	2	1	—	1	—
19.2	1	1	—	—	—
2010 г.					
19.2	6	5	—	1	—
19.3	1	—	—	—	1
19.7	4	—	—	4	—
2011 г.					
19.1	1	—	—	—	—
19.2	10	5	1	1	—
19.3	1	1	—	—	—

1	2	3	4	5	6
2012 г.					
19.1	4	2	1	—	—
19.2	29	8	9	3	2
19.3	2	1	—	—	—

Примечание.

Статья 19.1. Несоблюдение требований законодательства об обращении с материальными объектами и нематериальными проявлениями творчества человека, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности

Статья 19.2. Невыполнение требований охранных обязательств в отношении историко-культурных ценностей

Статья 19.3. Нарушение порядка и (или) условий выполнения работ на историко-культурных ценностях либо совершение действий, создающих угрозу историко-культурным ценностям

Статья 19.7. Нарушение порядка вскрытия воинских захоронений либо проведения поисковых работ

Приложение 2

Данные о зарегистрированных преступлениях, посягающих на объекты культурного наследия

Статья УК	Количество зарегистрированных преступлений	Предварительное расследование приостановлено (по п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК ¹)
1	2	3
2001 г.		
344	8	5
346	4	1
2002 г.		
344	6	1
346	5	4
2003 г.		
344	19	14
346	4	4

¹ Неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

2004 г.		
344	6	5
346	2	2
2005 г.		
344	5	3
345	1	—
346	4	3
2006 г.		
344	7	4
346	—	1
2007 г.		
344	6	7
346	2	2
2008 г.		
344	3	2
346	1	1
2009 г.		
344	1	—
346	2	1
2010 г.		
344	1	2
346	2	2
2011 г.		
344	2	1
346	—	1
2012 г.		
344	4	1
346	2	—

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историко-правовые и теоретические аспекты уголовно-правовой охраны культурных ценностей	5
1.1. Понятие и классификация культурных ценностей как предмета уголовно-правовой охраны	5
1.2. Сущность и виды посягательств на культурные ценности	17
1.3. Социально-правовые факторы преступлений, посягающих на культурные ценности	24
1.4. Развитие законодательства в области уголовно-правовой охраны культурных ценностей	29
1.5. Развитие научных взглядов на уголовно-правовую охрану культурных ценностей	40
Глава 2. Системно-правовая характеристика квалификации преступных посягательств на культурные ценности	51
2.1. Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 136 УК)	51
2.2. Преступления, связанные с незаконным оборотом культурных ценностей	56
2.2.1. Присвоение находки или клада (ст. 215 УК)	57
2.2.2. Контрабанда культурных ценностей (ст. 228 УК)	64
2.2.3. Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей (ст. 230 УК).	74
2.3. Преступления, нарушающие физическую целостность объектов культурного достояния	81
2.3.1. Умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (ст. 344 УК).	81
2.3.2. Уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности (ст. 345 УК)	89
2.4. Надругательство над историко-культурными ценностями (ст. 346 УК).	93
Глава 3. Проблемы квалификации и систематизация уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на культурные ценности	99

3.1. Проблемы квалификации преступных посягательств на культурные ценности	99
3.1.1. Хищение культурных ценностей как посягательство на охраняемые отношения оборота и сохранения объектов культурного достояния	99
3.1.2. Проблемы уголовно-правовой оценки контрабанды культурных ценностей	109
3.1.3. Проблемы квалификации умышленного уничтожения либо повреждения историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности	116
3.2. Систематизация уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на культурные ценности	123
Заключение	130
Приложения	132
<i>Приложение 1. Данные о рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на объекты культурного наследия</i>	132
<i>Приложение 2. Данные о зарегистрированных преступлениях, посягающих на объекты культурного наследия</i>	133

Научное издание

Шилин Дмитрий Владимирович

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Редактор *Е. Л. Мельникова*

Компьютерная верстка *И. В. Шайковской*

Подписано в печать 24.01.2014. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 7,23. Тираж 100 экз. Заказ 7.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

ЛИ № 02330/0548535 от 16.06.2009.

ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.